ЎЗБЕКИСТОН РЕСПУБЛИКАСИ ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

ЎЗБЕКИСТОНДА ИЖТИМОИЙ ФАНЛАР

1997

7—8

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ В УЗБЕКИСТАНЕ

Издается с мая 1957 г. по 12 номеров в год

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТА.

К 2500-летию Хивы

М. МАМБЕТУЛЛАЕВ, Р. АБДИРИМОВ

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ГОРОДА ХИВЫ

Хива — одна из жемчужин Востока. Сведения о г. Хиве сохранились в источниках, начиная с X в. н. э. Так, Истахри (930 г.) относил Хиву к числу тринадцати крупных для того времени городов Хорезма. Город Хива и окрестности его были тогда весьма благоустроены и орошались из канала Хейканик (современный Палваняб), выведенного из Амударьи. В дальнейшем Хива упоминается в работах Якута Хамави (XIII в.) и Низамиддина Шами (XIV в.), а в XV в. о Хиве писали Абдуразак Самарканди и Мирхонд.

В XVII в. Махмуд ибн Вали оставил следующее описание города: «Хива — город просторный, со здравым климатом, родина Шейха Наджмиддина Кубра». К этому же периоду относятся сведения о Хиве Абулгази Бахадур-хана («Шаджараи турк»).

Ценная информация о Хиве содержится в сочинении Худайберди ибн Кошмухаммада Хиваки (1832 г.) «Дил гараиб» («Сердце редкости»). Перечисляя древние города Хорезма, он пишет: «Еще один город Хорезма назывался Кала-и-Рамл. Основан он Сим ибн Нухом, наподобие ковчега своего отца. Нынче он (город) известен под названием Хивак. Город с очень хорошим климатом, в день можно обедать десять раз и это не причинит никакого вреда. Там находятся мазары некоторых святых». По преданию, на месте Ичан-калы (древней части Хивы) когда-то была пустыня, через которую пролегал путь из Мерва в Куня-Ургенч. На этом пути находился колодец с пресной водой, который назывался Хивак. Отсюда, дескать, и пошло название будущего города — Хива.

Как видим, подлинная история образования города оставалась неизвестной.

Оценка возраста г. Хивы в тысячу лет, господствовавшая в нашей и зарубежной историографии длительное время, целиком основывалась на данных, извлеченных из анализа нарративных источников, крайне немногочисленных и во многом противоречивых.

К настоящему времени этот метод установления возраста города оказался практически исчерпанным, что заставило обратиться к поискам других методов определения возраста Хивы, в первую очередь к методам археологического датирования. Впервые к ним обратился акад. АН Узбекистана Я. Г. Гулямов. Не проводя раскопок и располагая лишь крайне ограниченными материалами случайных сборов, Я. Г. Гулямов тем не менее нашел возможным высказать предположение об удревнении возраста города до II—III вв. н. э.

Следует заметить, что позднее неоднократно делались находки, указывающие на значительно более почтенный возраст Хивы, нежели традиционный X век.

Стратиграфические раскопки. В 1984—1990 гг. в целях установления возраста г. Хивы, этапов его развития, изучения предметов мате-

риальной культуры, определения конструкции оборонительных сооружений, мощности культурных напластований на разных этапах были заложены шесть стратиграфических раскопов и семь шурфов, общей площадью 1211 м².

В процессах работ на раскопах было выделено десять строительных горизонтов (счет снизу вверх).

Первый горизонт представлен остатками крепостных стен и башнями. Крепостная стена сохранилась на высоту 0,35—1,37 м. Она поставлена непосредственно на материке, которым в данном случае является желтый крупнозернистый песок. В основании стен — пахсовый цоколь с откосами. Пространство внутри цоколя заполнено песком и половинками крупноформатного сырца. На цоколе возведены двойные крепостные стены из кирпича-сырца (40—43×41—44×9—13 см) на глиняном растворе толщиной от 2 до 8 см. Большинство кирпичей маркировано тамгами. Ширина внутристенного коридора 2 м. В раскопе их на уровне первого строительного горизонта выявлена угловая башня, в плане квадратная (11,5×11,5 м), облегающая с двух сторон угол крепости. Толщина стены башни — 2,5—3 м, размеры внутрибашенного помещения — 2,53×2,90 м. Ширина прохода помещения — 0.80—1 м. пол внутрибашенного помещения был засыпан зернистым серым песком, сверху выстлан сырцом. На полу найдены фрагменты стенок хума, хумчи и фрагмент ручки красноглиняного кувшина с налепом в виде львиной головы. Здесь же лежали стенки сосудов, относящихся к середине I тыс. до н. э. Керамика древнехорезмийско-ахеменидского периода обнаружена в нижних слоях раскопов I, III, IV и шурфов № 1, 2.

Второй горизонт отделен от нижнего слоем запустения, толщиной 0,13—0,22 м. Стены башни снаружи обложены новыми приставными стенами толщиной 0,75—1,25 м. Обкладка произведена от уровня осыпи первоначальной стены, на 82—100 см выше верха пахсового цоколя. Стрелковый коридор и внутрибашенные помещения также были заложены сырцом. В результате толщина крепостной стены Ичан-калы достигла 7,5—9 м. В этот период происходит капитальная реконструкция всей оборонительной системы Ичан-калы в соответствии с новыми достижениями фортификации. В конце II горизонта стены Ичан-калы теряют свою оборонительную функцию.

Третий горизонт отделен от второго слоем запустения, толщиной 0,35—0,65 м. Над слоем запустения выявлены остатки стены из сырцового кирпича (35—39×37—39×5—9 см), высотой 0,42 м. В этот период сооружается раннесредневековый замок Куня-Арк и такой же кешк появляется в юго-восточном углу Ичан-калы.

В слое запустения третьего горизонта обнаружены фрагменты керамики и кости животных.

Четвертый горизонт, судя по стратиграфии раскопов, говорит о том, что граница города в этот период расширяется. Рыхлый серый надувной культурный слой толщиной 0.32—0,52 м перекрывал стены третьего горизонта. Культурный слой выходит за пределы стены Ичан-калы и содержит керамику IX—XI вв. Наличие слоя на гребне крепостного вала свидетельствует об отсутствии оборонительных стен в период четвертого строительного горизонта.

Пятый горизонт представлен обрывками стен из мелкоформатного сырцового и жженого кирпича (23—26×23—27×3—5 см). Толщина стены — 1,5—2,5 м, высота — 0,37—0,88 м. На гребне крепостного вала обнаружены поперечные сырцовые кладки из двух и трех рядов сырца.

Шестой горизонт связан со слоем запустения. На гребне крепостных стен появляются мусульманские захоронения, совершенные

в щелевидных погребальных камерах, боковые стены которых обложены несколькими рядами сырцовых кирпичей (22—24×23—25×3—5 см). Камера погребения № 1 имела двухскатное перекрытие; камера погребения № 3 перекрыта сырцовыми кирпичами (22—23×22—25×3—4 см), поставленными на ребро.

Почти все костяки лежали в вытянутом положении на спине или на правом боку, головой на запад, лицом на кыблу.

Седьмой горизонт дает следующую картину. Захоронения шестого горизонта забутовываются и поверх них сооружается стена из блока-пахсы. Стена сохранилась на высоту 0,52—0,72 м при толщине 1,10—1,40 м.

На раскопе I вскрыто 6 помещений. Они имели размеры 2,10—6×3—4,5 м. Их стены сложены из пахсы и сохранились на высоту 0,22—0,43 м.

Во всех вскрытых помещениях обнаружены два-три уровня жилой поверхности. В помещениях 4, 5 выявлены П-образные суфы, сложенные из жженого кирпича, с системой внутреннего обогрева типа китайских канов. В середине помещений находился круглый очаг диаметром 0,37—0,49 м. В верхних слоях помещения № 5 найдена джагатаидская медная монета второй половины XIII в.

Восьмой горизонт представлен обрывками стен двух помещений и колодцем. Колодец имеет в сечении эллипсовидную форму. Верхняя часть его стены обложена жженым кирпичом (22—24×25—29×3—5 см). Заполнение колодца состояло из мусорного, золистого, зеленого слоя. В нем найдены фрагменты керамики XIV—XVI вв.

Девятый горизонт характеризуется тем, что древние стены забутовываются серым комковатым глинистым слоем. После чего сооружается новая оборонительная стена с каплевидными или овальными в плане башнями. Помещение, относящееся к этому периоду, имеет размеры 3×4 м; пол его обмазан глиной.

Десятый горизонт представлен стенами высотой 7—9 м, укрепленными неправильной, овально-вытянутой формы башнями. Башни, как и крепостные стены, увенчаны зубцами. Стены Ичан-калы с двух сторон обложены пахсой толщиной 1,5—2 м. Кожухи с внутренним заполнением из глиняных комьев были укреплены деревянными балками, от которых во многих местах сохранились гнезда.

В обходной галерее крепостной стены найдена монета императора Павла I (1801 г.). Обнаружены фрагменты фарфоровых чашек с метками заводов Гарднера и Кузнецова.

Относительная и абсолютная хронология. Шурфы и раскопы, заложенные в разных частях города, вскрыли культурные слои до материка. Они последовательно накладываются друг на друга или лежат в одной плоскости, нарушая один другой. Изучение последовательности залегания слоев на каждом раскопе и синхронизация их в рамках Ичан-калы в целом дают возможность построить систему относительной хронологии всей свиты культурных напластований Ичан-калы. Анализ стратиграфически четко привязанного вещественного материала позволяет воссоздать схему абсолютной хронологии. В генерализованной схеме относительной хронологии Ичан-калы выделено десять строительных горизонтов.

Вне отложений определенного горизонта, в переотложенном состоянии, обнаружены фрагменты венчика хума, хумчи и стенок кубка, которые датируются VI—V вв. до н. э., относясь к периоду, который в схеме археологической периодизации древнего Хорезма выделен в так называемый «Древнехорезмийско-ахеменидский период». Усло-

вия обнаружения не позволяют связать эти находки с конкретными городскими структурами и говорить о возникновении Хивы как городского образования в тот период. Слои этого времени, как правило, перекрыты многометровыми толщами более поздних культурных напластований и зачастую уничтожены при многочисленных перепланировках еще в древности и средневековье. Однако о заселенности территории, на которой впоследствии формируются первые городские структуры Хивы, они свидетельствуют достаточно определенно.

Наиболее древние городские структуры связаны с комплексом керамики, обнаруженной в первом горизонте всех шести раскопов и шурфов и датируемой IV—III вв. до н. э. Это хумы и хумчи с выступающим наружу валикообразным венчиком и низкой шейкой, украшенные по внешней поверхности спиралями красного ангоба; тонкостенные чаши цилиндро-конической формы. Среди материалов, относящихся к I горизонту, выделяется ручка кувшина с налепом в виде львиной головы[1].

В IV—III вв. до н. э. город был обнесен двойной стеной из сырцовых кирпичей, скрепленных глиняным раствором. В основе двойных стен лежал пахсовый цоколь. На расстоянии 22—27 м друг от друга на стене были расположены укрепленные башни, с которых можно было обстреливать противника. Башни на стенах были прямоугольными, а на углах квадратными. Вся система крепостных стен была обнесена по периметру барьерной стеной-бермой, отстоящей от основных стен на 4,3—3,5 м. Снаружи укреплений вокруг города проходил широкий ров (22—36 м), сохранившийся и в последующее время. Анализ расположения города и конструкции фортификационных сооружений позволяет предполагать, что это был один из крупных административных центров; он контролировал канал и прилегающую к нему полосу вдоль канала Палваняб (средневековый Хейкаик). В этот период вокруг г. Хивы возникают поселения Камышлибобо, Касмообад, Топраккала и др.

Вещественные материалы, обнаруженные в культурных наслоениях второго горизонта, позволяют датировать его I—IV вв. Это период наивысшего развития городской жизни античной Хивы. Густо была застроена вся городская территория. В середине западной стены появляется цитадель. Городские стены с внешней стороны усиливаются мощным панцирем из кирпича-сырца. Камеры башен также закладываются сырцом. Полагают, что образовавшийся при этом мощный цоколь должен был служить защитой против стенобитных машин. Аналогичной перестройке подвергаются и крепостные стены других хорезмийских городов, располагавшихся на месте городищ Топраккала Хивинская[2], Гяуиркала Султануиздагская[3] и Топраккала Шаватская. Комплекс материальной культуры характеризуется высокоразвитым керамическим, железоделательным, стеклодувным производствами.

В конце IV в. город теряет свои фортификационные качества. Аналогичная ситуация прослежена на городищах Бурлыкала, Токкала, Койкрылганкала[4]. Отмеченные явления упадка и постепенного замирания жизни в городах Хорезма конца III—IV в. отражают наступающий кризис Древнехорезмийского государства. К сожалению,

---

[1] Воробьева М. Г. Керамика античного Хорезма//Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (ТХАЭЭ). Т. IV. М., 1959. С. 127.

[2] Лапиров-Скобло М. С. Новый памятник фортификации древнего Хорезма//Археологические открытия — 1968. М., 1969. С. 414.

[3] Раппопорт Ю. А., Трудновская С. А. Городище Гяуир-кала//ТХАЭЭ. Т. 2. М., 1958. С. 354.

[4] Кой-крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма (IV в. до н. э.— IV в. н. э.)//ТХАЭЭ. Т. V. М., 1967. С. 70.

у нас еще слишком мало фактов для широких обобщений по этому этапу истории Хорезма.

Третий горизонт отмечается тем, что в этот период на территории Хивы появляются сооружения типа хорошо известных в оседло-земледельческих районах Центральной Азии раннефеодальных кешков. Остатками подобного кешка является находящийся в Куня-Арке холм Акшихбобо. Античный, прямоугольный (7,5×11,5 м) в плане замок, как показали исследования, находится в юго-восточном углу Ичан-калы. Остатки замка представляют собой сплошной пахсовый монолит высотой 6—7 м, которому придана форма усеченной пирамиды путем обкладки нижней части пахсовым упором. Из слоев, соответствующих этим постройкам, извлечен комплекс керамики: фрагменты толстостенных хумов с валикообразным венчиком, украшенным по низу ямками от вдавлений пальцами; фрагменты водоносных кувшинов с треугольным в сечении венчиком и плоской, сужи-вающейся книзу ручкой; подставки под вертел и т. д., весьма характерные для раннесредневековой афригидской культуры Хорезма.

Найден также перстень — плоско-выпуклое в сечении кольцо, которое постепенно расширяется и утолщается к щиту.

Для этого периода характерно возобновление в религиозных воззрениях населения города зороастрийских представлений, что подтверждают фрагменты керамических оссуариев.

Четвертый горизонт был выявлен на всех раскопах и шурфах. Датирующим является комплекс керамики IX—XI вв., представленный пластинчатыми ручками водоносных кувшинов, фрагментами светло- и красноглиняных хумов с прямой горловиной. Во второй половине IX—XI в. население Хорезма переживает новый подъем экономической и культурной жизни. В городе функционируют мечеть и мастерские ремесленников.

Пятый горизонт иллюстрирует новый расцвет города в хорезмшахский период, т. е. в XII — начале XII в. Датирующий материал — фрагменты станковой сероглиняной керамики: хумы, хумчи, кувшины, миски, горшки, дигири. Как показывают археологические данные, город растет вширь, появляются новые поселения за пределами Ичан-калы.

Шестой горизонт ознаменован полной утратой оборонного значения стены и башен. В 1220—1221 гг. Хива, как и другие города Хорезма, была разрушена нашествием полчищ Чингис-хана. На гребнях стены Ичан-калы появляются захоронения в узких грунтовых ямах с двухскатным перекрытием из сырцового кирпича и перекрытием из такого же кирпича, поставленного на ребро. В начале XIII в. Хива вошла в состав Джагатайского улуса.

Седьмой горизонт — XIII—XIV вв., когда территория Ичан-калы осваивается полностью. Захоронения XIII в. на гребнях стен Ичан-калы забутовываются. Куня-Арк продолжал жить интенсивной жизнью. Здесь обнаружен квартал ремесленников. В раскопанных помещениях XIII—XIV вв. обнаружены каны в суфах. Дата определена на основе нумизматических данных и анализа керамических материалов.

В XIV в. Хива, лежавшая на пересечении караванных путей, была связана с городами Среднего Востока и Центральной Азии, о чем свидетельствуют найденные в 1984—1986 гг. серебряные монеты Амира Темура. Монеты Темура выпускались на 22 монетных дворах, в основном в городах Западного Ирана, Ирака, Азербайджана, а также в Самарканде, Герате, Хорезме и др. Обнаруженные теньги охватывают двадцатилетний период — 1385—1405 гг.

Восьмой горизонт свидетельствует о том, что в XV—XVI вв. городская жизнь в Хиве несколько ограничена; культурный слой с керамикой прослежен в районе Куня-Арка, около Учавлие, в раскопе III.

Девятый горизонт датируется XVII—XVIII вв. Стены города были тогда восстановлены, укреплены полукруглыми башнями. Ряд находок, в частности китайского фарфорового блюда с фантастическими изображениями и иероглифическими надписями на дне, свидетельствует о продолжающихся внутренних и внешних связях региона.

В последний археологически изученный период Хива сильно разрастается по площади, и ее границы выходят далеко за пределы крепостных стен. Последний строительный горизонт датирован по монетным находкам и керамическому материалу. Керамика XVIII—XIX вв. представлена фрагментами стенок и венчиков различных сосудов.

Вопрос о возрасте того или иного древнего городского центра, видимо, не может сводиться лишь к датировке культурных слоев или остатков архитектурных сооружений. Главное — выявление бесспорно городских структур, органически присущих лишь собственно городским образованиям: это, вероятно, наличие каких-то крупных общественных зданий (культовых, административных и т. п.), тип и характер жилой постройки, ее внутренняя структура, наличие остатков производств, фортификационные сооружения и, наконец, размеры поселения, квалифицируемого как городское образование.

Имеются существенные разночтения в определении набора признаков, выделяющих городское образование из других типов поселений. Но здесь нет необходимости входить в обсуждение этих разночтений.

В нашем распоряжении при установлении ранней даты Хивы как городского образования имелись лишь данные по фортификации и общей площади городища. Сравнительно фортификационные характеристики практически полностью совпадают с теми, которые мы знаем для городищ древнего Хорезма, определенных в качестве городов. Сравнение на примере древнего Хазараспа полностью подтверждает это положение.

Площадь раннего городища Хивы равна площади позднейшей Ичан-калы и составляет около 26 га. Используя этот показатель, исследователи древнего Хорезма определяют в качестве городских образований такие городища, как, например, Базаркала (33 га), Казаклыяткан (13 га), Ули Гульдурсун (8 га), Хазарасп (10,88 га) и даже такие небольшие, как Джанбаскала (3,5 га), полагая, что их размеры являются основным признаком, по которому они определяются в качестве древних городов.

Таким образом, Ичан-кала становится в ряд с крупнейшими городами древнего Хорезма и подобно им безусловно может трактоваться как древний город.

При определении древнейшей Хивы как города нелишне привести и некоторые общие исторические сведения и данные по исторической топографии древнего Хорезма. Рубеж V—IV вв. до н. э. можно считать переломным в историческом развитии древнего Хорезма. В конце V в. до н. э. он освобождается от власти ахеменидского Ирана и начинается процесс формирования независимого Хорезмийского государства. При этом происходит резкая активизация урбанизационных процессов; Хорезм переживает тогда своего рода «урбанизационный взрыв». Если для VI—V вв. до н. э. мы не можем достаточно уверенно определять в качестве городского образования ни одно из известных нам городищ, за исключением, может быть, только Кюзелигыра (40 га) и Калалыгыра (77 га), то с рубежа V—IV вв. до н. э. мы

насчитываем в Хорезме уже десятки поселений, которые можно отнести к числу древних городов.

Ранняя Хива вполне вписывается в этот процесс как один из крупнейших городов региона, возникающих на рубеже V—IV вв. до н. э. Артефакты VI—V вв. до н. э., о которых сказано выше, свидетельствуют о существовании на территории Хивы оседлоземледельческого поселения; в VI—V вв. до н. э. аналогичные поселения возникают на Хазараспе, Базаркале, Дингильдже.

К древнехорезмийско-ахеменидскому периоду относится керамический центр Южного Хорезма, Хумбузтепа, расположенный в 17 км к востоку от Хазараспа[5].

Таким образом, возникшее 2500 лет назад на базе Хейканикской ирригационной системы поселение Хива на рубеже V—IV вв. до н. э. становится крупным античным городом Хорезма. Заложенные тогда урбанистические традиции оказались весьма стойкими. Выявленный материал позволяет проследить почти непрерывный процесс развития Хивы как городского образования на протяжении многих веков, вплоть до наших дней.

[5] Мамбетуллаев М. Хумбузтепа — керамический центр Южного Хорезма// Археология Приаралья. Вып. 2. Ташкент, 1984. С. 22..

А. Р. МУХАМЕДЖАНОВ

ОБ ЭТИМОЛОГИИ ТОПОНИМА «ХИВА» И ГИДРОНИМА «ПАЛВАНЙАБ»

Хива, расположенная в низовьях Амударьи, является одним из древнейших городов Центральной Азии. Со своим прекрасно сохранившимся средневековым архитектурно-планировочным обликом Хива занимает особое место среди таких древних городов, как Бухара, Самарканд, Термез, Ташкент и т. д. Однако достоверные сведения о Хиве сохранились в письменных источниках лишь с начала X в. Город упоминается в них под названием Хайвак, Хивак и Рамл. В частности, в трудах арабоязычных географов X в. Истахри, Ибн Хаукаля и Мукаддаси приводится довольно большой реестр крупнейших городов раннесредневекового Хорезма. Вместе с тем дается, хотя и короткое, но емкое описание Хивы и ее окрестностей. В список Истахри включены названия тринадцати городов Южного Хорезма: Кас (Кат), Дарган, Хазарасп, Хива, Хушмисан (Хушмитан), Ардахушмисан, Сафардиз, Нузвар (Навзевар), Кардаранхаш (Кардаранхас), Кардар, Карйа Баратегин, Мадминия (Мазминия), Джуржания. При этом Хива названа четвертой, после Хазараспа. По описанию автора X в. Хива и ее округа были тогда весьма благоустроены. «И (начиная) от Хазараспа к остальным (местам) Джейхуна (идут) каналы, — пишет Истахри. — Среди них канал Хазарасп, который выходит из Джейхуна в стороне Амуля; он (по величине) около половины Гаухаре, по нему плавают суда. Потом в двух фарсахах от Хазараспа канал, называющийся Кардаранхаш, он больше канала Хазарасп. После него канал Хива. Этот канал больше, чем Кардаранхаш, по нему плавают суда до Хивы»[1].

О раннесредневековых городах Хорезма, в том числе о Хиве, наиболее полные сведения содержатся у Мукаддаси. Он упоминает более тридцати названий городов этого древнего края. По геогра-

[1] Abu Ishak al-Farisi al-Istakhri. Viae regnorum//Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum. Apud E. J. Brill, 1967. Bibliotheca geographorum arabicorum. I. P. 299.

фическому расположению (по отношению к Амударье) хорезмийские города разделены у Мукаддаси на две группы. Список первой группы городов, расположенных на правом берегу, начинается со столичного города Хорезма Кас (Кат). Затем перечисляются города Гардман, Айхан, Арзехива (Ардахива), Нукфат, Кардар, Миздахкон, Джашира, Садвар, Зардух, Карйа Баратегин, Мадминия. Значит, в X в. на правом берегу Амударьи находились двенадцать городов. А на левом берегу реки их количество доходило до двадцати одного: Джуржания, Нузвар, Замахшар, Рузанд, Вазарманд, Даскахонкас, Рахушмисан, Мадамисан, Хива, Кардаронхас, Хазарасп, Джигарбанд, Джуз, Даргон, Джит (Гит), Малая Джуржания, Второй Джит, Садфар, Масасан, Кардар (Курдер) и Андарастан[2].

В данном списке географа X в. приводится два одноименных города под названием Хива: первое — правобережный город Хива, второе — левобережный Арзехива. По описанию Мукаддаси, Хива находилась «на краю пустыни, это обширный город. Он на канале из реки, в нем благоустроенная соборная мечеть»[3]. .

Очень ценны сведения автора о товарах, производимых в Хорезме, в том числе в Хиве, «В нем, — говорит он, — производится виноград, много изюма, печенье, кунжут, полосатые одежды, ковры, одеяла, прекрасная парча (для подношения), покрывала «мульхам», замки, цветные одежды, луки, которые могут натянуть только самые сильные, особый сыр, сыворотка (творог), рыба. (Там) строятся и отделываются суда...»[4] У автора XIII в. Йакута Хамави этот исторический город Древнего Хорезма упоминается под названием Хайвак; он был расположен в 15 фарсахах (90—105 км) от столичного города Кас[5].

Хива как крупный город Хорезма упоминается во многих средневековых письменных источниках. Особенно часто сведения о нем приводятся в сочинениях геокосмографического характера, где Хива возвышается как родина одного из предводителей мусульманского ордена Кубравия — шейха Наджим-ад-Дина Кубра[6].

По сообщению Махмуда ибн Вали, в результате удаления Амударьи от г. Урганча столица Хивинского ханства была перенесена в Хиву[7]. «Хивак представляет из себя стольный град»,— писал автор XVII в. Мухаммад Тахир[8]. Итак, по сообщениям этих двух авторов, Хива стала столицей Хорезма в начале XVII в., примерно в 1610—1612 гг.[9]

Примечательно то, что в письменных источниках XIV—XVII вв. этот древний город Южного Хорезма упоминается под названием Хивак[10].

---

[2] Shamsaddin Abu Abdollah Mohammad ibn Ahmad al-Moqaddasi. Descriptio imperii moslemici/Ed: M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum. Apud E. J. Brill, 1967. Bibliotheca geographorum... III. P. 286.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Камалиддинов Ш. С. «Китаб ал-ансаб» Абу Саъда Абдулкарима ибн Мухаммада ас-Сам'ани как источник по истории и истории культуры Средней Азии. Ташкент, 1993. С. 51.

[6] Хамдаллах Казвини. Нузхат ал-кулуб. Ркп. ИВ АН РУз, инв. №616, 228 л. См. также: Амин Ахмад Рази. Хафт иклим. Ркп. ИВ АН РУз, инв. № 103/1, л. 461а—б; Махмуд ибн Вали. Море тайн относительно доблестей благородных (география). Ташкент, 1977. С. 19, 43.

[7] Махмуд ибн Вали. Море тайн... С. 19, 43.

[8] Мухаммад Тахир. Ажоиб ат-табакат. Ркп. ИВ РУз, инв. № 2380. л. 197б—198а.

[9] Ахмедов Б. Новые сведения о Хиве//ОНУ. 1982. № 2. С. 33.

[10] Хамдаллах Казвини. Указ. соч., л. 228б. См. еще: Мухаммад Тахир. Указ. соч., л. 197а—198б; Амин Ахмад Рази. Хафт иклим. л. 461а, б.

Очень ценные сведения о Хиве приводятся в сочинении хивинского историка первой половины XIX в. Худайберди ибн Кошмухаммада Хиваки «Дил гара'иб» («Сердце редкостей»). Особого внимания заслуживает легенда о истории возникновения города и его названия, широко распространенная среди хивинцев. «Еще один город (Хорезма) — Рамл, — пишет Кошмухаммад Хиваки. — Основан он Сам ибн Нухом... наподобие ковчега своего отца... Ныне он известен под названием Хивак. Еще говорят, что в слове (Хивак) скрыт та'рих (т. е. дата) на смерть Хазрета Пахлаван (Махмуда) Вали...[11] Та'рих этот (таким образом), стал названием этого города[12]. Прежнее название его (как уже сказано выше), было Рамл, т. е. место, изобилующее песком. (Однажды) Сам ибн Нух после охоты прилег там и заснул, а во сне видел себя в кругу трехсот зажженных факелов. Проснулся в приподнятом настроении и, решив оставить память о себе, засыпал эту местность землей и построил там город, а в другой приезд опоясал его крепостной стеной и вырыл родник на его западной окраине... Словом, как рассказывают, Хивак многократно разрушался и восстанавливался»[13].

Таким образом, возникновение г. Хивы и его названия было связано, по народной легенде, с рытьем родника по одной, или колодца — по другой версии, на краю Хорезмской степи. Путники, проезжающие через этот край, утоляя жажду из этого удивительного источника жизни в степи, от огромного наслаждения радостно восклицали: «Хейвак» — какая дивная вода. Так от восклицания «Хейвак» город получил свое наименование — Хивак.

Возникновение топонима «Хивак» действительно было связано с водным источником, но не с родником или колодцем, а с главной водной артерией края — Амударьей и одним из магистральных каналов, выведенных из нее для орошения Южного Хорезма и его населенных пунктов, о чем ярко свидетельствуют данные автора X в. Абу Исхака Истахри. Он точно указывает, что г. Хива и его округа «орошались по одноименному каналу, выведенному из Джейхуна»[14], т. е. Амударьи.

Итак, по Истахри, в X в. этот древний город Хорезма и главный водный источник — магистральный канал, орошающий городскую округу, носили единое название — «Хивак».

Однако следует отметить, что топоним «Хивак», или, сокращенно, «Хива», относится к той группе географических названий, начальная форма которых сильно изменилась с течением времени, и потому он трудно подвергается как лингвистическому, так и этимологическому исследованию.

Выясняя вопрос о единстве хивинского канала Палванйаб с каналом Хайконик, Я. Г. Гулямов допускает предположение о древности происхождения названия «Хайконик», сравнивая его с архаическими названиями целого ряда географических пунктов вокруг г. Хивы, как, например, Пешканык, Рафанык, Безганык, Кнык и т. п.[15]

Гидроним «Хайконик», впервые встречаемый в вакуфных документах первой половины XIV в., ханских ярлыках XVIII—XIX вв. и хивинских хрониках XIX в., фиксируется то в форме «Хайконик»,

---

[11] Один из видных столпов тариката Кубравия. Настоящее имя его — Маулана Джанмухаммад Азизан Хорезми (ум. в конце XIV в.).

[12] Цифровое значение слова «Хивак» по летосчислению составляет 726/1326.

[13] Худайберди ибн Кошмухаммад Хиваки. Дил гара'иб. Ркп. ИВ АН РУз, инв. № 1335, л. 56 а—б.

[14] Истахри. Указ. соч. С 299.

[15] Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957. С. 129.

то «Хайваник». Последнее, как подчеркивает Я. Г. Гулямов, безусловно, является искаженным и более поздним вариантом названия «Хайконик»[15]. По всей вероятности, как нам кажется, ойконим «Хайконик» является наиболее древней и исходной формой названия «Хивак», т. е. Хива.

Это синонимическое название в форме «Хайконик» состоит из трех субстратов: «хай» (в исходной таджикско-персидской форме — «хар»), «кон» (восходящий к согдийскому «канга» или «канда») и уменьшительного суффикса «ик» (в правильной форме — «ак»). Последний является словообразовательной морфемой лексемы. А если опустить суффикс «ик», то лексема приобретает форму «хайкон», состоящую из двух основных словообразовательных субстратов: «хай» и «кон».

В письменных источниках арабоязычных авторов IX—XII вв. перечисляется немало географических названий в Мавераннахре с топоформантами «хай» и «хар». Например, по реестру Сам'ани и Якута, в окрестностях Шаша, Джизака, Самарканда и Бухары были расположены такие населенные пункты, как Хайрабат, Хайдаштар, Хайрахури, Хайзахури, Харашкат, Харкан, Хардун, Хартанг, Харджанкас, Хархур и мн. др.[17] Субстрат «хар», в народной лексике часто произносимый в форме «хай», означает объем или величину объекта, предмета — большой, огромный, крупный, великий, широкий. Так, таджикско-узбекское слово «харсанг» означает «большой камень», т. е. булыжник; «харгуш» — крупноухий, т. е. заяц; «хартанг» — огромная теснина, т. е. глубокое ущелье, и т. п. Таким образом, субстрат «хар» в форме «хай», как вспомогательный композит к топооснове «кон» гидронима «Хайкон», определяет величину объекта. А субстрат «кон», восходящий к согдийскому «канта» или «канда» и означающий реку, канал, проток, ложе, русло, выступает как топооснова гидронима «Хайкон».

В исторической географии Зарафшанской долины, в частности Бухарского оазиса, встречается немало ойконимов с топоосновой «кон» и ее разночтениями (ком, кол, кал, гон, ган, джан, джон, в отдельных случаях — хон или хан). Например, Шофурком, Коми-Акка, Кумишкон, Вавкан, Коми-Абу Муслим, Комот, Коми-Мех, Коми-Зар, Мугкон, Абинджан, Сомджон, Джонжор, Колобод, Харконруд, Калкан-Ата и др.

Однако следует отметить, что топооснова «кон» с ее разночтениями, означающая водный источник (река, канал, проток), широко присутствует как основной топоформант и топонимов, и гидронимов средневекового Мавераннахра и Хорезма. Таким образом, топооснова «кон» в сочетании с композитом «хай» или «хар» в форме «Хайкон» или, правильнее, «Харкон», означает дословно «большую воду», «великую реку», т. е. реку-матушку. А магистральный канал, многоводный проток в лексике хорезмийцев передается в форме «йаб» или «арна».

Исходя из сказанного, можно заключить, что в средневековье под названием «Хайкон» со словообразовательным суффиксом «ик» понимались одновременно один из магистральных каналов Южного Хорезма и г. Хивак, воздвигнутый на берегу этого водного источника. Поэтому в письменных памятниках название «Хайконик» встречается и как топоним, т. е. как название города, и как гидроним, т. е. водный источник, орошающий город и его окрестности. Этот левобережный магистральный канал Южного Хорезма в XIX в. был известен под

[16] Там же. С 128.

[17] Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия//Соч. Т. I. М., 1963. С. 173—185.

названием «Пахлаванйаб» или «Палванйаб[3]. У хивинских авторов Мунис а и Агахи имеется прямое указание на то, что канал Хайваник (Хайконик) известен под названием Пахлаванйаб[18]. Таким образом, не остается сомнений в отождествлении канала Пахлаванйаб с древним хивинским каналом Хайконик или Хайваник. В народной лексике хивинцев этот канал называется Палванйаб.

Известные в средние века названия крупных оросительных каналов Хайконик или Хайваник, а в последующем Пахлаванйаб или Палванйаб являются синонимами понятий «Канал, берущий начало у большой реки; магистральный канал, выведенный из реки; канал, отделившийся от реки». Гидроним Пахлаванйаб или Палванйаб состоит из двух субстратов: «палван — пахлавон» («сильный, могучий, огромный, большой») и «йаб» («аб» — «вода»). В связи с этим название выросшего в середине I тыс. до н. э. на берегу канала города Хивы стало производным от ойконима Хайконик (правильное фонетическое звучание — Харконак), что означало: «Город, расположенный на берегу большой воды, т. е. канала, отведенного от реки».

В средневековых рукописях этот город описывается в форме «Хивак», а со второй половины XIX в. — Хива. Эти названия, по нашему мнению, непосредственно связаны с термином «Хайваник». Этот термин разбивается на составные «Хай-ван-ик», т. е. две топоосновы и суффикс «ик». В народном говоре из первого слога («хай») выпала буква «а», из второго («ван») — буква «н», а из суффикса «ик» — буква «и». В результате термин «Хайваник» превратился в «Хивак», а затем — в «Хива». Таким образом, можно сделать заключение, что в древнем термине «Хайконик» скрыта этимология города Хивы, а в термине «Хайваник» — форма названия г. Хивы. Итак, Хива — это город на берегу магистрального канала, а Палванйаб — «большая вода», орошавшая этот город, т. е. магистральный канал. И действительно, в средние века Палванйаб считался самым крупным каналом Хорезмского оазиса, выведенным из Амударьи. Предпринятый ретроспективный анализ позволяет сделать вывод, что название «Хива» означало «город на берегу Палванйаба». Эти два термина, отличающиеся друг от друга по построению и произношению, в принципе давали одно и то же понятие, т. е. являлись синонимами: Хива — «большая вода»; Палванйаб — магистральный канал, т. е. тоже «большая вода».

---

[18] Мунис—Агахи. Фирдаус ал-икбал. Ркп. ИВ АН РУз, инв. № 821/1, л. 426б.

А. РАХМАНОВ

К ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ ХИВЫ XVI—XX ВЕКОВ

На протяжении многовековой истории г. Хивы он неоднократно переживал периоды упадка и подъема, пока не достиг кульминации своего развития в XIX в. Сложившийся в XIX в. город в основной планировочной схеме сохранился до наших дней.

В исторической топографии г. Хивы отражен традиционный принцип сложения города вокруг крепости с его четко выраженными частями: арк (цитадель) — шахристан (собственно город) — рабад (предместье). Ичан-кала (шахристан) обнесена мощными крепостными стенами, вокруг которых расположены кварталы предместий — Дишан-кала (наружный город), в свою очередь также огражденная крепостными стенами.

Хива представляет собой в плане вытянутое с запада на восток поселение неправильного очертания, расширенное на восточном конце. Расстояние между крайними точками контура стен наружного города Дишан-кала составляет около 2,5 км по длине и 1,5 км по ширине, с юга на север. В центре этой территории, со смещением к востоку, находится «внутренний город» — Ичан-кала, площадь которого в пятнадцать раз меньше общей площади города. Ичан-кала, приподнятая над предместьями, выстроена в древних традициях центральноазиатского градостроительства, как и многие другие города (Бухара, Пайкенд, Шахрисабз), в виде вытянутого с юга на север правильного прямоугольника (650×400 м), замкнутого контуром городских оборонительных стен и рассеченного внутри на 4 части двумя пересекающимися магистралями, соединяющими четверо городских ворот в южной и северной, западной и восточной стенах.

Улицы предместий центральноазиатских городов обычно соответствовали исторически сложившимся транзитным путям, которые вели в другие города страны. И в Хиве эти магистрали сохранились, когда складывалась Дишан-кала с выездом вовне уже через ворота, выстроенные в городской стене: на восток вели Хазараспские ворота (Кой дарваза) и ворота Пишканик, названные по имени близко расположенного кишлака; на юг — ворота Багишамал, по названию загородного сада Аллакули-хана, носившие еще наименование кишлака Ангарик (Янги-арык); ворота Шихлар (Шейхлар) — по одноименному близлежащему кишлаку из вакуфных земель комплекса Пахлаван Махмуда; ворота Тоза-баг, на дороге к еще одному загородному дворцу Мухаммада Рахим-хана II, Кубла-тоза-баг; на западной стороне были расположены ворота Шахи-Мардан, по названию кишлака с большим некрополем; на север вели ворота Даш-аяк и Гандимян, названные по одноименным селениям; ворота Гадайлар, расположенные у городского квартала нищих (гадайлар), и, наконец, Кош дарваза — двойные ворота на северной дороге в Ургенч. Только двое из них — Кой дарваза и Кош дарваза сохранились и функционируют по сей день.

Стены Ичан-калы высотой 7—8 м сложены из рядов пахсы, а в нижней части — из крупных сырцовых кирпичей-блоков. По периметру стен, примерно через каждые 30 м, выступают массивные круглые башни. Ворота и стены Ичан-калы служат образцом средневековых фортификационных сооружений, сохранившихся до наших дней. Дишан-кала не получила явно выраженной характерной радиально-кольцевой планировки, как, например, это было в Ташкенте. Сеть городских кварталов, окружающих Ичан-калу, ориентирована в сложном соподчинении на стены Ичан-калы, магистрали дорог и водные артерии, прорезающие город. Жилые массивы Дишан-калы сосредоточены у подножия северного, восточного и западного фасадов Ичан-калы, причем западная часть больше была занята пашнями и садами знати. На территории Дишан-калы протекает лишь один крупный и полноводный арык Сирчали, огибающий город дугой, с юго-запада на северо-восток, с ответвлениями. С севера контур стен Дишан-калы был ограничен течением арыка Палван-яб, а с юга — каналом Заккаш. Эти водные артерии служили естественными рубежами за пределами внешнего кольца городских оборонительных стен.

Историческая топография города складывается не только из природного ландшафта (холмы Ичан-калы в кольце животворных водных источников) и не ограничена историческими связями Хивы с соседними поселениями края и сопредельными странами. В застройке позд-

нефеодального города отразились его социальная структура и духовная жизнь хорезмийцев.

Хива стала столицей государства лишь с 1566 г., при Дустхан ибн Буджги (по Я. Г. Гулямову), а по мнению В. А. Булатовой, — при Асфандияр-хане I (1623—1642 гг.) и Абулгази-хане (1642—1668 гг.). Однако ее интенсивное развитие начинается при Араб Мухаммад-хане (1602—1623 гг.), когда начали строить монументальные сооружения, как медресе Араб Мухаммад-хана (1616 г.), мечеть и бани Ануша-хана (1657 г.), медресе Ходжамбердыбия (1668 г.).

Экономические и политические кризисы в стране, калейдоскопическая пестрота в смене властей — «игра в ханы» (хонбози) в целом губительно отразились не только на жизни Хивы, но и всего Хорезма. Захват Хивы иранскими войсками Надир-шаха в 1740 г. привел к разорению страны.

Вероятно, в этот период из-за слабой экономической и политической силы правителями Хивинского ханства территория города (шахристана) была значительно сокращена и окружена крепостной стеной, о чем свидетельствует карта, составленная инженером Назимовым. Большие укрепительные работы были проведены в Куня-Арке (1686—1688 гг.).

В конце XVIII в. начинается перелом в жизни оазиса и города — династия Кунградов в лице Мухаммад Амин инака (1763—1791 гг.) берет власть в свои руки и начинает борьбу за объединение всего Хорезма.

Некоторая стабилизация политического положения сразу же отражается на благосостоянии города. Мунис пишет, что к 1782 г. восстановительные работы в Хиве были завершены[1].

В частности, стены и башни Ичан-калы были отремонтированы (таъмирлик кургузди), восстановлены все разрушенные здания города[2]. В то же время вторично восстановлено и медресе Ходжамбердыбия.

В этот период, кроме восстановительных работ, были построены медресе Шергази-хана (1765 г.), медресе Мухаммад Амин инака (1765 г.), перестраивается и значительно расширяется мечеть Джума с минаретом (1788—1789 гг.) на месте старой мечети.

Объединение и упрочение Хивинского ханства продолжал Мухаммад Рахим-хан (1806—1825 гг.). В конце XVIII — начале XIX в. в связи с развитием торговли с Россией (Уралом, Поволжьем и Сибирью) экономика ханства укрепляется, развиваются города Хива, Новый Ургенч и др.

Наибольшее количество монументальных сооружений Хивы относится к XIX в. Они-то и слагают архитектурный облик города, неповторимые очертания которого сохранились до наших дней. В этот период Хива сильно разрастается по площади и ее границы далеко выходят за пределы античного и средневекового города.

В начале XIX в. столица ханства превращается в огромную строительную площадку. Начинаются большие строительные работы у восточных ворот — Палван дарваза. Очевидец событий этого периода, придворный историк Худайберди ибн Кошмухаммад пишет: «...(Еще) говорят, что Хивак много раз подвергался разрушениям и вновь восстанавливался. Он благоустроен покойным отцом его величества (Аллакули Бахадур-хана), прощенным (аллахом) и пребывающим в раю Абу-л Гази Мухаммад Рахим ханом и его братом, прославившимся

[1] Ширмухаммад Мунис, Мухаммад Риза Агахи. Фирдавс аль-Икбал. Ркп. ИВ АН РУз, инв. № 5071, л. 73б.

[2] Там же, л. 83б.

по всему миру покойным Кутлуг Мурад инаком. Благодаря их стараниям (тогда) было построено большое медресе (Кутлуг Мурад инака. — *Р. А.*).

Значительный вклад в это дело внесли Шир диван-беги, один из видных слуг упомянутого имама и великий везир Мухаммад Риза кушбеги. По велению почивающего в раю хана были построены (также) караван-сарай, крытый базар (тим) и большое медресе между ними» (Алла Кулихана. — *Р. А.*)[3].

О строительстве дворцового комплекса Таш-Хаули ценные сведения приводит Агахи. Он отмечает, что после похода в Мерв Аллакули-хан посещает дворец Таш-Хаули, часть которого была достроена к его возвращению. Ответственным за ведение строительства дворца был Мухаммад Якуб мехтар. Также приводится хронограмма «ишратфазо макоме», означающая 1248 г. х. — 1833 г. н. э. В 1833 г. строится тим Аллакули-хана.

И, наконец, в 1250/1834 г. с восточной стороны медресе Ходжамбердыбия было завершено строительство медресе Аллакули-хана. О возведении этого медресе приведенный выше автор рассказывает: «...А между караван-сараем и воротами Пахлаван Махмуда (Палван дарваза), по распоряжению Аллакули-хана построено высокое медресе, портал которого обратили в сторону медресе Кутлуг Мурад инак (построенного в 1806—1807 гг. — *Р. А.*), создав систему «кош» («...ва ул мадрасанинг пештогига қаратуб куш мукобила килдирди»)[4]. В ходе строительства медресе Аллакули-хана капитально перестраивается медресе Ходжамбердыбия. Помещения его частично разбираются и понижаются по высоте. Для создания системы «кош» с медресе Кутлуг Мурад инака на оси запад — восток возводится входное купольное помещение, разделившее медресе Ходжамбердыбия на два неравных по размеру дворика. Дверь и мраморная плита с заложенного главного входа на юге переносят во входной проем северного дворика.

Надсмотрщиком (корфармо) за производимыми работами был назначен Мухаммад Риза Кушбеги, а после его смерти — Имам Кушбеги[5]. В их обязанности вменялся и ремонт окружающих строений. Таш-Хаули полностью достраивается в 1838 г. В течение последующих двух лет (1838—1840 гг.) восстанавливаются бани Ануша-хана и Акмечеть, возведенные еще в 1656—1658 гг., а также перестраивается Палван дарваза.

В 1840 г. по поручению Аллакули-хана перестраивается заново обветшавшее деревянное (каркасное) здание медресе Мухаммад Амин инака, возведенное уже из кирпича. Ответственным за выполнение этого дела был назначен Мухаммад Якуб мехтар[6].

К 40-м годам XIX в. практически завершается сложение ансамбля у восточных ворот Ичан-калы. Необходимо также отметить, что в этот период были осуществлены большие строительные работы по сооружению мавзолея Пахлаван Махмуда и ремонтно-восстановительные работы по мавзолею Санд Аллауддина и Куня-Арку.

Самым грандиозным событием этого периода стало сооружение второй линии обороны города — крепостных стен нынешней Дишан-калы.

После очередного набега на Хорасан 20 тыс. жителей южных районов были переселены в Хорезм и его столицу Хиву. В 1842 г. под

---

[3] Ахмедов Б. А. Историко-географическая литература Средней Азии XVI—XVII вв. Ташкент, 1985. С. 148.

[4] Мухаммад Ризо Огахий. Асарлар. V жилд. Ташкент, 1978. 137-б.

[5] Мунис, Агахи. Риёз ад-Даула. Ркп. ИВ АН РУз, инв. № 821, л. 358а.

[6] Там же, л. 358а.

руководством Мухаммад Якуб мехтара в течение 30 дней удалось соорудить вокруг Хивы мощную шестикилометровую городскую крепостную стену с десятью воротами. В черту города вошли загородные дворцы хана — Рафаник, Нуруллабай и Нуруллабек. С тех пор эта часть территории города стала называться «Дишан-калой» (т. е. «внешний город», «внешняя крепость»).

В честь градостроительных преобразований тогда были сложены хвалебные оды. Историк Агахи время строительства крепостных стен определяет словами «Хисори хуш бино» — «Укрепление стройно сооружено», что в цифровом означении дает 1256 г. х. (1842 г. н. э.)[7].

После появления внешней стены города, огородившей Дишан-калу, городская часть, окруженная малым кольцом крепостных стен, длиною 2100 м, получает название «Ичан-кала» — «внутренняя крепость», собственно, древняя часть города.

Довольно подробное описание г. Хивы на данный период имеется в Записках Русского географического общества, в статье Г. И. Данилевского. Он пишет: «...Хива — расположена между канавами Ингирик и Чарджели, вытекающих из канавы Палван, и обведена двумя глиняными стенами. Одна, ограничивая главную часть города, построена на небольшой возвышенности и образует довольно правильный четырехугольник, с четырьмя башнями по углам; длина ее 320, а ширина 200 сажень, что составляет 2 версты и 40 сажень в окружности; высота стены до 3 1/2 сажень, при 4-х саженковой толщине в нижней части и не более 1 фута в верхней. Эта часть города имеет 3-е ворот, на восток Абдаль-бобо, на север Бахчи дарваза, на запад Шермухаммад-Ата; все они складены из кирпичей и украшены изразцами». На данный период еще четвертых ворот Ичан-калы — Таш дарваза — не было.

Далее Г. И. Данилевский рассказывает о Дишан-кале: «Другая стена построена в 1842 году за месяц до вступления хана с войском в Бухарию. Она охватывает, вместе с прежним городом, часть окрестностей, вошедших ныне в состав его, и имеет неправильную фигуру, окружность ее в 6 верст и 100 сажень, прочие же размеры одинаковы с внутренней стеной, из 12 ворот (?), проделанных в этой внешней стене, только 8 складены из кирпичей и отделаны, для прочих же оставлены места. В Хиве считается: два ханских дворца, 17 мечетей, 22 медресе, караван-сарай, крытые ряды и около 260 лавок, разбросанных в разных частях города, вдоль внешней стороны городской стены между воротами Бахчи дарваза и Ширмухаммат-Ата»[8]. Затем он подробно описывает мечеть Палван Ата (мавзолей Пахлаван Махмуда), мечеть Саид-бая (медресе и мечеть Саид Шаликар-бая), ханский дворец (арик) — Куня-Арк, караван-сарай, медресе Кутлу-Мрак-Инах (Кутлуг Мурад инак). «...Народонаселение Хивы не превышает 4000 душ (имелось в виду, видимо, только население Ичан-калы.— *Р. А.*) обоего пола и состоит преимущественно из чиновников, духовенства и купечества... Окрестность города состоит из обработанных полей, садов и домов, принадлежащих большей частью хану и его приближенным, в том числе, из этих домов несколько опрятнее и красивее прочих ханский домик Ангерик (т. е. загородный дворец Баги Шамал. — *Р. А.*)»[9].

Это описание города имеет большую научную ценность, ибо иллюстрируется картой города, составленной участником экспедиции Бази-

[7] Мухаммад Ризо Огахий. Асарлар. V жилд. 153—155-бетлар.

[8] Данилевский Г. И. Описание Хивинского ханства//ЗРГО. Кн. 5. С. 111, 112.

[9] Там же. С. 114.

нером[10]. Рассматривая карту, необходимо отметить, что доминирующее значение в планировке города сохраняет дорога запад — восток, а крестообразность главных коммуникаций шахристана не получила своего развития, видимо, из-за того, что у южной стены находилось озеро, и ворот в то время здесь еще не было. Они, как это видно из плана инженера Люсилина, появились только к 1873 г., точнее в период с 1858 по 1867 г., когда вдоль южной стены Ичан-калы была осушена часть водоема, пополнявшегося сбросовыми водами канала Зейкаш. Озеро, обрамляющее с востока дорогу от ворот Таш дарваза к воротам Дишан-калы — Ангарик, значится в планах, составленных в 20-х годах XX в. (план Иматулло Маткаримова, 1920 г., план Нигматуллаева, 1922 г.)[11].

Во второй половине XIX в. активное строительство ведется в пределах Ичан-калы — у западных ворот. Строятся медресе Мухаммад Амин-хана с минаретом (1851—1855 гг.), медресе Мухаммад Рахим-хана II (1871 г.), Матнияз Диван-беги (1871 г.) и ряд других объектов в центральной части.

После завоевания Хивинского ханства Россией в 1873 г. в стране складываются некоторые объективные социально-экономические предпосылки для завершения централизации власти и объединения ханских земель, наступает время для широких градостроительных мероприятий — украшения столицы крупными монументальными зданиями. В традиционное зодчество проникает европейский инженерно-строительный опыт, который проявился в элементах оборудования, отделки интерьеров, оформлении фасадов. Это особенно отмечается в постройках начала XX в., начинавшихся с ряда сооружений в северной части Дишан-калы и за воротами Кош дарваза. Здесь четко прослеживаются элементы регулярной плановой застройки.

Застраивается монументальными сооружениями и территория Дишан-калы. За воротами Ата дарваза возводится комплекс Бикаджанбика (1894 г.), расширяются комплекс Торт-Шаббаз (1885 г.), медресе Саид Мухаммад-хана (1863—1864 гг.), медресе при дворце Нуруллабая и многие другие.

Жилая застройка более плотно приближается к центральной части, формируются общественно-бытовые и политические центры элатов (махалли), объединенных в основном по родственным и ремесленно-профессиональным признакам. Нередко в таких центрах сооружаются медресе, мечети, водоемы, торговые точки по продаже товаров каждодневной необходимости (мечеть и хауз в элате Каптархана, медресе-мечеть с минаретом Мухаммад Махрама и др.).

Каким же был город в начале XX в.? Ответ на этот вопрос отчасти можно получить из карты, составленной в 1920 г. И. Маткаримовым. Она примечательна тем, что на ней нанесены не только объекты, но и основные данные о численности населения, количестве земель, мечетей, медресе. По данным И. Маткаримова, к 1920 г. в г. Хиве проживало в 4949 семьях 27 088 человек, в том числе в Ичан-кале 909 семей (13 767 человек), а в Дишан-кале 4040 семей (13 316 человек). Всего там было 79 мечетей и 43 медресе.

Площадь города составляла примерно 468 танабов, при 1 танабе = 60 газам (1 газ = 0,5 аршина)[12].

---

[10] Ноткин И. И. Динамика градостроительного развития Хивы//Архитектура и строительство Узбекистана. 1983. № 10. С. 11.

[11] Оригиналы планов хранятся в фондах Хивинского музея-заповедника «Ичан-кала», а негативы имеются в архиве ГлавНПУ памятников культуры Министерства по делам культуры РУз, инв. № 27426/143; 27429/143; 3826/145.

[12] Прочтение текстов на карте осуществлено арабистом М. Рахимджановым.

К этому периоду относится строительство медресе и минарета Ислам ходжа, здания русско-туземной школы, почты, больницы, двора для официальных приемов Асфандияр-хана, загородного дворца Кибла Таза баг и др.

Особый научный интерес представляют списки мечетей и медресе г. Хивы и других районов Хорезма, составленные в 1922 г. научным сотрудником Хорезмского музея А. Балтаевым на основании вакуфных документов[13].

По данным А. Балтаева, к 1922 г. в г. Хиве насчитывалось: 64 медресе, из них 12 были в развалинах или уничтожены; 84 мечети, в том числе в Ичан-кале 34, в Дишан-кале — 50 мечетей.

До 50-х годов XX в. город существовал и развивался стихийно, без какого-либо генерального плана. Отмечая все достигнутое там в области архитектуры и градостроительства, И. И. Ноткин пишет: «...Взлет мысли хивинских зодчих XIX — начала XX в. проявился более всего в орнаментально-декоративном искусстве и в прекрасных образцах гражданской архитектуры, тесно связанной с опытом массового народного зодчества»[14].

В 1937 г. Средазкомстарис организовывает Хорезмскую археологическую экспедицию во главе с Б. Н. Засыпкиным, в состав которой входили Я. Г. Гулямов, Р. Н. Набиев, Т. С. Сграмцова, аспиранты МАИ Ш. С. Ратия, Ю. А. Егоров и др. Многогранная деятельность экспедиции включала в себя изучение разных объектов, от памятников археологии до традиционных жилых домов, а также практическое осуществление неотложных реставрационно-укрепительных работ. По существу данная экспедиция и определила ход дальнейших научных изысканий Я. Г. Гулямова и Т. С. Страмцовой.

К реставрационно-восстановительным работам были привлечены потомственные мастера. В эти годы производились работы по Куриниш-хане Кухна-Арка, где под руководством народного мастера А. Балтаева были отреставрированы потолок айвана и заайванного помещения на основании подлинных узоров старинной росписи, а также разрушившиеся перекрытия помещения чеканного двора. Вероятно, этими же мастерами были произведены реставрационно-восстановительные работы на крепостных воротах Палван дарваза (восстановлена гульдаста восточного фасада)[15].

С 1946 г. наблюдается начало нового этапа в деле охраны и изучения архитектурного наследия Хивы. Под руководством архитектора Р. Р. Абдурасулова был обмерен и описан ряд памятников, на которых в последующем были произведены реставрационно-восстановительные работы: бани Ануша-хана, Ак-мечеть, мавзолей Саид Аллауддина, медресе Аллакули-хана, мечеть Багбанлы, комплекс Саид Шаликар бая, медресе и мечеть Ибрагим-ходжа.

В архитектурной практике возникло новое, расширенное представление об охране памятников как немаловажного компонента городской среды в древних городах. Встал вопрос о создании охранных зон вокруг памятников, организации заповедников. Это требовало, естественно, всестороннего изучения и принятия конкретных практических мер.

---

[13] Списки мечетей и медресе Хивы и Хорезмской области, составленные А. Балтаевым, хранятся в архиве ГлавНПУ памятников культуры Министерства по делам культуры РУз в переводе Г. Никитина. Инв. № Х1307/Н 62, Х1308/Н 62, Х1309/Н 62.

[14] Ноткин И. И. Указ. статья. С. 11.

[15] Гулямов Я. Г. Памятники города Хивы//Труды УзФАН. Сер. I. История, археология. 1941. Вып. 2. С. 15—16; Мирсаидов Н. З. Исследования памятника архитектуры Палван дарваза в Ичан-кале. 1980. Кн. II. С. 100. Рукопись. Архив ГлавНПУ памятников культуры. № Х4576/М-63.

В 1946 г. Ученый Совет по охране памятников Главного управления по охране памятников Комитета по делам архитектуры выносит постановление о желательности объявлении Ичан-калы заповедником. Это решение было учтено при разработке плана реконструкции и генеральной перепланировки Хивы архитектором «Узгоспроекта» Ф. И. Долговым, где Ичан-кала остается без изменения с обнесением ее стен зеленой полосой.

Большие работы по всестороннему исследованию памятников архитектуры Хивы начались в 1950 г., с составления сводного плана Б. Н. Засыпкиным и Р. А. Мирошниченко. С 1952 г. под руководством И. И. Ноткина, при участии архитекторов Х. И. Мамышева, Р. Фахритдинова, С. Д. Штанге, археологов В. А. Булатовой, С. И. Юреневича были произведены обмеры у ворот Палван дарваза, бани Ануша-хана, Кухна-Арка, у мавзолея Саид Аллауддина и Уч Авлия, у медресе Шергази-хана, Аллакули-хана, Кутлуг Мурад инака, у мечетей Джума, Ак-мечеть и др.

За научно-исследовательскими работами последовали мероприятия по реставрации и благоустройству территории перечисленных выше памятников. Имеющиеся научные отчеты того периода позволяют заключить, что основные усилия были направлены на выяснение вопросов истории, техники, технологии, путем непосредственного исследования памятника в ходе осуществления реставрационно-укрепительных работ и раскрытия памятников от поздних наслоений и построек[16].

На основании исследовательских работ 1951—1956 г. И. И. Ноткин составил подробное описание 24 памятников архитектуры, впервые произвел классификацию медресе и мечетей Ичан-калы, выявил своеобразие элементов застройки города и типов зданий[17].

В связи с увеличением потока туристов разрабатываются генеральный план благоустройства, планировки и экскурсионные маршруты по осмотру памятников. Начинаются подготовительные работы по организации заповедника Ичан-кала.

По решению правительства Узбекистана в 1967 г. создается Хивинский Государственный архитектурный заповедник «Ичан-кала», а в 1969 г. на базе Хорезмского областного музея и Государственного архитектурного заповедника «Ичан-кала» создается Государственный музей-заповедник «Ичан-кала» с возложением на него функций научно-исследовательского и научно-просветительского учреждения, государственного хранилища исторических, архитектурных, литературных и художественных памятников[18].

В первые годы после организации заповедника были начаты широкомасштабные работы по комплексному изучению памятников архитектуры и обследованию жилых домов Ичан-калы и Дишан-калы.

В это время многие памятники архитектуры Ичан-калы нуждались в конструктивном укреплении, особенно после ливневых дождей 1969 г. В связи с этим на основании инженерных обследований и рекомендаций инженера Э. М. Генделя были произведены укрепительные работы на мавзолее Пахлаван Махмуда, медресе Абдулла-хана, Кутлуг Мурад инака, Мухаммад Рахим-хана, минарете-мечети Саид Шалликар бая.

---

[16] Ноткин И. И. Дневник по руководству обмерными и исследовательскими работами в г. Хиве. Рукопись, 1952. Архив ГлавНПУ памятников культуры, № Х1387/Н-85: Его же. Отчет о научно-исследовательских и реставрационно-восстановительных работах в г. Хиве. Рукопись, 1957. Там же. № Х2385/Н-85.

[17] Ноткин И. И. Обследование медресе, квартальных мечетей и ворот Ичан-калы (1955—1956 гг.). Рукопись, 1957. Там же. № Х1317/Н-85.

[18] Проект детальной планировки центральной части города Хивы. Пояснительная записка Института «УзНИИП градостроительства». Ташкент, 1983. С. 8.

В начале 70-х годов центр научно-исследовательских, проектных и реставрационных работ по Ичан-кале перемещается в западную часть— зону Кухна-Арка. Восстанавливаются крепостные ворота Ата дарваза с торговыми рядами, снесенные в 30-е годы, реставрируются и приспосабливаются под объекты туристического комплекса медресе Мухаммад Амин-хана (гостиница на 230 мест), Матнияз Диван беги (ресторан), благоустраивается центральная часть территории, в частности Кухна-Арка, с устройством там летнего кино-концертного зала; на месте разрушенного медресе Рахим Берды бия организовывается летняя чайхана.

В связи с празднованием в 1983 г. 1200-летия выдающегося мыслителя, ученого-энциклопедиста Мухаммада ибн Муса ал-Хорезми, по постановлению правительства Узбекистана начинаются большие работы по реконструкции и благоустройству территории и реставрации памятников архитектуры, расположенных по основному туристическому маршруту, и приспособлению ряда объектов под современные нужды.

За период с 1981 по 1996 г. на территории заповедника «Ичан-кала» проведены значительные работы по реконструкции, благоустройству территории с прокладкой магистральных сетей (водопровод, канализация, электроснабжение, связь) с отводом атмосферных осадков с территории, а также по реставрации памятников архитектуры, как: мечеть Джума, дворцовый комплекс Таш-Хаули, медресе Шергазихана, медресе Матнияз Диван беги, комплекс Уч-Авлия, мавзолей Пахлаван Махмуда с некрополем, крепостные стены и ворота Палван дарваза и Таш дарваза, медресе Кутлуг Мурад инака.

Наряду с реставрацией были выполнены работы по приспособлению ряда памятников под современные нужды: бани Ануша-хана — под современные бани, медресе Мухаммад Амин инака — под дом бракосочетания, Тим и Караван-сарай Аллакули-хана — под торговый центр, комплекс Шах Каландар бобо — под туристическое бюро, медресе Атаджанбая — под мастерские народных ремесел.

Большое внимание было направлено на реставрацию и сохранение традиционного жилья. Отреставрировано более 15 традиционных жилых домов, характерных только для Ичан-калы (улли и терс-айваны с резными колоннами, дверьми и другими элементами). На месте обветшавших строений и построек возведены новые жилые дома, обеспеченные всеми видами инженерных коммуникаций, но с применением традиционной планировки, архитектурных элементов.

Первый генеральный план г. Хивы был разработан в 1950 г. Институтом «Узгоспроект». Согласно проекту, общегородской центр размещался на новых территориях и планировочно не был увязан с исторической зоной. Ичан-кала была оставлена без изменений с обнесением ее зеленой полосой.

Второй генеральный план (1964 г.) предусматривал размещение общегородского центра с западной стороны Ичан-калы, при этом вокруг Ичан-калы предполагались полный снос существующей застройки, размещение общественных зданий и больших массивов зеленых насаждений.

В 1967 г. была произведена корректура генерального плана 1964 г., причем территория общегородского центра была значительно сокращена. Парк при дворце Нуруллабая, продолженный к северу, за стены Дишан-калы, переходит в спортивную зону. Туристический комплекс размещается рядом с дворцом Нуруллабая.

В соответствии с генеральным планом 1967 г., в 1972 г. был разработан проект детальной планировки исторической зоны. Размещение основных зон центра предусматривалось в соответствии с гене-

ральным планом; Ичан-кала превращалась в архитектурно-исторический заповедник.

В 1978 г. в Институте УзНИИП градостроительства разрабатывается новый генеральный план города на перспективную численность населения 70 тыс. человек[19]. В соответствии с генеральным планом, наряду с развитием легкой и пищевой промышленности, значительное развитие получает туризм как отрасль народного хозяйства. Хива планируется как крупный базисный центр Хорезмской области.

Основное территориальное развитие города предусматривается на северо-запад и запад от исторического ядра. Это позволит максимально использовать под застройку земли, непригодные для сельского хозяйства (1/3 общего количества присоединяемых к городу земель); объединив жилой массив Касмаабад с городскими территориями, получить компактное в плане городское образование; сохранить с юга первозданный силуэт города-крепости, обрамленного двойными стенами. Генеральным планом намечается четкая организация селитебной зоны, состоящей из трех жилых и двух промышленных районов с центрами обслуживания, в которых размещены новые предприятия и объекты коммунально-складского хозяйства и выносимые из селитебной зоны предприятия.

Проектные работы по реконструкции общегородского плана г. Хивы были завершены в 1983 г.[20] В соответствии с генеральным планом, в границы общегородского центра входят историческая зона — Ичан-кала и Дишан-кала, территория современного центра и часть свободных от застройки земель, расположенных западнее стен Дишан-калы. Предусмотренное проектом геометрическое смещение общегородского центра на юго-восток, включая историческую зону, предопределило полицентрическую структуру города в целом и многоступенчатость построения общегородского центра, в частности[21].

В настоящее время основные объекты общегородского центра: Дом городского хокимията, торговый центр, музей ал-Хорезми — построены, основные магистральные сети проложены. Однако ряд вопросов, связанных с индивидуальностью структурного построения и объемно-пространственной композиции исторической части города, которые были намечены генеральным планом, еще не решены. В связи с этим предусмотренное максимальное сохранение планировочной структуры исторической части города как одного из основных элементов формирования индивидуальности городской среды по существу в самой центральной части практически не обеспечено.

Кроме того, предложенное активное включение исторической части города в систему центра, на примере случайного соседства памятников архитектуры, как Кош дарваза и медресе Саид Мухаммад-хана, с объектами административно-общественного комплекса, по нашему мнению, нельзя считать удачным.

Подводя итоги нашему историческому обзору, целесообразно отметить один очень важный момент. Решение градостроительных вопросов в исторически сложившихся городах требует не только формального изучения истоков образования города и ряда других вопросов, а практического осуществления основных положений генеральных планов без какого-либо отступления или искажения окружающей градостроительной среды.

---

[19] Институт «УзНИИП градостроительства», ПДП центральной части г. Хивы. Авторы проекта: архитекторы Александрович А. М., Казанская Н. В., инженер Зияев Т. З.

[20] Те же авторы.

[21] Казанская Н. В. Хива, проблемы проектирования//Архитектура и строительство Узбекистана. 1983. № 10. С. 12.

В заключение следует подчеркнуть, что знаменательным событием в жизни заповедника явилось включение «Ичан-калы» в 1990 г. в список Всемирного наследия. Ныне, в связи с 2500-летием г. Хивы и решением 28-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО о широком праздновании этого юбилея в мировом масштабе, разработана специальная программа по реставрации и благоустройству в 1996—2000 гг. историко-культурных памятников, расположенных в древнем центре города и на основном туристическом маршруте. В настоящее время уже ведутся планомерные работы по реализации этой программы, осуществление которой станет важной вехой в многовековой истории одного из старейших городов Востока.

Р. Г. МУКМИНОВА

СТОЛЬНЫЙ ГРАД ХАНСТВА — ХИВА

Хива — один из древнейших городов Центральной Азии, важнейший центр культурной и торгово-ремесленной жизни Хорезма. Он располагался на трассе некогда оживленной караванной дороги между Мервом и Ургенчем, на перекрестке путей, связывавших Центральную Азию с Европой. С проведением Оренбургской линии Хивинское государство стало граничить с Россией. Следует отметить, что ко времени завоевания Хорезма царскими войсками (1873 г.) весь культурный оазис и часть прилегающих к нему степей составляли единую территорию ханства, столицей которого была Хива.

«Хива — город просторный, со здоровым климатом», — писал еще в 40-х годах XVII в. историк-энциклопедист Махмуд ибн Вали[1], а жители Хорезма, в том числе Хивы, характеризуются авторами сочинений как «отважный, смелый, чуткий, смышленный народ»; «в схватке они ни в коем случае не остаются в долгу». Вместе с тем «они великодушны и любят путешествовать».

Как и другие города, Хива развивалась неравномерно, неоднократно испытывая на протяжении своей истории периоды взлета и падения, сокращения и расширения своих границ. Подобную же картину наглядно можно представить и на примере Старого (Куня) Ургенча, роль и место которого на протяжении двухсотлетнего периода резко изменились. Знаменитый Ибн Баттута, посетивший Ургенч в 1333 г., описал его как «самый большой, значительный красивый и величавый город тюрков с прекрасными базарами, широкими улицами, многочисленными постройками и впечатляющими видами. В городе кипит жизнь, и из-за столь большого числа жителей он кажется волнующимся морем». Ибн Баттута, посетивший многие города тогдашнего культурного мира, так описывает толкотню на рынке Ургенча, возникшую в результате огромного количества людей. «Однажды, — сообщает он, — проезжая по городу, я зашел на рынок, а когда добрался до середины, оказался в самом шумном месте, которое называется шаур. Толчея была такая, что я не мог двинуться ни вперед, ни назад. Я постоял там, растерявшись, и лишь после долгих усилий выбрался»[2].

Совсем другое впечатление произвел Ургенч на представителя английской торговой компании Антони Дженкинсона, прибывшего сюда

---

[1] Махмуд ибн Вали. Море тайн относительно доблестей благородных [География]/Введение, перевод, примечания, указатели Б. А. Ахмедова. Ташкент, 1977. С. 43.

[2] Ибрагимов Н. Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. М., 1988. С. 72—73.

в 1558 г., спустя 200 с лишним лет после Ибн Баттуты. Согласно Дженкинсону, город сильно пострадал, особенно в последние семь лет, когда вследствие междоусобных войн он был разорен, «оттого и купцов так мало, да и те очень бедны»[3].

К концу XVI в. Ургенч окончательно потерял свое ведущее место в политической и экономической жизни Центральной Азии. Роль столицы государства постепенно стала переходить к Хиве, которую современники, описывавшие события тех лет, называют «Шахр-и Хорезм», как раньше историки называли Ургенч.

В конце 1504 г. Хива, входившая в состав подвластного Султану Хусейну Байкара Хорезма, была осаждена войсками Мухаммада Шайбани-хана, к тому времени уже подчинившего города Мавераннахра. Горожане оказали нападавшим упорное сопротивление. Одиннадцать (по другим данным — десять) месяцев осаждавшим не удавалось покорить Хиву. В городе между тем начался голод, бедняки умирали из-за отсутствия пищи. Тогда правитель города Чин Суфи приказал изгнать из города всех обнищавших, голодных, «с пожелтевшими лицами, еле передвигавшихся горожан». Однако это не помогло хивинцам, а помощи ждать было неоткуда. Обращение Чин Суфи к Султану Хусейну не привело к реальным результатам. Некогда могущественный Темурид не мог справиться со стремившимися к независимости правителями областей; его враждующие между собой сыновья перестали подчиняться отцу. В конце августа 1505 г. Хива была захвачена войсками Шайбани-хана.

Завоеванный Хорезм был передан в управление Кепек-бию. На новых землях расселилось племя кунград, из которого в XVIII в. выделился род кунградских правителей Хивинского ханства.

В XVI в. Хива несколько раз объявлялась главным городом Хорезма. Но в действительности правитель Хивы реально распоряжался только территорией города, столицей государства она считалась лишь номинально.

Роль Хивы резко возрастает в конце XVI — начале XVII в. В связи с изменением рукава Амударьи и постепенным замиранием жизни в Ургенче, который позже стал называться Куня (Кухна) Ургенчем, крупные торговцы и ремесленники города переселялись в Хиву. В результате значение последней как ремесленного и торгового центра Центральной Азии существенно возросло. Часть жителей Куня-Ургенча обосновалась недалеко от Хивы, где возник новый город — Ургенч. Выгодное географическое расположение нового Ургенча обеспечило его экономическое развитие, что, в свою очередь, повлияло и на дальнейшее возвышение Хивы.

Более реально Хива становится стольным городом государства в начале XVII в., при Араб Мухаммаде (1602—1623 гг.), когда в Хорезме установилась относительная политическая стабильность, что послужило в дальнейшем почвой для развития производства, оживления торговли, расширения градостроительства.

При сыне Араб Мухаммада Абулгази Бахадур-хане (1643—1663 гг.) роль Хивы еще больше возросла. Видный государственный деятель, просвещенный человек своего времени, автор исторического сочинения «Шажарайи турк», он правдиво описал сложную обстановку в Хивинском ханстве в годы своего правления.

Абулгази пришел к власти в то время, когда в стране царил хаос, вызванный прежде всего внутренними усобицами. Казна была пуста,

---

[3] Дженкинсон А. Путешествие в Среднюю Азию 1558—1560 гг.//Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Л., 1932. С. 176—177.

и хану нечем было «жаловать своих служилых людей». Для утверждения своей власти ему пришлось вести многолетние разорительные войны с многочисленными политическими противниками. Абулгази-хан был талантливым полководцем. За боевые успехи к его имени был добавлен эпитет Бохадур — «богатырь». По словам Муниса, он «совершил шесть набегов на Бухару, (причем) два раза брал Каракуль, раз Кермине и раз Бухару, возвращаясь с чрезвычайно богатой добычей и имуществом»[4].

Большое значение для нормализации жизни Хивы имели реформы Абулгази-хана, направленные на оседание полукочевых и кочевых племен и устранение межплеменной вражды. На важные административные должности назначались четыре человека, по одному от каждого племенного объединения. Была также изменена структура аппарата управления. Возросла и роль Хивы как центра культуры. В «Фирдаус ал-икбал» Абулгази-хан характеризуется как «человек ученый и умный».

Активная строительная деятельность развернулась в Хиве при сыне Абулгази — Ануша-хане, «могущественном властелине, обладавшем свойствами Джамшида». Были построены ряд зданий, в том числе медресе и баня, известные под именем Ануша-хана, прорыты два больших канала — Шахабад и Ярмыш[5]. Вторая половина XVII в. вообще характеризуется относительным политическим единством и хозяйственным подъемом Хивинского ханства.

В 1740 г. армия иранского шаха Надира (1736—1747 гг.) вторглась в Центральную Азию. Захватив Бухару и Хорезм, он учинил жестокую расправу с местными жителями и разорил весь край[6].

Тяжело отражались на Хиве и стихийные бедствия: эпидемия чумы в 1182 (1768—69) г., налеты саранчи, приводившие к уничтожению посевов и резкому сокращению сельскохозяйственной продукции. По сообщению Муниса, после очередных политических неурядиц, эпидемий холеры и чумы «представители знатных сословий государства и даже трудовой народ (фукара ва райи), квартал за кварталом, род за родом, стали эмигрировать, рассеиваясь по всем странам мира... спасая себя от бедствий голода. Те, которые были не в состоянии бежать, продавали своих детей..., обеспечивая этим себе средства к существованию»[7].

Страна долго не могла оправиться от всех этих бедствий.

Особое внимание восстановлению Хивы уделил выходец из племени кунград Мухаммад Амин инак — фактический правитель Хивинского ханства с 1763 по 90-е годы XVIII в.

Узбекские племена Хорезма делились на четыре основные группы, составлявшие сложные объединения из разных этнических элементов. Во главе каждого из них стоял инак. В жизни Хивинского ханства инакам принадлежало особое место: они были важными сановниками и играли решающую роль при избрании ханов. Из их числа во второй половине XVIII в. и выделился Мухаммад Амин инак. Он стал управлять государством от имени правивших в Хорезме с 1511 г. царевичей — Чингизидов, которые постепенно утратили свое влияние. По инициативе Мухаммад Амина инака, на хивинский престол

---

[4] Shir Muhammad Mirab Munis and Muhammad Riza Mirab Agahi, Firdaws al-Iqbal: History of Khorezm/Edited by Yuri Bregel. E. J. Brill. Leiden—New York—København—Köln, 1988. P. 138.

[5] Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957. С. 200, 203.

[6] Shir Muhammad Mirab Munis and Muhammad Riza Mirab Agahi. Op. cit. P. 166.

[7] Там же. С. 243—244.

возводились и свергались подставные ханы, в большинстве своем привезенные из Дашта — «степи». Относительно правового и имущественного их положения сохранилось свидетельство Бланкеннагеля. Глазной врач, майор Бланкеннагель, прибывший в конце XVIII в. в Хиву для лечения слепого хивинского хана (лечение было безуспешным), отметил, что подставной хан показывался народу лишь три раза в год, а все остальное время «его держат взаперти и он терпит нужду в самом необходимом».

Мухаммад Амин инак повел успешную борьбу против сепаратистски настроенных, независимых от верховной власти удельных правителей. Он выступал за объединение разрозненных областей в единое государство со столицей в Хиве, умело используя для своего возвышения предводителей туркменских племен йомутов и соудоров, «являвшихся его доброжелателями». Он впустил их в Хиву, предоставил им привилегии, расширил их возможности пользоваться базарами в Новом Ургенче.

Постепенно «государство было приведено в порядок, а население (фукаро) стало жить спокойно», — отмечается в «Фирдаус ал-икбал». «Бедствие голода (в это время) миновало. Наступила такая дешевизна, что за два ярмака давали одного взрослого барана, а за один динар давали сорок батманов хивинским весом пшеницы (или) шестьдесят батманов джугары»[8]. Большие оросительные работы способствовали развитию земледелия и оседанию кочевого и полукочевого населения.

По распоряжению Мухаммад Амина инака были отремонтированы многие обветшалые здания и восстановлены разрушенные части городской стены Хивы.

Внук Мухаммад Амина инака Эльтузар (1804—1806 гг.) в 1804 г. официально принял титул хана и фактически стал родоначальником династии Кунград (1763—1920 гг.), правившей Хивинским ханством вплоть до 1920 г.

Дальнейшее объединение разрозненных, полусамостоятельных владений в единое государство происходит при Мухаммад Рахиме I (1806—1825 гг.). При нем были значительно упорядочены внутренние дела в государстве. Мухаммад Рахим учредил и возглавил верховный совет для обсуждения важных государственных дел, состоявший из высших сановников и представителей узбекских племен, провел налоговую реформу, завел таможни. С расширением экономических связей Хивы с другими регионами была связана чеканка золотых и серебряных монет. При сыне Мухаммад Рахима, Алла-Кули-хане Хивинское ханство еще больше расширило свои границы.

В г. Хиве была сосредоточена основная часть ремесленного производства ханства. Мелкие производители составляли значительную часть населения Хивы, причем ремесло здесь было специализированным.

Одной из развитых отраслей ремесленного производства было ткачество, а самой распространенной — выделка тканей из хлопка.

---

[8] Shir Muhammad Mirab Munis and Muhammad Riza Mirab Agahi. Op. cit. P. 261. П. П. Иванов отметил, что в тексте «Фирдаус ал-икбал» использованы наименования монет «ярмак» и «динар». В других местах сочинения упоминаются «танга». «Ярмак» в значении «монета» использовался в XIV в. в Золотой Орде, составной частью которой был тогда Хорезм. В этом же значении слово это известно и в уйгурском и чагатайском языках. Слово «ярмак» в значении «динар» встречается у Махмуда Кашгари. См.: «Фирдаус уль-Икбаль», сочинение Муниса, продолженное и законченное Агехи/Пер. и примеч. П. П. Иванова//Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. II. XVI—XIX вв. Иранские, бухарские и хивинские источники. М.; Л., 1938. С. 351.

Среди них важное место занимала бязь (боз, буз — узб.) — кáрбос (тадж.-перс.). Хивинские мастера выделывали разные сорта бязи — дорогие и дешевые, в том числе из тонкой высокосортной пряжи. Такая ткань предназначалась в основном для богатейших феодалов. Еще во времена Саалиби (961—1038 гг.) дорогой сорт хлопчатобумажной ткани карбос вывозился из Хорезма во многие города Востока. Более грубые и дешевые сорта бязи использовались самими ткачами, приобретались рядовыми жителями, поставлялись в кочевые степи. Постоянный спрос на бязь со стороны кочевого населения был одним из стимулов дальнейшего развития этой отрасли производства как в Хиве, так и в других городах ханства. Одновременно в XVII—XVIII вв. многие ценные текстильные изделия поступали в Хиву из Бухары.

Важное место в экономической жизни Хивы занимало шелководство. Здесь вырабатывались шелковые и полушелковые ткани. В Хиву за шелком в годы подъема ее экономики нередко приезжали и бухарские купцы. К 60-м годам XVII в. относится свидетельство: «...А делают шелк и бязь и зендени простые, а не чаровые (т. е. не узорные — *Р. Г.*)». Шелковые ткани чаще всего окрашивались в однотонные цвета.

Значительную роль играли мастера по производству металлических изделий, в том числе чугунных. В Хиве жила и работала большая часть хорезмских медников-мисгаров; одной из древнейших отраслей ремесла считалось кузнечное дело.

Хивинцы изготовляли огнестрельное и холодное оружие: пищали, сайдаки, копья, луки и стрелы. К 1667 г. относится сообщение: «Ружье и зелье делают сами, а пушек-де у них не видели...» В 1818 г. в сражениях Мухаммад Рахима I против мятежных ахальских теке использовалась артиллерия[9]. В вооружении хивинского войска в 1855 г. упоминаются: сабли, «бесчисленное количество ружей и мушкетов, одна восемнадцатифунтовая пушка, шестнадцать фальконетов». Все это попало в руки победившего в бою противника[10].

Своеобразием и оригинальностью отличались ювелирные изделия мастеров золотых и серебряных дел — заргаров.

Очень развито было ковровое дело. Высококачественные ковры местных мастеров, особенно текинские, изделия туркменских ковроделов, доставлявшиеся в Хиву, широко экспортировались в другие регионы, где пользовались большим спросом.

В глубь веков уходят хивинские традиции обработки дерева. Резные колонны в монументальных зданиях, подпиравшие потолки, резные двери дворцов, медресе, мечетей и жилых домов, сундуки, футляры для посуды, хомуты, арбы, отличавшиеся от бухарских и ташкентских, и многие другие изделия, необходимые в повседневной жизни, изготовлялись узкоспециализированными мастерами. Прекрасный деревянный ханский трон (ныне оригинальный музейный экспонат) и разные другие предметы из дерева отражают высокое мастерство хивинских деревообработчиков.

Выразительностью и изяществом отличалась керамическая посуда хивинцев. Развиты были и другие ремесла, в том числе шитье меховых шуб, а также мужских головных уборов, резьба по ганчу и камню, производство изделий из кожи, судостроительство. Изготавливались большие и малые лодки разной грузоподъемности.

---

[9] Shir Muhammad Mirab Munis and Muhammad Riza Mirab Agahi. Op. cit. P. 1013.

[10] Отчет о посольстве в Хорезм Риза-Кули-хана/Пер. и прим. А. А. Ромаскевича//Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. II. С. 308—309.

Чтобы стать квалифицированным мастером-уста (устоз), требовались многие годы. Мастер обучал соответствующей профессии в основном своего старшего сына, передавая ему профессиональные навыки, традиции и секреты ремесла. В отдельных случаях, когда в работе требовались дополнительные рабочие руки, в обучение принимались и ученики-шогирды со стороны. Условия и сроки обучения их оформлялись письменным договором. Прежде чем получить звание мастера и открыть свою мастерскую (дукан), ремесленник должен был продемонстрировать свое умение изготовлять изделие на требуемом уровне на общем собрании мастеров цеха, получить их одобрение и разрешение на открытие мастерской. Цеховая организация обязана была защищать интересы ремесленников путем регулирования их деятельности. Цеховой старшина был проводником государственной, в частности фискальной, политики хана.

Лишь малая часть хивинских ремесленников владела дуканами — лавками-мастерскими. Ремесленник мог иметь мастерскую и при своем жилом доме. Но большинство ремесленников арендовали дуканы, принадлежавшие, как правило, крупным феодалам, в том числе хану.

Часть ремесленников работали на заказ. Существовали также предприятия типа мануфактуры, развитие которых, однако, тормозилось господствовавшими в Хивинском ханстве феодальными отношениями. Многие ремесленники выпускали продукцию в расчете сбыта ее на рынках местным жителям и сельчанам близлежащих деревень.

Основная часть населения Хивы занималась ремеслом и торговлей. Некоторые хивинцы сочетали ремесло с занятием сельским хозяйством. Их умение выращивать зерновые и получать хорошие урожаи, заниматься садоводством вызывало восхищение многих иностранцев, посетивших Хиву. «В самой Германии не видал я такого рачения в обрабатывании полей, как в Хиве», — писал один из них в 1820 г.

Феодальная знать, проживавшая в Хиве, сам хивинский хан были крупными землевладельцами, получавшими со своих угодий огромные доходы. Многие из них владели также лавками, мастерскими, караван-сараями, банями и другими доходными заведениями. Хивинские купцы имели караван-сараи и в других городах и государствах.

Значительные доходы приносила Хиве торговля. Мухаммад Рахим Кунград, стремясь расширить торговлю, в начале XIX в. предоставил туркменам возможность покупать в Хиве хлеб, а те, со своей стороны, стали обеспечивать безопасное передвижение хивинских караванов через территорию современного Туркменистана.

Важное место в жизни Хивы занимал базар. Обычно он состоял из двух узких крытых улиц с многочисленными специализированными дуканами с обеих сторон. Хивинский базар был довольно оживленным, хотя во многом уступал главному базару Бухары.

В результате достигнутой в Хивинском ханстве централизации власти создаются условия для роста внутренней и внешней торговли. Прежний небольшой базар не мог уже удовлетворять запросы населения, и в 30-е годы XIX в. под базар была подготовлена площадь на восточной окраине города, где находилось озеро. Сорок пять дней трудились хивинцы, чтобы засыпать озеро, и здесь был возведен новый торговый ряд с дуканами. За пользование местом на базаре взимался особый сбор — ганджа, который сохранялся и в XIX в.

Караваны с разнообразными товарами отправлялись из Хивы по многим направлениям, хотя пути эти далеко не всегда были безопасными. Относительно одного из караванов историк сообщает: «Двести человек хорезмских купцов в 1219 г. х. (1804—1805 гг.) снарядили

большой караван с многочисленными товарами и бесчисленными тканями. Когда караван выступил из Мерва по направлению к Мешхеду и вступил в область Серахса, на него в песках напало жившее здесь ...племя...»

Хивинские купцы-хивали оказывали нападавшим упорное сопротивление. Историк Мунис информирует, например, об одном таком случае. При нападении отряда воинов люди из каравана сделали себе укрепление из тюков товара и земли и стали обороняться. Они сами готовили стрелы, а когда кончился свинец, наконечники стрел стали изготовлять из меди и серебра. В течение восьми дней нападавшие не в состоянии были одолеть их. В конце концов их выручили подоспевшая помощь и то, что они прибегли к хитрости[11].

В караван-сарай Хивы прибывали купцы из ближних и дальних стран. Они привозили разнообразный товар, часть которого раскупалась в Хиве, другая — транзитом шла дальше.

В начале XIX в. значительно возросла роль Хивы в международной торговле. Отсюда в Турцию, Иран, Афганистан, Индию, Китай и другие страны вывозились растительные краски, каракулевые шкурки, ковры, шерстяные изделия и т. д., а сюда привозили разнообразные товары из других стран. По данным А. Дженкинсона, «главнейшие товары, которые здесь продают, — это те, которые привозят из Бухары или Персии...»[12]

Особое место в торговле Хивы занимали изделия, предназначавшиеся для кочевников и полукочевников близлежащих степей. В основном они приобретали здесь разные сорта бязи и другие ткани, обувь, изделия из металла.

На хивинский рынок поступали товары из Казахского ханства — меха волков, лисиц, корсаков, скот, из Туркмении — текинские ковры, породистые лошади. Из близлежащих районов привозили грубые сорта бязи, пряжу, шкуры. Большая роль в этой торговле принадлежала перекупщикам, которые обычно сосредоточивали в своих руках перепродажу товара одного вида. Они держали в сфере своего влияния мелких производителей целых районов, диктуя им свои условия.

С конца XVI в. значительно активизируется торговля Хивы с Россией. Она сопровождается углублением торгово-дипломатических связей, взаимообменом письмами и подарками государей Москвы и Хивы, в основном через Астрахань, где уже в 1557 г., через год после завоевания ее московскими войсками, появились хивинские купцы. В «Фирдаус ал-икбал» сообщается о возведении нового торгового пункта — крепости Янги-кала. Хивинские купцы принимали активное участие и в Нижегородской ярмарке России.

Послы, приезжавшие с дипломатической миссией, одновременно занимались и торговлей. Хивинские послы обычно везли с собой ткани и ткацкие изделия, до начала XVIII в. остававшиеся основным предметом торговли Хивы с Россией. К примеру, посол Араб-хана в 1620 г. продал в Казани 670 отрезов пестряди. В Россию из Хивы вывозились также ковры, сухофрукты, каракуль, растительные красители.

Российские послы тоже получали задания приобрести хивинские товары. Так, В. А. Даутову и М. Ю. Касымову, направленным из Москвы в Хиву и Бухару, было поручено закупить «100 кож хартейных, цветных, тонких, несколько стоп бумаги цветной с крапинками».

---

[11] Shir Muhammad Mirab Munis and Muhammad Riza Mirab Agahi, Op. cit. P. 452, 586.

[12] Дженкинсон А. Указ. соч. С. 177.

Интерес России к Центральноазиатскому региону заметно возрос при правлении Петра I. Император планировал расширить границы государства на Восток. Решив воспользоваться сложной политической обстановкой в ханстве, Петр I распорядился отправить в Хиву из Астрахани через Каспийское море отряд солдат и казаков во главе с князем А. Бековичем-Черкасским. Но эта попытка потерпела крах.

Проникнуть в Центральную Азию через Хивинское ханство Россия пыталась и позже. Выразителем этого стремления на следующем этапе явилось посольство Флорио Беневени.

В XVIII в., с появлением Оренбургской укрепленной линии, Хивинское ханство стало непосредственно граничить с Россией. С этого времени политико-экономические взаимоотношения двух государств значительно активизировались.

Относительная политическая устойчивость в ханстве способствовала оживлению экономики, развитию ремесленного производства и торговли, строительству новых медресе, мечетей, дворцов, мавзолеев, бань, садов-поместий. Сооружение новых и реконструкция старых оросительных систем приводят к оживлению сельского хозяйства, значительная часть продукции которого поставляется на хивинские рынки.

Однако во второй половине XIX в. Хивинское ханство вновь было охвачено междоусобными войнами. В результате сокращаются ремесленное производство и торговля, многие хивинцы вынуждены были покинуть город. В эти годы усиливается процесс превращения Хивы в поставщика хлопка-сырца и пряжи в Россию, тогда как ранее в описях товаров, ввозимых из Хивы в Москву, преобладали ткани разного вида и сортов. Для развивающейся хлопчатобумажной промышленности России Центральная Азия все больше становилась важным рынком сырья. И это был один из объективных факторов, обусловивших превращение ее в колонию царизма.

Г. Н. НИКИТЕНКО

ХИВА ПОД ПРОТЕКТОРАТОМ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Во второй половине XIX в. Хивинское ханство представляло собой феодальную монархию во главе с ханом из узбекской династии Кунград. Население ханства составляли узбеки, туркмены, каракалпаки и др., общей численностью около 800 тыс. человек[1]. Ликвидация феодальной раздробленности, преемственность власти, изменение характера землепользования привели к политической и экономической стабильности ханства. В то же время географическая изолированность Хивинского оазиса и трудность подступов к нему, хотя и давали возможность Хиве сохранять свою независимость от Ирана и Российской империи, сдерживали ее экономическое развитие.

Между тем общеэкономические связи с сопредельными странами и с кочевниками, а также расширение внутреннего рынка способствовали развитию товарно-денежных отношений, разделению труда и оказывали влияние на сложившееся государственное устройство. Основными занятиями населения были земледелие и скотоводство. Крупным торгово-ремесленным центром ханства был г. Хива, где была сосредоточена оптовая торговля, жили богатейшие хивинские торговцы, иноземные купцы закупали здесь необходимые им товары. Сюда свозились со всего региона хлопок, ткани, марена, халаты, отсюда же отправлялись торговые караваны в Россию, Бухару и другие государства.

[1] История Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1976. С. 119.

Развитие капиталистических отношений в России настойчиво требовало приобретения новых территорий, новых рынков сбыта промышленной продукции и источников сырья.

Русская буржуазия остро нуждалась в хлопке и до 1861 г. ввозила его в основном из США. Но во время гражданской войны в США (1861—1865 гг.) ввоз хлопка в Россию из Северной Америки резко сократился. В результате в хлопчатобумажной промышленности России возник кризис, вызвавший закрытие отдельных фабрик и массовое увольнение рабочих. Влиятельные журналы и газеты, издававшиеся в Москве и Петербурге в начале 60-х годов XIX в. и выражавшие интересы предпринимателей текстильной промышленности, стали писать о необходимости продвижения в глубь Центральной Азии, которая в случае завоевания могла бы стать не только богатым источником сырья для текстильной промышленности России, но и обширным рынком для сбыта ее товаров.

В 60-х годах XIX в. началось решительное наступление Российской империи на Центральную Азию. Экспансионистские устремления северного соседа в сторону Туркестана отмечались еще в начале XVII в. Но в тот период это были стихийные набеги отдельных групп людей, без вмешательства и санкции на то центрального правительства. Так, яицкие казаки во главе с атаманом Нечаем совершили набег на Хиву при хане Араб-Мухаммаде (1602—1623 гг.). Когда хана не было в Ургенче, тысяча казаков ворвалась в город, ограбила жителей и, пленив около тысячи молодых людей обоего пола, двинулась в обратный путь, но, настигнутая войсками Араб-Мухаммада, была уничтожена.

Через некоторое время набег был совершен другим отрядом казаков под предводительством атамана Шамая, но также неудачно. Атамана захватили калмыки, а его казаки попали в плен к хивинцам, где и погибли[2]. В начале XVIII в. Петр I, стремясь к установлению торговых связей с Индией через Азию, попытался организованно проникнуть в Хиву, отмечая при этом, что «киргиз-кайсакская орда всем азиатским странам ключ и врата»[3]. Но другие, более важные государственные дела отвлекали его от похода на Хиву.

В конце 1713 г. приехавший в Россию и побывавший у Петра I знатный хивинский купец Ходжанепес сообщил царю, что в низовьях Амударьи вымывается золотой песок. Петр I снарядил две военные экспедиции. Первая под командованием полковника Бухгольца в 1715 г. подошла к верховьям Сырдарьи из Западной Сибири, но никакого золота там не обнаружила.

В 1717 г. в Хиву была послана экспедиция под начальством кабардинского князя Александра Бековича-Черкасского с предложениями дружбы и покровительства. В секретной инструкции, данной князю, было сказано:

«1. Надлежит над гаванью, где бывало устье Амударьи реки, построить крепость человек на тысячу...

3. осмотреть место близ плотин, или где удобно, на настоящей Амударье реке для строения ж крепости тайным образом, а если возможно будет, то и тут другой город сделать.

4. Хана хивинского склонить к верности и подданству, обещая ему наследственное владение, для чего предложить ему гвардию, чтобы он зато радел в наших интересах...

---

[2] Тухтаметов Т. Г. Россия и Хива в конце XIX — начале XX века. М., 1969. С. 11.

[3] ЦГВИА России, ф. ВУА, д. 6973, л. 1. Описание хивинского похода 1873 года/ Составлено полковником Ф. И. Лобысевичем. СПб., 1898. С. 10.

8. Будучи у хивинского хана, проведать и о Бухарском: нельзя ли его хотя не в подданство, то в дружбу привести таким же образом, ибо и там... ханы бедствуют от подданных...

12. нарядить казаков яицких полторы тысячи, гребенских 500, да сто человек драгун с добрым командиром... Командиру смотреть накрепко, чтобы с жителями обходились ласково и без тягости»[4].

После предварительной подготовки Бекович-Черкасский возвел три крепости на восточном берегу Каспийского моря. Летом 1717 г. с отрядом более 2 тыс. человек под видом специального посольства Бекович-Черкасский двинулся в сторону Хивы. Но эта попытка проникнуть в глубь Центральной Азии окончилась трагично. Хан Ширгази заявил Бековичу-Черкасскому, что г. Хива не может ни вместить, ни прокормить такое количество людей. Несмотря на протесты офицеров, Бекович разделил свое войско на пять отдельных отрядов, по 400—450 человек в каждом. Хивинцы по приказанию хана немедленно истребили их почти всех (в том числе был убит и Бекович), за исключением немногих, особенно сильных и здоровых людей, которых использовали на земляных работах[5]. Так бесславно закончился широко задуманный Петром поход.

Следующей экспедицией в Хиву был поход оренбургского военного губернатора, генерал-майора В. А. Перовского в 1824 г., причиной которого явилось упразднение единовластия в Малой казахской орде. Вместо него царской властью были утверждены три султана-правителя. Однако это вызвало недовольство и волнения среди казахов.

Хивинский хан Алла-кули (1825—1842 гг.), воспользовавшись этими событиями, уговорил казахских феодалов перейти в хивинское подданство, что вызвало недовольство в Петербурге.

Александр I приказал Азиатскому комитету, следившему за положением дел в казахской степи, подвергнуть обстоятельному анализу причины происходящих там волнений. Изучив вопрос, комитет пришел к заключению, что для России «совершенно необходимо вооруженною рукою поставить хивинцев навсегда в границы мирного состояния, ибо только сим способом откроется возможность водворить спокойствие и надлежащее повиновение в нашей киргизской орде, более или менее всегда волнуемой и подстрекаемой Хивою»[6]. Решение комитета было утверждено Александром I 5 августа 1825 г.

В 1834 г. на северо-восточном берегу Каспийского моря В. А. Перовский соорудил Ново-Александровское укрепление, а с 1835 г. начал строить укрепленную линию между Орском и Троицком, лишив тем самым казахов-кочевников лучших пастбищ. Такая политика царского правительства вызвала недовольство казахского населения. В 1837 г. вспыхнуло восстание казахов против царизма, возглавляемое Кенесары Касымовым. Это восстание ускорило решение об организации хивинского похода, принятое еще летом 1825 г.

14 ноября 1839 г. В. А. Перовский с отрядом свыше 5 тыс. человек, при двух орудиях и с обозом в 12 450 верблюдов выступил из Оренбурга[7], но не достиг пределов Хивинского ханства и вынужден был вернуться 1 февраля 1840 г., потеряв при этом почти половину людского состава и большое количество верблюдов.

---

[4] См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. X. М., 1963. С. 350—351.

[5] Известия Туркестанского отделения ИРГО. Т. XIII, 1917 (Юдин М. Двухсотлетие движения русских в Туркестан. С. 117).

[6] ЦГА РУз, ф. 11, оп. 3, д. 86, л. 29.

[7] Тухтаметов Т. Г. Указ. соч. С. 13.

Поход В. А. Перовского насторожил Алла-кули-хана. Он освободил часть русских пленных и отправил посольство для заключения торгового договора с Россией. Царское же правительство в результате неудачного хивинского похода 1839—1840 гг. решило дипломатическим путем уладить все недоразумения, возникшие между Россией и ханствами. В Хиву и Бухару были отправлены посольства. Но дипломатические маневры не принесли продолжительного мира. Еще в 1847 г. царские войска приступили к последовательному и планомерному продвижению к границам Хивинского ханства со стороны как Оренбурга, так и Западной Сибири. Однако Крымская война заставила Россию на время отложить экспансию в Закаспийский регион.

Перед началом решительного наступления против ханств по этому вопросу существовало разногласие между Военным министерством и Министерством иностранных дел. Военный министр Д. А. Милютин стоял за активные действия в Центральной Азии, а министр иностранных дел, вице-канцлер князь А. М. Горчаков настаивал на осторожности, опасаясь осложнений в англо-русских отношениях. К территории между Амударьей и Сырдарьей проявляла внимание не только Россия, но и Англия, которая свои захватнические планы в отношении данного региона прикрывала лозунгом обеспечения безопасности Индии. Поэтому уже в 20-х годах XIX в. ханства становятся ареной соперничества между Англией и Россией. Мнение А. М. Горчакова поддерживало Министерство финансов, которое отказывалось от немедленного финансирования наступательных операций. Однако в конечном счете победу одержал военный министр Д. А. Милютин.

В 1864 г. военные силы России начали наступление против Кокандского, а затем Бухарского ханства. С 1864 по 1868 г. была подчинена значительная часть земель этих государств. Хива оставалась еще независимой, но судьба ее уже была предопределена. Царские власти стремились полностью «открыть» Хиву для российских предпринимателей.

В 1867 г. из земель, завоеванных у Кокандского и Бухарского ханств, было образовано Туркестанское генерал-губернаторство в составе Сырдарьинской и Семиреченской областей. Первым генерал-губернатором Туркестана был назначен генерал-адъютант К. П. Кауфман. Прибыв в Туркестан, он отправил письмо хивинскому хану Мухаммад-Рахиму II, в котором выражал надежду на развитие дружественных отношений, если хан будет считаться с интересами царской России. Но хан не проявил заинтересованности в расширении экономических и политических связей со своим могущественным соседом. Не ответил он и на новое письмо К. П. Кауфмана, направленное осенью 1869 г. Составленное в более резких тонах, оно содержало намек на судьбу Бухарского и Кокандского ханств, которых «заставили жить в мире» и поддерживать «добрососедские отношения».

Тогда К. П. Кауфман стал готовиться к военному походу против Хивы. Эту идею поддержали также оренбургский генерал-губернатор Н. А. Крыжановский и наместник Кавказа. 5 ноября 1869 г. по инициативе кавказского командования военный отряд под начальством полковника Н. Г. Столетова высадился на восточном берегу Каспийского моря, в Красноводском заливе, и основал город Красноводск, который должен был стать плацдармом для будущего наступления на Хиву с запада.

В начале 1870 г. К. П. Кауфман уже готовился к открытому походу против Хивы, однако под давлением Министерства иностранных дел Особое совещание при Военном министерстве сочло нецелесообразным этот поход.

В начале января 1871 г. К. П. Кауфману было поручено основать укрепление в урочище Иркебай на пути в Хивинское ханство. Кольцо вокруг ханства постепенно сжималось. Тем временем генерал-губернатор продолжал оказывать дипломатическое давление на хана Мухаммад-Рахима II, требуя открыть Хиву для российской торговли, не собирать налоги с казахских племен, принявших подданство России, и не восстанавливать их против нее. Но хивинские власти отвергли эти требования и выставили ряд своих.

В то же время хан пытается вести переговоры с Петербургом, минуя туркестанского генерал-губернатора, для чего посылает туда посольство. Одновременно хан направляет второе посольство к наместнику Кавказа. Однако все попытки оказались тщетными. Хан отправляет также посольство к вице-королю Индии, который принял его, но переговоры для Хивы оказались безрезультатными[8].

До ноября 1872 г. военно-стратегическое положение России в Центральной Азии и продолжавшееся англо-русское соперничество на Востоке не давали возможности царскому правительству организовать военный поход на Хиву. Участь ханства была окончательно решена в конце 1872 г., когда 23 ноября в Петербурге под председательством военного министра состоялось особое совещание, в котором приняли участие оренбургский и туркестанский генерал-губернаторы, начальник Главного штаба и заведующий азиатскими делами Главного штаба[9]. По предложению К. П. Кауфмана совещание приняло решение силой заставить Хивинское ханство принять требования Российской империи. Был разработан план военных действий. К. П. Кауфману, осуществлявшему общее руководство военной экспедицией, было дано твердое предписание: Хивы к российским владениям не присоединять. Кауфман был недоволен этим распоряжением и еще до начала похода в 1872 г. писал военному министру: «...Последними распоряжениями относительно Хивы компрометируете меня перед этими ханами»[10].

Но все попытки туркестанского генерал-губернатора добиться разрешения на присоединение Хивы к Российской империи не встретили поддержки со стороны правительства. Объясняется это отчасти нежеланием русского самодержавия обострять дипломатические отношения с Англией, которая была обеспокоена занятием русскими войсками западной части Центральной Азии, расположенной по соседству с Индией.

Сохранением власти хивинского хана правительство хотело показать, что оно не преследует завоевательных целей. С другой стороны, изолированность Хивинского ханства, его незначительные размеры и экономическая отсталость в первое время не могли оправдать тех расходов, которые потребовались бы на содержание администрации и воинских частей в Хиве.

Тем не менее 12 декабря 1872 г. Александр II одобрил решение особого совещания. В докладе царю Милютин писал: «Сущность плана действий, установленного по соглашению Военного министерства с начальствами округов, заключается в том, чтобы Хивинское ханство атаковать с двух сторон: с востока — войсками Туркестанского округа и с запада — соединенным отрядом из войск Оренбургского и Кавказского округов... Общий предмет действия всех отрядов есть столица ханства, завладение которою и рассеяние хивинских скопищ и будут составлять первую заботу войск»[11].

---

[8] Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. Т. II. СПб., 1906. С. 74.
[9] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6852, л. 80.
[10] Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927. С. 231.
[11] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6852, л. 123, 124.

В это время положение в Хиве было весьма тяжелым. Духовенство и аристократическая верхушка ханства во главе с главнокомандующим армией Матмуратом требовали от Мухаммад-Рахим-хана II решительных действий против России. Противоположную позицию занимали хивинское купечество, торговые и ремесленные слои Хивы, заинтересованные в развитии экономических связей с Россией. Они стремились к быстрейшему и мирному урегулированию русско-хивинских отношений. Однако в этой борьбе победу одержала группа Матмурата. Хива готовилась к войне.

В феврале 1873 г. в поход на Хиву двинулись царские войска из Оренбурга, Орска и Уральска под командованием генерала Н. А. Веревкина. В марте того же года из Джизака и Казалинска выступил туркестанский отряд под командованием военного губернатора Сырдарьинской области Н. Н. Головачева. При этом отряде находился генерал-губернатор Кауфман, возглавлявший поход. В марте—апреле того же года два отряда вышли из Красноводска и Мангышлака. Мангышлакский отряд между Кунградом и Ходжейли 13 мая присоединился к войскам Веревкина, а красноводский отряд не достиг пределов ханства из-за отсутствия воды, нехватки тягловой силы и неправильного выбора маршрута[12]. Царская Россия выставила против Хивы 13-тысячную армию и 56 орудий.

Хивинский хан и его приближенные считали, что ханство и Амударья недоступны со стороны Кызылкума, т. е. со стороны Туркестана, а потому соорудили крепости лишь на севере страны, в частности в местечке Ак-Кала и у оз. Дау-Кары. Ни с южной границы ханства, ни с западной никаких оборонительных крепостей не было[13].

Вооруженные силы Хивы состояли из регулярных частей — сарбазов, нукеров-ополченцев, формировавшихся в случае войны, а также из туркменских всадников, которых выставляли во время войны в полном вооружении и снаряжении по одному с обрабатываемой земельной площади в 30—50 танапов[14]. Такие земли назывались атлычными (от слова at — конь; atlig — конный, верховой) и освобождались от государственных налогов, т. е. хивинский хан отдавал эти земли в пользование туркменам за военную службу. Самую ударную и значительную военную силу составляли нукеры из иомудов.

Однако к моменту вторжения царских войск в составе ханских сарбазов не было иомудов, так как хан не заплатил им своевременно жалованья за нукерскую службу[15].

Хивинские войска были вооружены одноствольными и двуствольными ружьями, револьверами и саблями[16].

В обороне ханства участвовали в составе правительственных войск отряды Матмурата, Матнияза, Садыка Кенесарина и ее шестерых командиров. Самый большой хивинский отряд насчитывал полторы-две тысячи сарбазов[17].

Преодолев в ночь с 10 на 11 мая упорное сопротивление хивинских войск у оз. Сардаба-куль, туркестанский отряд царских войск 18 мая начал переправляться на левый берег Амударьи.

Сопротивление хивинцев ослаблялось внутренней борьбой в правивших кругах ханства между сторонниками и противниками России. С приближением царских войск к Амударье борьба эта усилилась. Во

---

[12] Терентьев М. А. Указ. соч. С. 142—144.
[13] Туркестанский сборник. Т. 75. С. 237.
[14] Брегель Ю. Э. Хорезмские туркмены в XIX в. М., 1961. С. 201—202.
[15] Туркестанский сборник. Т. 85. С. 33.
[16] Россия и Хива в конце XIX — начале XX века. М., 1969. С. 24.
[17] Там же. С. 25.

главе сторонников России стоял дядя хана, престарелый Сейид Амир ал-Умер. Он настаивал «на необходимости жить в добрых соседских отношениях с Россией»[18]. Накануне подхода царских войск к Хал-ате Амир ал-Умера поддержал диванбеги Матнияз.

Главный советник хана диванбеги-мехтер Матмурат возглавлял группировку, которая требовала решительного сопротивления царским войскам. На их стороне были большинство туркменского населения ханства и сам хан Мухаммад-Рахим.

Внутренняя борьба, разногласия среди господствующих кругов ханства мешали обороне. Так, 23 мая передовые отряды туркестанских войск после короткой стычки заняли г. Хазарасп, ибо правитель города, дядя хана Амир ал-Умер, не стал его оборонять и уехал в Хиву[19].

В середине мая Кауфман и Веревкин вошли в пределы ханства, а в конце мая они подошли к стенам Хивы.

26 и 27 мая в окрестностях столицы хивинские нукеры оказали упорное сопротивление войскам Веревкина. В ответ на это Веревкин 28 мая подверг Хиву ожесточенной атаке[20]. 28 мая хан в сопровождении Матмурата и нескольких десятков туркмен выехал из Хивы. В это время часть хивинцев объявила младшего брата Мухаммад-Рахима Атаджана-тюрю ханом, а регентом — Амир ал-Умера. Законного же хана, после его возвращения, народ не впустил в город. Тогда хан вместе с Матмуратом и 200 туркменами направился к «иомудам сначала в Бедерхан, а затем в Измухшир»[21]. Его дядя, выдвинутый на его место частью хивинской верхушки, вступил в переговоры с русскими о сдаче города. В то же время к К. П. Кауфману явился посланец от бывшего хана с изъявлением покорности.

Воспользовавшись тем, что переговоры затянулись, генерал Н. А. Веревкин, жаждавший боевых отличий, инсценировал взятие Хивы штурмом. Разбив гранатами ворота, генерал занял город якобы с бою в ту самую минуту, когда отряд К. П. Кауфмана строился с противоположной стороны города для торжественного вступления в него с музыкой. Н. А. Веревкин имел, таким образом, формальное основание утверждать, будто он завоевал Хиву, за что он и его сослуживцы получили соответствующие награды.

28 мая в 2 часа дня соединенные царские войска вошли в Хазараспские ворота, где во главе «огромной толпы народа стоял с непокрытой головой старик Амир ал-Умер, а вблизи его вывезенные из города и цитадели хивинские орудия»[22]. Генерал К. П. Кауфман потребовал возвращения хана, обещая ему сохранение власти.

Взятием Хивы закончился первый период хивинского похода. Второй период в корне отличался от первого; в это время борьба велась против туркменского населения ханства объединенными усилиями царских войск и отныне вассального хивинского правительства во главе с возвратившимся через некоторое время к власти Сейид-Мухаммад-Рахимом II. 1 июня Атаджан-тюря вместе с дядей-регентом, по поручению Кауфмана, написали письмо законному хану Сейид-Мухаммад-Рахиму, в котором просили его вернуться в Хиву и принять временно утраченную власть. По получении этого письма, «уверенный, что русские не казнят его и не сошлют в Сибирь, хан решил

[18] Туркестанские ведомости. № 29. 24.07.1873 (ст. «Занятие Хивы»).
[19] См.: Гахан Мак. Военные действия на Оксусе и падение Хивы. М., 1875. С. 143.
[20] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6950, т. II, л. 122—123.
[21] Туркестанский сборник. Т. 75. С. 239.
[22] Лобысевич Ф. И. Описание... С. 329.

явиться с повинною головою» в лагерь царских войск, сопровождаемый младшим братом Мурад-тюрею, диванбеги Матмурадом и другими приближенными. Он был приветливо принят Кауфманом, хотя хану при свидании с командующим царскими войсками пришлось пережить горькие минуты. Хан признал себя еще до заключения мирного договора «покорным слугою императора Всероссийского».

6 июня К. П. Кауфман подписал распоряжение о признании Мухаммад-Рахима верховным правителем Хивинского ханства и об учреждении дивана (совет по управлению ханством) на время пребывания царских войск в пределах ханства.

От российского правительства в диван вошли три офицера и почетный ташкентский житель Алтан-бей, от ханского правительства — хан, диванбеги Матнияз, инак Иртазали и сановник Абдулла-бей[23]. Председательствовал в диване хан.

12 августа 1873 г. в Гандимианском саду близ Хивы были подписаны так называемые «Условия мира между Россией и Хивой, предложенные командующим войсками, действующими против Хивы, генерал-адъютантом фон Кауфманом Сеид Мухаммед-Рахим-Богадурхану хивинскому и подписанные последним 12 августа 1873 г.»[24]

Договор определял положение Хивы. В нем было записано, что хан отказывается от всяких непосредственных отношений с соседними владениями и ханами и от заключения с ними каких-либо торговых и других договоров, и без ведома и разрешения высшей русской власти в Центральной Азии не предпринимает никаких военных действий против них. Это давало возможность русской администрации Туркестана не только контролировать все действия хана, но и беспрестанно вмешиваться во внутренние дела ханства.

Договор определял и границы ханства: к России переходили хивинские владения на правом берегу Амударьи, убытки прежних владельцев земель хану предлагалось вознаграждать землями на левом берегу.

Согласно договору, «русским пароходам и другим судам русским, как правительственным, так и частным предоставляется свободное и исключительное плавание по Амударье». Здесь оговаривалось, что хивинские и бухарские суда пользуются правом плавания по Амударье только с особого разрешения высшей русской власти в Центральной Азии.

Ряд пунктов договора касались политического подчинения ханства, которое было призвано служить защите преимуществ и льгот русских купцов и промышленников. Именно эти части договора вызывали в дальнейшем недовольство нарождавшейся хивинской торгово-промышленной буржуазии, заставлявшей хана просить о пересмотре отдельных статей условий мира.

Завоевание Хивы открывало широкий доступ русским купцам и русским товарам в ханство, и это нашло свое отражение в «Условиях»: «Русские купцы и русские караваны могут свободно разъезжать по всему ханству и пользуются особенным покровительством местных властей. За безопасность караванов и складов отвечает ханское правительство». Русские купцы, торговавшие в ханстве, освобождались от всякого рода торговых повинностей, им предоставлялось также право беспошлинной транзитной торговли.

Для наблюдения за ходом торговых дел и для сношений с мест-

[22] Туркестанские ведомости. № 30. 31.07.1873.

[24] Погорельский И. В. Очерки экономической и политической истории Хивинского ханства конца XIX и начала XX вв. (1873—1917 гг.). Л., 1968. С. 16. Текст договора см.: Гахан Мак. Указ. соч. С. 291—294.

ными властями русским купцам предоставлялось право иметь в ханстве своих агентов (караван-башей), кроме того, им предоставлялось право владеть в ханстве недвижимым имуществом.

Особенно характерной для данных «Условий» была запись, гласившая: «Жалобы и претензии русских подданных на хивинцев ханское правительство обязуется безотлагательно расследовать, и если окажутся основательными, немедленно удовлетворять. В случае разбора претензий со стороны русских подданных и хивинских, преимущество при уплате долгов отдается русским перед хивинцами..., а жалобы и претензии хивинцев на русских подданных, в том даже случае, если последние находятся внутри пределов ханства, передаются ближайшему русскому начальству на рассмотрение и удовлетворение». Именно этот пункт договора хан неоднократно требовал пересмотреть.

Вассальное положение Хивинского ханства, полная утрата им политической самостоятельности ярко проявлялись и в том, что ханскому правительству ни в коем случае не разрешалось принимать к себе разных выходцев из России и категорически предлагалось: «Если кто из преступников, русских подданных, будет скрываться от преследования законом в пределах ханства, правительство ханское обязывается изловить таковых и доставить ближайшему русскому начальству». Далее, согласно договору, Хивинское ханство должно было выплатить контрибуцию в размере 2200 тыс. руб. для покрытия расходов русской казны в связи с походом на Хиву[25]. Эта контрибуция вынудила правительство Хивы заменить натуральные подати и повинности денежными, что легло тяжким бременем на все население страны.

Гандимианский договор явился результатом откровенно захватнического военного похода, который, в свою очередь, был выражением колониальной политики царского самодержавия.

Российское правительство проводило в Хивинском ханстве особую колонизаторскую политику. Не вполне благоприятная для него обстановка вынуждала сохранять видимость «политического сотрудничества» с местной аристократией и даже оставить за ханами право на «внутреннюю автономию».

Установление протектората царской России над Хивинским ханством сохраняло прежние социально-экономические отношения в крае, что облегчало колонизацию ханства.

Для переселенцев из России царские власти отнимали земли у узбекских, туркменских и каракалпакских крестьян, насильственно переселяя их на новые, необжитые места.

Экономическая программа русского правительства предусматривала специализацию Хивы исключительно на производстве сельскохозяйственных продуктов, необходимых в качестве сырья для российской промышленности.

Превращение ханства в протекторат России втягивало его в единый хозяйственный рынок, единую систему производственных отношений, обусловило проникновение российского торгово-промышленного капитала в ханство и включение Хивы в 1894 г. в российскую таможенную территорию.

Наблюдался рост городов, в том числе Хивы. Городское население увеличивалось за счет притока разорявшихся крестьян и пришлого населения. В начале XX в. в г. Хиве насчитывалось 3840 дворов с населением свыше 19 тыс. человек, из них 300 европейцев. В городах ханства проживало около 6 тыс. подданных России, из них 60%

[25] См.: Приложение к кн.: Жуковский С. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг., 1915. С. 179—183.

составляли русские, 18% — татары, 8% — армяне, остальные — евреи, латыши, поляки и др.[26]

Развитие Хивы было связано главным образом с расширением транспортно-торговых операций. Здесь были открыты конторы 5 крупных и 11 средних российских торгово-промышленных фирм, работали 6 хлопкоочистительных заводов (три из них — местных купцов), один караван-сарай, 14 бакалейных и галантерейных лавок местных купцов, лавки и склады транспортной конторы «Восточного общества», товарищества братьев Нобель, Зингер и К°. Большая часть промышленных предприятий принадлежала русским. Но были и местные промышленники: Аллабергенов, Аллакулов, Аминов, Куржаниязов, братья Баккаловы, Самандаров и др.[27]

В Хиве тогда существовало около 60 видов ремесел. Столица славилась мастерами — ювелирами, медниками, резчиками по дереву и камню, кожевниками, портными и т. д.

В городском ремесле сохранялась связь кустарной промышленности с торговлей. Ремесленники одновременно являлись и непосредственными производителями, и продавцами продукции. Дукан у многих ремесленников служил и мастерской, и лавкой.

Наблюдается укрупнение мелкотоварного производства, что прослеживается на примере текстильного ремесла. Наиболее крупные ткацкие предприятия (кархана) находились в Хиве. Здесь широко использовалась наемная рабочая сила. Так, в 5 дуканах Хивы работал 31 шелкомотальщик[28]. Некоторые мастерские по изготовлению шелковых и полушелковых тканей располагали двумя-тремя станками. Сравнительно крупными стали предприятия красильщиков и маслобойщиков. Отдельные ремесленники имели до 5 маслобойных станков.

Изменялись бытовые условия ремесленников. Так, ремесленники, работавшие по ночам, стали пользоваться керосиновой лампой вместо фитильного освещения. В портняжном производстве получили распространение швейные машины «Зингер»[29].

С прибытием в Хиву европейских ремесленников в ханстве появились мастерские с новым оборудованием. Так, в 1883 г. здесь открылась первая швейная мастерская Сазонова, а затем — мастерские плотников, слесарей[30].

Существенную роль в экономической жизни ханства играли базары Хивы. Здесь осуществлялись все виды оптовой торговли (особенно хлопком, мануфактурой). В городе располагались склады для товаров из России, служивших предметом меновой торговли. Кунград соединял Хиву с караванными путями, Ханка и Хазарасп — с Закаспийской железной дорогой.

Хива, куда русские купцы привозили промышленные товары, занимала особое место в торговле с Россией. В городе имелись склады и лавки крупных хивинских купцов, владевших значительными оборотными средствами.

На хивинском рынке большим спросом пользовались российская мануфактура, различные ситцы фирм Кокушкина, Рабенек, Баранова, Третьякова, Коновалова, Соколова, Богомазова, Шереметьева, полотно фирмы Миндавского, платки фирмы Якунчикова.

---

[26] ЦГА РУз, ф. 1, оп. 12, д. 15, л. 227—228; Гиршфельд Г. Военно-статистическое описание Хивинского оазиса. Ч. II. Ташкент, 1902. С. 128.

[27] История Хорезма... С. 125.

[28] Там же. С. 127.

[29] Газ. «Новое время». 1884. № 3120.

[30] Садыков А. С. Россия и Хива в конце XIX — начале XX века. Ташкент, 1972. С. 61.

В XIX в. Хива представляла собой крупный торгово-ремесленный центр с караван-сараями, несколькими базарами, из которых один считался главным. Хива торговала с Бухарой, Туркестаном, Персией, Афганистаном. В Хиву ввозились индиго, посуда, всевозможные ткани, шелк-сырец, письменные приборы, бумага, лекарственные вещества, чай, зерно, мука, рис, скот, золото и серебро в монетах и слитках, пряности, фрукты и сухофрукты, сахар и др.

В начале XX в. на хивинском рынке действовало много крупных торгово-промышленных фирм. Если до 1900 г. в ханстве было 12 фирм, то в 1910 г. — 20, а в 1913 г. — 22 с годовым оборотом от 3 до 20 млн. руб. В то же время в ханстве действовали агенты нескольких российских банков[31].

С развитием экономических связей, промышленности и зарождением слоя местных предпринимателей возрастает потребность в грамотных людях, возникает необходимость изучения светских наук.

В 80-х годах XIX в. в Хиве усиливается внимание к школьному образованию. По инициативе поэта и известного государственного деятеля Палван Мирзы баши (Камил Хорезми) в Хиве открылась русско-туземная школа. В ней половину учебного времени русские учителя занимались с детьми арифметикой, русским языком, мироведением, а затем мусульманские учителя обучали учеников по программе обычных мактабов. Мактабы — начальные школы мусульманской грамоты — размещались обычно при мечетях, имамы обучали здесь детей состоятельных родителей арабскому алфавиту и чтению Корана. Учеба в таких школах длилась до восьми лет.

Некоторые ученики, окончившие мактабы, поступали в высшие или средние учебные заведения — медресе, срок обучения в которых составлял десять и более лет. Кроме богословия и арабской грамматики, необходимой для чтения Корана, в медресе изучали мусульманскую философию. схоластику, право, а также элементы арифметики и геометрии.

Только в Хиве было 120 медресе, 63 карыханы[32]. В мактабах и медресе обучались только мальчики. В городах жены имамов или учителей-мулл организовывали на дому мактабы для девочек из зажиточных семей. Их обучали арабскому алфавиту и чтению Корана.

Влияние духовенства на культурную жизнь Хивинского ханства было весьма значительным. Хива, как и Бухара, была центром мусульманского богословия. Здесь насчитывалось 1636 мечетей, более 70 мест поклонения святым[33]. Вакуфный фонд хивинских мечетей составляли 82 тыс. танапов земли (2,5 танапа = 1 га).

В начале XX в. на местной политической арене появились силы, заявившие, хотя и не столь решительно, о своей приверженности реформированию страны на путях демократии и общественного прогресса. В ханстве начинает развиваться движение за реформы, получившее название джадидизм (от арабского «усул-и джадид» — новый метод). Хивинских джадидов возглавил крупный сановник Хивы Ислам-ходжа.

В 1906 г. в Хиве открылась новометодная школа, в 1911 г. — еще одна[34]. Хотя учителя-новометодники обучали детей основам Корана и шариата не хуже, чем в мактабах, мусульманское духовенство на первых порах отнеслось к таким школам резко отрицательно. Царское правительство противодействовало расширению сети новометодных школ, считая их «рассадником националистических идей».

---

[31] История Хорезма... С. 133.
[32] Садыков А. С. Указ. соч. С. 73.
[33] Там же.
[34] История Хорезма... С. 147.

Джадиды, будучи представителями либеральных кругов, стремились изменить государственный строй Хивы путем реформ. Они не задевали ислам и шариат, только требовали некоторых нововведений в школьном образовании, выступая за организацию новометодных школ, где уделялось внимание светскому образованию. Хивинские предприниматели хотели добиться уравнения их в правах с русскими, прекращения переселения русских крестьян в ханство и т. п.

Таковы были основные черты социально-экономической, политической и общественной жизни Хивы в начале XX в.

А. Х. САИДОВ

БУХОРО ВА ХИВА ФИҚҲ МАКТАБЛАРИ АНЪАНАЛАРИ ТАРИХИДАН

ЮНЕСКО томонидан Бухоро ва Хива шаҳарларининг 2500 йиллиги, Тошкентнинг 2000 йиллигини[1], «Марказий Осиё цивилизацияси тарихи»[2] номли кўп жилдлик йирик халқаро тадқиқотнинг олиб борилиши, ҳазрати соҳибқирон Амир Темур[3], буюк аждодларимиз ал-Бухорий, ат-Термизий ва Мирзо Улуғбекларнинг[4] юбилейларини нишонлаш, бу — жаҳон ҳамжамияти томонидан ўзбек миллий маданияти ва санъати тарихи, хусусан дин-шариат тарихини, уни маънавият-маърифат ва ахлоқий-ҳуқуқий ҳаётдаги унинг ҳақиқий ўрнини эътироф этиш демакдир.

Ўзбекистон халқи минглаб йиллар мобайнида буюк мутафаккир ва олимлар томонидан барпо этилган улкан маънавий мерос билан фахрланади. Самарқанд, Бухоро, Хива, Тошкент, Шаҳрисабз, Термизнинг ноёб тарихи ёдгорликлари, буюк Шарқ алломалари ал-Бухорий, ат-Термизий, Аҳмад Яссавий, Баҳоуддин Нақшбанд, ал-Беруний, Абу Али ибн Сино, Муҳаммад Хоразмий, Аҳмад Фарғоний, Бурҳониддин Марғиноний, Алишер Навоий, Мирзо Улуғбек, Заҳириддин Муҳаммад Бобур асарлари бутун башариятнинг бебаҳо мулки бўлиб қолди[5].

Мовароуннаҳрда фиқҳ-ислом ҳуқуқшунослиги

Туркий халқлар, уларнинг ўзагини ташкил қилган ўзбек халқи ўзининг бой маданий-маънавий меросига эга. Бу халқ орасидан етишиб чиққан аллома ва мутафаккирлар жаҳон илм-фани ва маданиятининг шаклланишига ва ривожланишига улкан ҳисса қўшганлар. Улар томонидан яратилган асарлар асрлар оша инсоният равнақи йўлида хизмат қилиб келмоқда, келажакда ҳам шундай бўлиб қолади. Буюк Турон, Мовароуннаҳр ва Туркистон заминида туғилиб ўсган, ижод қилган буюк қомусий алломалар Абу Наср Форобий (870—950), Абу Али ибн Сино (830—1037), Абу Райҳон Беруний (973—1048), машҳур математиклар ва астрономлар Муҳаммад Мусо ал-Хоразмий (783—850), Шаҳобиддин Аҳмад ибн Муҳаммад Фарғоний (ўл. 861), Маҳмуд ибн Умар ал-Чағмини (ўл.

---

[1] Бухоро ва Хиванинг 2500 йиллигини бутун дунёда нишонлаш ҳақидаги қарор ЮНЕСКО Бош Ассамблеяси. 28-сессияси қарорлари тўпламида нашр этилган. *Қаранг*: UNESKO: Resolutions twenty-eight session of the general Conference. Vol. 1. Paris, 1996, P. 89.

[2] Ушбу тадқиқот XX асрнинг 60-йилларидан бошлаб олиб борилмоқда ва шу кунга қадар китобнинг икки жилди чоп қилинди ва учинчи нашри босмага топширилди. *Қаранг:* History of civilisation: earliest times to 700 B. C. Paris. 1993.

[3] La Renaissance Temouride.— Paris, 1996; L'art de l'Ouzbekistan l'epoque de Temourides et le XXe siecle. Paris, 1996.

[4] Ulugbek a Paris||Paris malch, 1994, 22 dec.

[5] Каримов И. А. ЮНЕСКО қароргоҳидаги кўргазманинг очилиш маросимидаги нутқ||Амир Темур жаҳон тарихида. Париж, 1996. 6-бет.

Бухоро ва Хоразмда шариат қонунлари амал қилган даврларда ибратли, ижобий жиҳатлар, тадбирлар билан бир қаторда иллатлар, қонунбузарликлар, камситишлар, ҳақсизликлар, адолатсизликлар, ҳатто ёвузликлар ҳам бўлган. Булардан кўз юмиш мумкин эмас. Умуман шариат қонунлари Мовароуннаҳрда амал қилган тарихимизни ўрганишда масалага ҳар томонлама, чуқурроқ, илмий, умуминсоний, демократик, инсонпарварлик нуқтаи назаридан ёндашиш ва баҳо бериш керак. Бу ерда шуни алоҳида таъкидлаш лозимки, айрим мутахассисларнинг ҳуқуқ соҳасида шариат қонунларига қайтиш керак деган фикрига қўшилиб бўлмайди. Чунки шариат қонунларида ижобий жихатлар билан бир қаторда салбий, бизнинг ҳозирги давримиз талабларига, турмуш тарзимизга, дунёқарашимизга тўғри келмайдиган қоидалар ҳам мавжуд.

Шу билан бирга Мовароуннаҳр, Бухоро ва Хива фиқҳ мактаблари ҳуқуқий мероси ҳозирги замон мустақил Ўзбекистон ҳуқуқий тизимининг тамал тошларидан ҳисобланади. Ушбу бой ҳуқуқий мерос бизлар учун ёрқин мисол, намунали ибрат. Афсусларким, Мовароуннаҳр фиқҳ мактаби анъаналари жуда кам ўрганилган. Буюк фақиҳларимиздан бирорталарининг бирор асари ҳанузгача ўзбек тилига тўлиқ таржима қилинмаган.

Шу сабабдан Мовароуннаҳр, Бухоро ва Хоразмнинг буюк фақиҳлари асарларини мукаммал, ҳар томонлама ўрганиб, ўзбек тилига таржима қилиш, уларнинг бой ҳуқуқий меросини кенг жамоатчиликнинг ҳақиқий маънавий бойлигига айлантиришдек шарафли ва хайрли иш ҳуқуқшунос, шарқшунос, тарихшунос, диншунос олимларимиз олдида турган долзарб вазифалардан биридир.

И. АЗИМОВ

ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТВОРЧЕСТВА ЗОДЧИХ ХИВЫ

Как известно, территория Узбекистана в XVIII—XIX вв. была разделена между тремя ханствами с центрами в Бухаре, Коканде и Хиве. В силу политической изоляции, конкретных исторических, географических и природно-климатических условий в этих ханствах развивались самобытные архитектурные школы. Здесь мы остановимся подробнее на Хорезмской школе зодчества.

Хива сохраняла свою значимость во все эпохи. Это был один из крупных центров экономики и культуры, науки и искусства Хорезма. Среди различных видов искусства заметный след в истории города оставила архитектура. Здесь в контрастном ритме органически сочетаются медресе и мечети, минареты и мавзолеи, жилые дома и дворцы, караван-сараи и бани. Они представляют собой приземистые и высокие, легкие и массивные, балочные и купольные, затемненные или залитые солнцем объемы. В них запечатлена строительная культура прошедших эпох.

Хива — это классический город, где градостроительный замысел решен в едином архитектурно-художественном понимании пространства. Здесь очень наглядно выражено трехчастное строение города: цитадель — *Куня-арк*, *шахристан* — *Ичан-кала* и *рабад* — *Дишан-кала*. Город был защищен мощными стенами с гранеными башнями и укрепленными воротами. За ними выделяются архитектурные ансамбли и отдельные памятники. В связи с расширением и упрочением Хивинского ханства в последние столетия в городе осуществлялось интенсивное строительство.

Наследие хорезмских зодчих является органической частью мировой культуры. Будь то античные замки, раннесредневековые крепости или поздние города этого древнейшего оазиса — все они свидетельст-

вуют о многовековом опыте, таланте зодчих Хорезма и получили всемирную известность.

Хива и близлежащие города играли важную роль в экономике средневекового Узбекистана, ибо через них пролегали караванные трассы, связывающие страны Востока и Запада[1]. Караванные пути способствовали также развитию культурных и дипломатических связей. Они же служили миграции лучших архитектурно-художественных идей в соседние регионы. Так, в некоторых постройках Бухары и Шахрисабза явно заметны черты хорезмской строительной школы[2]. Методы художественного оформления зданий распространились далеко за пределами области и обнаружены даже в городах Поволжья[3]. Хорезмские строители с годами выработали определенные принципы, методы, приемы и создали самобытную школу зодчества.

В чем же особенности этой локальной архитектурной школы? Каковы характерные черты, отличающие постройки Хорезма от других регионов? Ведь жилые дома, мечети, медресе, дворцы и иные сооружения Хивы значительно отличаются от аналогичных зданий Бухары, Коканда и других городов Узбекистана. Достаточно сравнить объемно-пространственные композиции, конструктивные решения и декоративные приемы в однородных постройках республики, чтобы выявить их особенности.

В Хиве возводились общественные здания, предназначенные возносить престольный город. Чтобы разновременные архитектурные комплексы имели определенную завершенность, от зодчих требовались большой профессиональный такт и чувство преемственности. Это ярко проявилось в позднесредневековой Хиве, когда город превратился в огромный самобытный архитектурный ансамбль.

Для панорамы Хивы характерны органично сочетающиеся купольные общественные здания с плоскими крышами жилых домов и вертикалями минаретов. Как восклицательные знаки, цепочка минаретов, вытянувшаяся в широтном направлении с востока на запад, подчеркивает основную композиционную ось города. Это различные по форме и величине минареты: Палван-кари, Саид Шеликербая, Джума, Кальта минор и Шейх Каландар-бобо. Они придают неповторимость облику Хивы и своеобразие ближайшему окружению.

В Ичан-кале было четверо арочных ворот, фланкированных круглыми башнями. В XIX в. вокруг Дишан-калы было возведено десять ворот. Архитектурный облик этих построек выражал величие и достоинство города.

У городских ворот размещались рынки, караван-сараи и бани. По сей день на базарах у хивинских ворот кипит бойкая торговля. Обычно в многолюдных местах, у базаров устраивались культовые комплексы, куда входили мечети, медресе и мемориальные памятники. Притягательная сила ансамблей Хивы с годами увеличивается.

Основу хорезмского дома составляет жилая комната с высоким онг-айваном перед ней. Причем высота террасы вдвое превосходит жилое помещение. Обычно напротив, на единой оси строился малый терс-айван с кухней, кладовой и подсобными комнатами. Между террасами находится двор. Женская часть дома не всегда отделяется от мужской. В хивинских домах решена главная задача — усиление проветривания

---

[1] Мукминова Р. Г. Традиции взаимосвязей по Шелковому пути в позднефеодальный период//На среднеазиатских трассах Великого шелкового пути. Ташкент, 1990, С. 119.

[2] Пугаченкова Г. А. Самарканд, Бухара. М., 1968. С. 130; ее же. Термез, Шахрисабз, Хива. М., 1976. С. 74.

[3] Гражданкина Н. С., Ртвеладзе Э. В. Влияние Хорезма на керамическое производство золотоордынского города Маджара//СА. 1971. № 1. С. 127—139.

и защита от солнечного перегрева. В отличие от хорезмского дома, в Бухаре или Ферганской долине жилье строилось по периметру двора. Помещения располагались на участке более свободно. Четко выделялись мужской, женский и хозяйственные дворы. Ферганские дома более обширны и нередко содержат фруктовые сады и огороды. Вместе с тем наличие гор повышало сейсмоопасность. Поэтому стены там возводились с двухрядным деревянным каркасом — кош синч, и толщина стен достигала 60—70 см. Соответственно в интерьерах устраивались ниши с полочками — токча. А в Хорезме невысокая сейсмичность позволяла возводить дома с однорядным деревянным каркасом — якка синч, и толщина ограждающих конструкций составляла всего 15—20 см. Ниши с полочками устраивались лишь во дворцах. Последние отличались от обычных жилых домов количеством помещений, размерами дворов и пышностью отделки.

В Хиве сложился своеобразный тип дворцового здания. В отличие от строго регулярной планировки кокандского дворца Худояр-хана с симметричным фасадом или павильонной застройки бухарского дворца Ситора-и Мохи-Хоса с обилием зелени, дворцы Хивы имеют иную структуру[4]. Внешне они напоминают раннесредневековые укрепленные замки — кешки. Внутри многодворовая планировка весьма насыщена разного рода помещениями с лабиринтами коридоров[5].

Характерно, что в хивинских дворцах сочетаются черты монументальных построек и жилых зданий. Здесь можно видеть сплошные облицовки майоликой, которые обычно использовались при отделке мемориально-культовых построек. Вместе с тем здесь возводили высокие айваны, ориентированные на север, — обязательный элемент народной жилой архитектуры. Общая черта названных дворцов состоит в том, что половина их площади выделена для проживания женщин, т. е. возводились помещения для гарема.

Хива, Бухара и ряд городов Ферганской долины находились на караванных путях[6]. Соответственно строились караван-сараи. Примечательно, что в Ферганской долине постройки этого рода практически не сохранились. В Бухаре они компактны, невелики по размерам, одно- или двухэтажные, план, в зависимости от ситуации участка, прямоугольный или трапециевидный (караван-сараи Рашид, Бозори-гуль, Кальта). В отличие от них, караван-сарай Хивы выделяется в структуре города как единственный, самый крупный торговый центр Хорезма. Здесь по периметру двора построены два яруса худжр. Больше сотни помещений служили для размещения купцов, их товаров и торговли. Для хивинского караван-сарая характерны использование значительного пространства (69×58 м), четкая функциональная связь помещений и весьма скромная отделка.

Самобытны квартальные мечети Хивы. Они представляют нечто среднее между бухарскими купольными мечетями и ферганскими балочными постройками того же рода. Здесь купольные залы сочетаются с летними айванами, которые имеют плоские перекрытия. В их числе — Ак-Мечеть, Богбоилы, Сеид-ата и др.

В отличие от живописных, свободно спланированных асимметричных медресе Ферганской долины, в Хорезме практиковалось строитель-

---

[4] Лавров В. А. Градостроительная культура Средней Азии. М., 1950. С. 135; Нильсен В. А. У истоков современного градостроительства Узбекистана (XIX — начало XX веков). Ташкент, 1988. С. 149.

[5] Маньковская Л., Булатова В. Памятники зодчества Хорезма. Ташкент, 1978. С. 54.

[6] Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975. С. 120.

ство строго симметричных зданий учебного назначения[7]. Нередко перед медресе выделялся огражденный дворик с дарвозаханой. Яркие примеры таких построек представляют медресе Мухаммад Амин-хана, Мухаммад Рахим-хана, Мазари Шариф и др.

В Хорезмской школе зодчества особо выделяется архитектурный декор. При сдержанной, сине-бело-голубой палитре керамических вставок и майоликовых плит здесь воплощено огромное количество орнаментальных композиций. Декор хивинских построек отличается поразительным единством художественного стиля. Излюбленный мотив в оформлении построек — спиралевидный растительный орнамент, усеянный листьями, цветами и бутонами. Употребление таких узоров в народном искусстве Хорезма имеет весьма глубокие корни[8]. Они гармонично сочетаются с эпиграфикой и геометрическими орнаментами — гирихами.

Примечательно, что один и тот же орнамент, выполняемый в разных материалах и иной технике, производит различное впечатление. Так, в узорах на майоликовых облицовках отсутствует объем. Зато они оживляются игрой светотени в резных деревянных элементах. Характерно, что в постройках Хивы стволы колонн и их базы, двери, ставни и ворота отделаны превосходными резными орнаментами. Рельефный рисунок поражает богатством и оригинальностью композиций. Архитектурный декор, сохранившийся в памятниках Хивы, свидетельствует о беспредельных возможностях народных мастеров Хорезмской школы зодчества. Так, если бухарские мастера умели отделать свои постройки тонкой ажурной резьбой по ганчу, или ферганские орнаменталисты покрывали росписями тысячи квадратных метров потолков, то хорезмские специалисты отличаются непревзойденным мастерством резьбы по дереву и созданию майоликовых декоративных композиций.

Зодчие Хорезма, учитывая природно-климатические условия, по-своему реализовали представления о пользе, прочности и красоте в архитектуре. Таким образом, здесь сложилась локальная, выверенная веками школа зодчества, опыт и традиции которой хотелось бы сохранить и в современном строительстве Узбекистана.

---

[7] Азимов И. Архитектурные памятники Ферганской долины. Ташкент, 1982. С 55—57; Маньковская Л., Булатова В. Памятники... С. 63.

[8] Морозова А. С. Хивинский узор. Ташкент, 1957. С. 8.

М. А. ЮСУПОВА

МЕДРЕСЕ ХИВЫ И БУХАРЫ: ЭВОЛЮЦИЯ, ОБЩНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ АРХИТЕКТУРНЫХ ШКОЛ

Самые ранние из сохранившихся в Хиве медресе относятся к XVII—XVIII вв., когда этот ранее небольшой, второстепенный город превращается в столицу всего Хорезма. Наверняка архитектура неизвестных нам более древних хивинских медресе имела традиционную для зданий этого типа дворово-айванную структуру, где внутренний двор по периметру обводили худжры, на двух или четырех осях двора располагались портальные айваны, а в угловых отсеках здания — общественные залы (мечеть, дарсхона и др.). Именно такова структура сохранившихся поздних (XVIII—XIX вв.) медресе Хивы, дополненных рядом местных региональных особенностей. Последние формировались в позднее время, когда в ряде других областей Мавераннахра уже сложились их специфические региональные черты. Наиболее мощной, яркой и рациональной была архитектура медресе Бухарской школы, сформировавшейся в основном в XV—XVI вв. и оказавшей значительное влияние на медресе других оазисов, особенно Хивы. Поэтому, выбирая

хронологический метод исследования, мы сначала рассмотрим формирование этого типа зданий на основе исторических, археологических и натурных данных о древних медресе Бухарской школы, а затем более обстоятельно рассмотрим особенности медресе Хивинской школы зодчества.

Впервые медресе упоминается Мухаммадом Наршахи в его «Истории Бухары», где говорится о медресе Фарджака в Бухаре, сгоревшем при пожаре 937 г.[1]

Есть упоминания о «многих (!) медресе Самарканда» X в.[2] Называются также самаркандские медресе Кадия ал-Хасана и медресе Тамгач Богра Ибрахимхана[3]. Последнее, выстроенное у могилы Кусама ибн Аббаса, было, вероятно, отремонтировано в первой половине XII в. Султаном Санджаром и называлось еще медресе Куссамийа[4].

В XII в. в Бухаре, в квартале ал-Джадид, находилось медресе Абу Бакра ибн ал-Фадла, а в квартале Калобод (по Самани—Калабаз)— медресе Арсланхана, называемое еще медресе Хана, а позднее — Калобод. Судя по копии вакуфной грамоты, медресе Калобод, существовавшее до середины XX в., было сооружено в 1609 г. (вероятно, на древней основе XII в.) Ходжа Низомиддином[5]. Наршахи, упоминая еще об одном бухарском медресе XII в., пишет: «Амир Бухары Тогрулбек по прозвищу Куляртакин из деревянных частей разрушенной мечети выстроил в Бухаре, недалеко от Чуба-и бакалян мадрасу Куляртакин»; позже здесь же был похоронен выстроивший его амир (ум. 1102 г.)[6].

Из названных древних медресе по данным раскопок и вакуфной грамоты лучше других нам известна архитектура самаркандского медресе XI в. Тамгач Богрхана. Здесь выявлено крупное (44×55 м) здание с прямоугольным внутренним двором, застроенным худжрами по периметру и айванами по его осям. Главный портальный вход в центре фасада вел в купольный вестибюль с боковыми проходами в угловые залы[7]. Судя по вакуфному документу XI в. на медресе Тамгачхана, здесь изначально были предусмотрены общественные залы — мечеть, дарсхона, помещения для чтения Корана и изучения «адаба», что предполагает выявленную археологами планировочную структуру здания. Следовательно, перестройки XII в., если таковые имели место, мало повлияли на планировку медресе Тамгачхана, которое уже в XI в. представляло собой вполне зрелый архитектурный тип.

В дальнейшем происходят значительное развитие и кристаллизация типа медресе, что видно по архитектуре наиболее ранних из сохранившихся в Мавераннахре зданий этого типа эпохи Темуридов. Особенности трех медресе, выстроенных Улугбеком в Бухаре (1417 г.), Самарканде (1423 г.) и Гиждуване (1433 г.), а также медресе Ходжа Ахрара в Ташкенте (1451 г.) свидетельствуют о том, что эти сооружения, претерпев с XI в. в Мавераннахре определенную эволюцию, к XVI в. имели свой канонизированный тип. Они представляли собой прямоуголь-

---

[1] Наршахи М. История Бухары/Пер. Н. Лыкошина. Под ред. В. В. Бартольда. Ташкент, 1897. С. 118.

[2] Камалиддинов Ш. С. «Китаб ал-ансаб» Абу Са'да Абдалкарима ибн Мухаммада ас-Сам'ани как источник по истории и истории культуры Средней Азии. Ташкент, 1993. С. 157.

[3] Немцева Н. Б. Медресе Тамгач-Богрхана в Самарканде (из археологических работ в ансамбле Шахи-Зинда//Афрасиаб. Вып. III. Ташкент, 1974. С. 132.

[4] Камалиддинов Ш. С. Указ. соч. С. 82—83.

[5] Сухарева О. А. Квартальная община позднефеодального города Бухары. М., 1970. С. 299.

[6] Наршахи М. Указ. соч. С. 22.

[7] Немцева Н. Б. Указ. соч. С. 106.

ные в плане здания с периметральной застройкой внутреннего двора худжрами в один или два этажа (медресе Улугбека в Самарканде и Бухаре), в угловых частях на высоту двух этажей возвышались просторные купольные залы (дарсхона, мечеть и др.). В крупных медресе на осях двора размещали четыре сводчатых порталных айвана (медресе Улугбека в Самаркапде), в средних — два айвана на главной, продольной оси.

В одноэтажных медресе для большей представительности главный фасад поднимали высоким экраном, закрывающим расположенные вдоль него купольные конструкции (впервые — в медресе Улугбека в Гиждуване, затем Ходжа Ахрара в Ташкенте), что стало традиционным в небольших поздних медресе Мавераннахра.

На основе этого канонизированного типа были созданы последующие региональные типы, в первую очередь тип бухарского медресе.

Так, уже в самом древнем из сохранившихся в Центральной Азии, медресе Улугбека в Бухаре (1417 г.) местная школа вносит в типичную планировку ряд дополнений и изменений. Появляются первые черты медресе бухарского типа — главный фасад на обоих этажах впервые раскрывается наружу арочными лоджиями; расположенный напротив главного входа сквозной выход во двор забирается металлической решеткой «панджара», а по сторонам от купольного вестибюля расходятся коленчатые коридоры, ведущие во двор и угловые залы (в мечеть и дарсхону).

В XVI в., когда Бухара становится столицей мощного узбекского государства Шейбанидов, в пору дальнейшего и более интенсивного формирования архитектуры медресе, появляются новые специфические черты Бухарской школы. Так, для устройства самостоятельных входов в угловые кельи или группу помещений срезаются углы внутреннего двора. На главном фасаде входная ниша пештака (парадного портального входа) получает пятигранную форму; углы фасада до уровня боковых крыльев закрепляются башнями «гулдаста»; арочная галерея связывает не только кельи этой части здания, но и открывает доступ к запортальным помещениям второго этажа. В интерьерах богато разрабатываются кирпичным декором своды многокупольного миансарая (вестибюля и коленчатых коридоров); для освещения угловых залов в зените купола устраивают световые фонари. Купола залов часто устраивались на несущей системе пересекающихся арок и щитовидных парусов. В интерьере освещенные сверху рельефные переплетения этой конструкции демонстрировали ясную и рациональную тектонику перекрытий, создавали богатую игру светотени, что было красиво само по себе и не требовало дополнительного украшения трудоемкой майоликовой облицовкой. Так появились оштукатуренные ганчем знаменитые белые «абдуллахановские интерьеры»[8]. Эти особенности присущи многочисленным медресе Бухары XVI—XVII вв.

Примерно такова архитектура наиболее богатого декором и выразительного по объемной композиции бухарского медресе Мири-Араб (1536 г.), где в угловом зале захоронены донаторы его строительства — шейх Абдаллах Йамани, прозванный Амир-и-Арабом, и его мурид — правитель Мавераннахра Убайдуллахан. Здесь присущие эпохе Тимуридов два крупных голубых декоративных купола над угловыми залами покоятся на четырех пересекающихся арках, но высокий барабан купола уже преобразуется в световой фонарь. Кельи студентов становятся более благоустроенными: появляются небольшая прихожая, антресоли, открытые и потайные ниши для посуды, постели и др.

[8] По имени Шейбанида Абдуллахана II, в правление которого (1556—1598) были наиболее распространены белые интерьеры с читающейся конструкцией пересекающихся арок.

Крупнейшее в Бухаре медресе Кукельдаш (1568—1569 гг.) для экономии средств и площади было выстроено двухайванным, а вместо дворовых айванов на поперечной оси были устроены дополнительные рядовые худжры. Примечательно, что здесь впервые в Центральной Азии обычно глухие боковые фасады были раскрыты наружу арочными лоджиями второго этажа.

Малые двухайванные медресе Бухары XVI в. (Гаукушон, Модарихан, Малое медресе Гозиён) получили трапециевидный план, что было обусловлено формой застраиваемого участка.

В Большом медресе Гозиён (1534 г., перестроено в XVII—XVIII вв.) и медресе Гаукушон при одноэтажности всего здания для придания ему большей монументальности главный фасад был устроен двухэтажным. Этот прием использовался затем в ряде поздних медресе Бухары, Хивы и других областей Мавераннахра.

Наиболее ярко Бухарскую школу зодчества представило медресе Абдуллахана (1589—1590 гг.), где проявились в совокупности почти все перечисленные региональные особенности. К тому же это крупное четырехайванное медресе дополнили два оригинальных приема. Во-первых,— диагональное расположение залы мечети для точной ориентации ее михраба на Мекку (запад). А во-вторых, в целях размещения большего числа дополнительных келий,— устройство эффектного купольного дворика в обводе худжр за айваном, на продольной оси в глубине двора и поперечной оси двора справа от входа. Эти группы худжр выступали крупными объемами за внешний абрис здания, на оси бокового и заднего фасада.

Из крупных и своеобразных медресе Бухары последующего времени можно назвать: медресе Нодир Девонбеги (1622 г.), перестроенное из караван-сарая, с красочным тимпаном, украшенным крупными фантастическими птицами; медресе Абдулазизхана (1652 г.) с богатым сталактитовым и майоликовым (в том числе зооморфным) декором; медресе Домулло Турсунджон (1797 г.) со сталактитовым заполнением свода пештака и «ложными» айванами во дворе; оригинальное по архитектуре медресе Амира Алимхана (рубеж XIX—XX вв.), расположенное у подножия минарета Калян, вобравшее в себя часть существовавшей здесь некогда бани и состоящее из трех дворов, и др.

Медресе Мирза Шариф Гозиён, возведенное в 1534 г. и прежде называемое Большим Гозиён, вероятно, было перестроено в XVII—XVIII вв. Для экономии средств и площади здесь были приняты некоторые нестандартные решения, которые затем встречены нами в ряде поздних медресе Бухары и особенно активно были использованы в хивинских медресе XVIII—XIX вв. Во-первых, при одноэтажности медресе Гозиён его главный фасад был возведен двухэтажным, как это было в бухарском медресе XVI в. Гаукушон. Во-вторых, для придания солидности зданию вдоль его внешних фасадов на высоту второго этажа была устроена стена — парапет, отчего снаружи медресе казалось двухэтажным; вдоль дворовых фасадов был устроен арочный бордюр. Этот прием, возможно, был заимствован у традиционных жилых домов Бухары, где над одноэтажными зимними и хозяйственными помещениями, выравнивая верхний абрис здания до уровня летних гостиных высотой в два этажа, возводили небольшие навесы «айванча» (для летнего сна). При этом, благодаря высоким внешним парапетам, снаружи здание казалось двухэтажным. В-третьих, дворовые айваны на поперечной оси медресе Гозиён были «ложными», т. е. здесь были устроены порталы, за которыми вместо традиционной глубокой арочной ниши располагались по две худжры. Названные три приема в последующем активно использовались и стали традиционными для медресе Хивы.

Следует отметить, что в XVI—XVII вв., в период расцвета Бухары как столицы, многие ее крупные медресе составили различные ансамбли с другими значительными постройками. Например, медресе Кукельдаш и Ходир-Девонбеги вместе с хонако Ходир-Девонбеги образовали ансамбль Ляби-Хауз (XVII в.) с трехсторонней застройкой площади с хаузом. Аналогичный ансамбль у хауза Гозиён в XVI—XVII вв. составили Большое и Малое медресе Гозиён, а также хонако Гозиён. Но более распространенным был ансамбль «кош», когда два сооружения располагались на одной оси с обращенными друг к другу главными фасадами. Так, в XVI в. ансамбль «кош» составили медресе Мири-Араб и мечеть Калян, медресе Модарихан и Абдуллахан, а также, поначалу,— Большое и Малое медресе Гозиён. В XVII в. со строительством напротив медресе Улугбека (XV в.) медресе Абдулазизхана был создан новый ансамбль «кош».

На рубеже XIX—XX вв. в Бухаре насчитывалось свыше 170 медресе, из которых было около семидесяти крупных и средних и более сотни — малых.

Поздние медресе Бухары были меньших размеров и в основном повторяли выработанные в XV—XVI вв. черты местной школы, но некоторые из них при типовой схеме имели и явно выраженные индивидуальные черты. Изредка в средних и малых медресе Бухары при одноэтажности всего здания устраивали двухэтажный главный фасад, а также частичную застройку других участков второго этажа (Ибрагим Охунд, Хотам Хунди). Малые медресе, приспосабливаясь к форме участка, могли иметь трапециевидный или неправильной формы план без дворовых айванов на осях.

В XVIII—XIX вв. наибольшие развитие и значимость в Центральной Азии получает зодчество Хивы. Именно в этот период сложилась в основном сохранившаяся историческая застройка города. Древнейшей частью Хивы была Ичанкала — внутренний город прямоугольного плана (400×650 м), обнесенный сырцовой стеной. О древнем городе мы знаем из наиболее ранних сведений арабских географов. Так, Якут (X в.?) называет его Хайваком и упоминает его городскую крепость. В X в. это был «обширный, обнесенный крепостной стеной, город у края пустыни, на берегу канала, с красивой соборной мечетью». В XII в. Сам'ани, посетивший этот город, уже называет его Хивой[10].

Позже окрестности Ичанкалы были также обнесены кольцом стен, оградивших Дишанкалу — внешний город с планом в виде неправильного овала. Подполковник Г. И. Данилевский, посетивший Хиву в 1842—1843 гг., писал: «Хива — главный город ханства, расположен между канав Ингрик и Чарджели, вытекающие из канавы Полван, и обведен двумя глиняными стенами. Одна, ограничивая главную часть города, построена на небольшой возвышенности... Другая стена построена в 1842 г. ... она обхватывает вместе с прежним городом часть окрестностей..., из 12 ворот, проделанных в этой внешней стене, только 3 складены из кирпичей и отделаны, для прочих же оставлены места»[11].

В Хиве среди многочисленных монументальных строений Ичанкалы больше всего было зданий медресе. В 1812 г. здесь было «два ханских дворца, 17 мечетей, 22 медресе, караван-сарай, крытые ряды и около 260 лавок, разбросанных в различных частях города...»[12] Итак,

---

[9] Ремпель Л. И. Далекое и близкое: Бухарские записи. Ташкент, 1981. С. 142.

[10] См.: Камалиддинов Ш. С. Указ. соч. С. 51—52.

[11] Данилевский Г. Описание Хивинского ханства//Лунин Б. В. История Узбекистана в источниках: Узбекистан в сообщениях путешественников и ученых (20—80-е годы XIX в.). Ташкент, 1976. С. 68.

[12] Там же. С. 69.

если в первой половине XIX в. упоминается 22 медресе, то в начале XX в.— уже 64[13].

В основу крупных медресе Хивы легла канонизированная схема, близкая к медресе бухарского типа с периметральной застройкой худжрами двора, где срезаны углы, а на осях устроены айваны, с залами на углах входной части и расходящимися от вестибюля коленчатыми проходами в залы и во двор. При этом в Хиве традиционными стали также черты, встреченные нами лишь в единичных бухарских медресе (Гозиён и др.). Так, в ряде медресе Хивы, при одноэтажности всего здания главный фасад возводился двухэтажным (медресе Ширгазихана, Амир-Тура, Мухаммед-Рахимхана, Ислам-Ходжа и др.). Некоторые из них в незастроенной части второго этажа имели высокие парапеты наружных фасадов, что придавало всему зданию видимость двухэтажности (Амир-Тура, Мухаммед-Рахимхана). Преобладающее число крупных медресе традиционно имели продольно-осевую композицию плана и четыре «ложных» дворовых айвана, т. е. за порталами, расположенными на оси двора, находились не арочные ниши, а по паре худжр. Причем в Хиве худжры устраивались и за дворовым порталом, прилегающим ко входной группе на месте сквозного прохода во двор (медресе Ширгазихана, Мухаммед-Аминхана, Мухаммед-Рахимхана).

Среди различий Бухарской и Хивинской школ можно отметить также их ведущие подкупольные конструкции. Так, в хивинских медресе, даже в значительных сооружениях, залы мечети и дарсхоны обычно перекрывали купола на арочных парусах, а в крупных медресе Бухары купола залов покоились на пересекающихся арках и щитовидных парусах.

Помимо этого, хивинские медресе имели и сугубо местные специфические черты — перед главным фасадом устраивали наружный дворик с портальным входом на оси, обведенный невысокой стеной либо рядом худжр (медресе Мухаммед-Рахимхана, Мазари-Шариф, Юсуп-Ясаулбоши и многие другие).

Иногда перед главным фасадом медресе устраивали высокую суфу, в фасадной части которой, словно в толще стилобата, по периметру были встроены торговые лавки (Кутлуг-Мурад-инак и др.). В некоторых медресе весьма своеобразно размещали купольный зал летней мечети — за порталом, что напротив входа в глубине двора (Ширгазихана, Араб-Мухаммедхана, Мухаммед-Аминхана), или за порталом, на поперечной оси двора, справа от главного входа (Мухаммед-Рахимхана, Амир-Тура), либо на главной оси с тыльной стороны входной группы (Кутлуг-Мурад-инак, Алла-Кулихана). Своеобразен прием помещения минарета на углу медресе, где расположен зал мечети с крупным асимметрично выступающим куполом (медресе Мухаммед-Аминхана и Кальта-минор, медресе и минарет Исламходжа, медресе и минарет Шейх-Каландар-бобо и др.). Отличался и декор медресе, присущий всему хивинскому зодчеству, — великолепные резные двери, нередко со вплетенной в узор датой строительства, а также майоликовые плиты облицовки с изысканным растительным орнаментом в бело-сине-голубой гамме (медресе Кутлуг-Мурад-инак, Алла-Кулихана и др.).

Небольшие медресе Хивы, как и в Бухаре, часто имели подквадратный, трапециевидный или неправильной конфигурации план, приспособленный к форме застраиваемого участка. Они в основном одноэтажны, на главном фасаде глухие крылья по сторонам портального входа раскрепованы плоскими арочками, план упрощен, декор весьма

[13] Воронина В. Л. Архитектура Средней Азии XVIII—XIX вв.//Всеобщая история архитектуры. Т. 8. М., 1969. С. 336.

сдержан (медресе Абдуллахан, Дост-Алям, Атаджан-бай, Матпана-бай, Абдурасул-бай и др.).

Отметим наиболее значительные здания этого типа в Хиве. Во-первых, это — медресе Ширгазихана (1718—1720 гг.) — самое древнее из хорошо сохранившихся в Хиве, расположенное к югу от почитаемой гробницы Пахлаван-Махмуда; со временем оно вросло в землю. Это было двухэтажное по фасаду и одноэтажное в остальной части медресе, в угловых залах которого на бухарский манер в зените купола были световые фонари. Этому крупному медресе обучавшийся здесь будущий классик туркменской поэзии Махтумкули специально посвятил свои стихи.

В начале XIX в. два крупных учебных здания вблизи ворот Полвон-Дарвоза образовали ансамбль «кош-медресе», весьма редкий в Хиве и больше свойственный зодчеству Бухары. Два медресе были размещены напротив друг друга на одной оси, по обе стороны небольшой площади. Из них медресе Кутлуг-Мурад-инак (1804—1812 гг.) — первое двухэтажное медресе Хивы — отличалось нарядным декором главного фасада с ганчевыми сталактитами бухарского типа с узором в технике «часпак» и сохранившимся во дворе крытым колодцем — купольной кудукхона.

Во втором здании ансамбля — медресе Алла-Кулихана (1834—1835 гг.) вдоль его главного фасада, на уровне цоколя сохранились остатки древнего медресе Ходжамберди-бия (1688 г.), оказавшееся со временем ниже дневной поверхности земли. Для устройства подступов к новому медресе в 1834 г. на оси двора по кровле древнего здания был проложен пандус. Он рассек двор медресе на две части, придав ему конфигурацию переметной (чересседельной) сумы — хурджин, отчего это здание получило более распространенное название — Хурджум[14].

Самым крупным не только в Хиве, но и среди построек этого времени в Мавераннахре в целом было медресе Мухаммед-Аминхана (1852—1855 гг.). На углу медресе, где асимметрично возвышался купол его мечети, хивинский хан Мухаммед-Амин начал строительство крупнейшего минарета, который должен был стать самым высоким в Центральной Азии. Однако гибель хана нарушила его тщеславные замыслы, и минарет остался недостроенным. Тем не менее его основание высотой 26 м при диаметре 14,2 м возвышается внушительной громадой рядом с медресе, придавая ему особое своеобразие и узнаваемость. Примечательным в этом медресе было расположение летней мечети — на главной продольной оси (в глубине двора) и ложного айвана — на продольной оси, при входной группе, где за декоративным порталом были устроены две рядовые худжры. Однако наиболее редкой и выразительной его чертой было устройство на втором этаже боковых фасадов глубоких арочных лоджий. При этом худжры первого этажа получали подсобное помещение, а второго этажа — весьма удобные в жарком климате лоджии. Раскрытие лоджиями боковых фасадов учебных зданий впервые появилось в бухарском медресе XVI в. Кукельдаш, затем в ныне утраченных медресе Бухары XVII в. Хиябон и Бозори-Гусфанд. Были и единичные проявления этого рационального и эффектного приема Бухарской школы в таких регионах, как: Сурхандарья — в медресе Сеид-Аталык в Денау (XVII в.), выстроенном полностью в бухарских традициях; Ферганская долина — медресе Мадалихана в Коканде (XIX в.) и, наконец, Хорезм — в рассматриваемом нами медресе Мухаммед-Аминхана в Хиве.

[14] Маньковская Л., Булатова В. Памятники зодчества Хорезма. Ташкент, 1978. С. 116.

Наиболее традиционным для Хивы, на наш взгляд, было медресе Мухаммед-Рахимхана (1871 г.), вобравшее в себя почти все черты местной школы: устройство перед главным фасадом огороженного двора с худжрами по периметру и портальным входом на его оси; двухэтажность входной группы при одноэтажности остальной части здания; устройство высоких парапетов наружных стен, скрадывающих разность высот и придающих зданию видимость двухэтажности; летняя мечеть при декоративном портале на поперечной оси и две худжры при таком же портале на главной оси с тыла входной части и, как непременное дополнение крупных медресе Хивы,— изящный майоликовый декор в сине-бело-голубой гамме и великолепная резьба деревянных дверей.

Итак, традиционная дворово-айванная структура медресе с набором и размещением необходимых жилых и общественных помещений сформировалась в Мавераннахре уже в XI в. Она легла в основу и была развита в последующих медресе, В самых ранних из сохранившихся — медресе эпохи Темуридов уже наметились специфические черты Самаркандской и Бухарской школ. Последняя сформировалась в основном в XVI в., когда Бухара, став столицей Мавераннахра, получила наиболее яркое и значительное развитие. Тип бухарского медресе позже был канонизирован в Центральной Азии и послужил основой для развития региональных школ, в том числе столицы Хорезма—Хивы.

В XVIII—XIX вв. Хивинская школа, создав весьма выразительные и своеобразные по архитектуре медресе, обогатила зодчество Центральной Азии рядом новых рациональных решений и специфическими местными чертами, присущими только данному региону.

В. В. ЛУНЕВА

ХИВИНСКИЕ ЮВЕЛИРНЫЕ УКРАШЕНИЯ КОНЦА XIX—НАЧАЛА XX ВЕКА

История ювелирного искусства г. Хивы имеет глубокие традиции. Его истоки следует искать. в древних культах, обычаях, религиях. На историю развития ювелирных украшений влияли как внутренние местные, так и внешние культуры.

Здесь мы рассмотрим хивинские ювелирные украшения конца XIX—начала XX в., их наиболее характерные типы и формы, специфику композиционного решения. В этих целях нами использованы соответствующие письменные источники, этнографические, искусствоведческие и исторические материалы, а также уникальные документы, фотографии, экспонаты музеев Ташкента и Хивы.

По данному вопросу в 1968 г. вышел альбом Н. К. Азизовой с описанием декоративно-прикладного искусства Музея искусств Республики Узбекистан[1]. В коллекции ювелирных украшений Музея более 300 изделий прикладного искусства Самарканда, Бухары, Коканда и Хивы.

По интересующему нас вопросу автор каталога затрагивает некоторые хивинские головные украшения с поэтическими названиями «Зульф» и «Зульпи-тилля», отмечая их ярко выраженную индивидуальность. Здесь рассматриваются также шейные ожерелья хивинок, состоящие из центрального медальона, от которого отходят три ряда декоративных цепочек с шумящими листообразными подвесками. Альбом для нас представляет интерес и описанием оригинального нагрудного украшения «сингсилля», а также браслетов со змеиными головками и довольно своеобразного тумора хивинских мастеров.

[1] Азизова Н. К. Ювелирные изделия Узбекистана. Ташкент, 1967.

Следующий небольшой каталог Н. Сычевой, изданный в 1962 г.[2], поверхностно и бегло знакомит нас с украшениями народов региона. Нам следует здесь выделить хивинское височное украшение «Бодом-ой» XIX в., изготовленное из традиционного металла — позолоченного серебра и украшенное кораллами и бирюзой.

Более глубокой и насыщенной по информации является работа М. В. Сазоновой[3], в которой автор знакомит нас с некоторыми типами хивинских изделий. Например, головное украшение «Алтын-тумор», не менее интересны налобные изделия «Бодом-ой», «Окюяй», а также простейшие по форме и орнаменту серьги и браслеты. В своем исследовании автор подходит к украшениям не описательно, а ищет их истоки в древних культах, проводит аналогии с археологическими находками.

Фундаментальное и обобщающее исследование Д. А. Фахретдиновой[4] вводит в научный оборот ювелирные школы данного региона, в том числе Хорезма. Автор приводит хроникальные сообщения об украшениях хивинского Каюп-хана, Сеид Абдул-хана, Мухаммада Эминхана (в исследовании упоминаются их золоченые венцы, царские короны, султан головного убора, диадемы). В монографии можно найти ценные сведения о мастерах «золотых и серебряных дел». Д. А. Фахретдинова подробно останавливается на хивинском украшении для головных уборов «такия-дузи», подчеркивая своеобразие и необычайную полихромию этого украшения. Хивинские браслеты, по мнению ученого-искусствоведа, изготовленные в технике накладной золоченой филиграни с узором и завитками «айланма», характерны только для Хивы.

Много места автором отведено своеобразному наряду хивинской невесты, включавшему «такия-дузи», «осма-канат», «бутун-тиркон», «укей», «шокила», а также серьги, кольца, браслеты.

Наши представления об украшениях Хивы конца XIX — начала XX в. расширяют уникальные документальные фотографии И. Волжинского в книге, изданной в Стамбуле в 1996 г.[5] На фотографии под названием «Хивинские девушки» мы обратили внимание на обилие нагрудных украшений молодых девушек. Каскад ожерелий с подвесками, тумарами, цепочками доходил до пояса, закрывая грудь от дурного глаза.

Большую помощь нам оказал альбом с документальными фотографиями конца XIX—начала XX в., хранящийся в Музее истории Республики Узбекистан. Две музейные фотографии по г. Хиве знакомят нас с довольно богато одетой и украшенной ожерельями молодой женщиной, у которой голова полностью закрыта украшениями в форме шапочки с традиционным пером в центре головного убора. Грудь украшает ожерелье из трех низок с тумором в центральной его части. На второй фотографии изображена женщина постарше. На голове ее — скромный венец в виде диадемы, который надевался на платок. Нагрудное украшение состояло только из тумора с подвесками.

В диссертации Е. Горожанкиной[6] автор рассматривает в плане классификации хорезмийских украшений и небольшую часть хивинских

---

[2] Сычева Н. Ювелирное искусство Средней Азии и Казахстана XIX — начала XX века. М., 1962.

[3] Сазонова М. В. Украшения узбеков Хорезма//Традиционная культура народов Передней Азии и Средней Азии. Ин-т этногр. им. Н. Н. Миклухо-Маклая. XXVI. М., 1970. Академия наук. Сборник Музея антропологии и этнографии.

[4] Фахретдинова Д. А. Ювелирное искусство Узбекистана. Ташкент, 1988.

[5] Çagatay Ergun. Bir Zamanlar Orta Asya. Istanbul, 1996.

[6] Горожанкина Е. Традиционное ювелирное искусство Средней Азии и Казахстана: Семантика, систематика, художественные особенности: Автореф. канд. дис. М., 1997.

изделий: головные «коштилло» («брови-крылья»), отмечая их общие черты — архаичность и массивность, а также «саукéле»— ритуальный свадебный убор невесты у кочевников. Архаичную форму подчеркивает автор и в хивинских медальонах. Искусствовед анализирует также характерный тип хивинских серег в виде крупных спиральных завитков, которые, как считает автор, очень похожи на казахстанские и символизируют богиню воды. Хивинские браслеты, по наблюдению исследователя, также примыкают к архаичному типу и схожи опять-таки с казахстанскими. В диссертации приводится традиционная классификация украшений Центральной Азии.

Об ансамблевости хивинских украшений можно судить по фотографиям в новой книге о Хиве, где на обеих руках и ожерелье молодой хивинки присутствуют одинаковые шаровидные бубенчики[7].

При классификации хивинских украшений мы пользуемся методикой других исследователей, как Н. Г. Борозна[8], Л. А. Чвырь[9], Е. Горожанкина[10], взяв за основу функциональные признаки украшений и выделив в группы украшения головы, отдельно для волос (накосники), для рук и нагрудные.

Головные украшения. Как правило, голова украшалась богаче, чем другие части тела. Это, очевидно, объясняется тем, что «головной убор соотносился с сакральным верхом и соответственно украшался солярными символами. Нагрудные, ручные, поясные — являлись символическими носителями плодородия и соотносились с земным началом...»[11]

Украшения головы, помимо основных практических и эстетических функций, несли главные функции — оберега. И этому было подчинено все: форма, композиция, цвет, техника исполнения.

Головной убор отражал социальное положение человека, занимал важнейшее место в обрядах, особенно свадебных, и наделялся другими практическими и символическими функциями.

Коштилло — распространенный тип головного украшения, особенно в свадебных церемониях (подробно об этом писала Л. А. Чвырь)[12]. Ранние центральноазиатские формы этого головного убора известны с античных времен на предметах скульптуры и терракотовых статуэтках[13]. Древние двукрылые короны обязательно имели в центре символ в виде полумесяца, звезды, цветка, плода граната. «...Короны с изображением хищной птицы сохраняются у позднекушанского царя Васудевы и хорезмийского правителя Вазамира во второй пол. III—IV в. н. э. и переходят в трансформированном виде на короны эфталитских правителей...»[14] Коштилло с распахнутыми крыльями широко бытовало в Индии, Иране, Армении и т. д.

Хивинское коштилло характеризуется архаичными и массивными формами с двумя выгнутыми дугами в форме крыльев («брови—крылья»).

Другой не менее известный и почитаемый тип женского головного убора — «такия-дузи». В данном случае мы имеем дело с красочной

[7] Khiva la ville des «Mille coupoles». Tachkent, La Maison d'Edition «Charque», 1977. Fig. 64.

[8] Борозна Н. Г. Виды женских ювелирных украшений у народов Средней Азии и Казахстана//СЭ. 1974. № 1.

[9] Чвырь Л. А. Таджикские ювелирные украшения. М., 1977.

[10] Горожанкина Е. Традиционное ювелирное искусство.

[11] Майтдинова Г. Костюм раннесредневекового Тохаристана (по памятникам искусства и археологии): Автореф. канд. дис. Ташкент, 1991.

[12] Чвырь Л. А. Указ. соч. С. 68.

[13] Фахретдинова Д. А. Ювелирное искусство... С. 88.

[14] Пугаченкова Г. А. Из художественной сокровищницы Среднего Востока. Ташкент, 1987. С. 116.

шестигранной пластиной, изготовленной из позолоченного серебра, богато инкрустированной разноцветными искусственными и драгоценными камнями[15]. Такая нарядная, праздничная такия-дузи нашивалась на тюбетейку вместе с туморами, которые оберегали хозяйку от дурного глаза, болезней и смерти[16].

Искусствовед Н. К. Азизова, описывая украшение «такия-дузи» хивинского происхождения, подчеркивает, что самый необходимый элемент в данном украшении — амулеты с подвесками из кораллов[17]. По этнографическим данным, в Хиве жених дарит невесте «дузи» в праздники Навруза и Курбан-айта[18] с вкусными сладостями. В это украшение также вкладывали глубокий сакральный смысл, и оно, как и все другие головные изделия, служило прежде всего оберегом.

Далее рассмотрим не менее известное украшение «зульф»— локон, который прикреплялся к головному убору и ниспадал с двух сторон лица в области висков. «Зульф», особо популярный и модный в прошлом веке, постепенно утратил свое значение и ныне, пожалуй, он сохранился лишь в оформлении паранджи.

По нашим наблюдениям, «зульф» имеет самые разнообразные формы. Например, в Бухаре он имел вид длинной узкой тканой ленты с кисточками на концах. Хивинский «зульф» изготовляли из металлической пластины, на которой имелись два симметрично расположенных миндалевидных отростка в центральной абстрактной или деформированной миндалине. Вся эта сложная фигура украшалась розетками из разноцветного стекла, бирюзы в виде геометрического и растительного орнамента. По контуру или краю «зульф» оформлялся всевозможными подвесками, включающими в себя кораллы, металлические листочки, соединенные спиральными проволочками.

Другой тип головного хивинского украшения подобного рода — налобное «зульпи-тилля», очень похожее на бухарский «зульф». Основа данного украшения — черный шелковый шнур с куполками и ромбовидными подвесками, от которых шли кисточки из шелковых нитей. Такое украшение в прошлом столетии дополняло свадебный наряд невесты, украшая его и оберегая молодую от сглаза.

Достаточно распространенное хивинское налобное украшение — «бодом-ой» («бадам» — миндаль, «ой» — луна) — «состояло из лунообразного основания с тремя миндалинами, как бы поддерживаемыми самим изображением луны...»[19], — так поэтично описала его М. В. Сазонова.

Большой интерес представляет конусовидный головной убор. Исследователи отмечают бытование такого типа островерхого убора у киргизов, уйгур, башкир, ногайцев, узбеков Хивы. Е. Горожанкина считает, что «это сходство форм объясняется, на наш взгляд, не столько возможными этногенетическими связями этих народов в далеком прошлом, сколько тем, что в древности и средневековье по всему миру был распространен головной убор в виде остроконечного конуса...», который «объединяет в себе представления о солнечном сияющем кольце, о свя-

---

[15] Д. А. Фахретдинова отмечает: «...Данное хивинское изделие..., как и многие другие украшения, сочетали в себе большое количество разноцветного стекла и камней». По этому поводу один из жителей Хивы рассказывал, что раньше люди считали, что когда на украшении использованы камни других цветов, только так можно было отвести действие «злого человека» (Фахретдинова Д. А. Ювелирное искусство...).

[16] М. В. Сазонова пишет: «По краю пришиты трубочки в форме обычных среднеазиатских туморов — коробочек с вложенными в них написанными на бумаге текстами из Корана...» (Сазонова М. В. Украшения узбеков... С. 145).

[17] Азизова Н. К. Ювелирные изделия... С. 7.

[18] Сазонова М. В. Украшения узбеков... С. 119.

[19] Там же. С. 118.

щенной горе, связывающей миры, а также представления об острие, копье, пронзающих злые духи...»[20]

Среди разнообразных хивинских украшений выделяется «алтын-тумор» (золотой тумор), который украшал тюбетейку и состоял из четырех туморов цилиндрической формы, соединенных между собой[21].

Еще одна разновидность головного убора — диадема, т. е. «кольцо, надетое на голову». Этот, опять-таки древний, тип головного украшения имел место и в Южном Хорезме. Оформлялись диадемы довольно разнообразно, но в основном они изготовлялись из разных деталей с перегородчатой эмалью, к которым прикреплялись подвески из кораллов и металлических стержней или листиков. Д. А. Фахретдинова отмечает, что «упоминания о царском венце и короне — символах власти встречаются в исторических источниках XIX в. 1885.— Хива: Саид Абдулхан при восшествии на трон «возложил на себя царскую корону», сообщал Агахи (МИТТ. Т. II. М.; Л., 1938). Хивинский Мухаммад Эминхан на «голове носил султан и диадему» (МИТТ. Т. II. М.; Л., 1938)...»[22] Диадема, надетая на голову хивинки (фото в Музее истории Республики Узбекистан, г. Ташкент), показывает, что в прошлом веке она имела больше практическое значение, т. е. придерживала платок на голове, и не имела украшений[23].

Главной же особенностью всех головных уборов было украшение их медальонами. Хивинские медальоны считались самыми архаичными в регионе. Наиболее популярным был такой тип медальона, где три завитка прорастали из полуовала.

Височные подвески прикреплялись к головному убору и были двух типов. К первому относятся небольшие, короткие подвески, крепящиеся прямо к волосам[24]. Второй тип — длинные подвески, спускающиеся ниже плеч. В Южном Хорезме было популярным височное украшение «гезмунджик», напоминавшее по форме сидящего человека. По определению С. П. Толстова, это богиня воды и плодородия Анахита[25]. В наше время данное украшение выполняет функции оберега, да и само его название в переводе означает «оберег».

Разнообразием форм и многоцветием отличаются хивинские серьги. Считалось, что серьги Южного Хорезма были довольно больших размеров — в диаметре до 5 см и длиной 6—7 см. Украшены они были красными стеклами, бирюзой, кораллами. Длинные серьги отчетливо видны на хивинках, изображенных в книге «Хива»[26].

Можно сказать, что серьги являются самым распространенным видом головного украшения. Считалось, что ношение их крайне необходимо, ибо через проколотое отверстие женщина имела связь с иным миром. Серьги носили маленькие девочки и болезненные мальчики, их дарили невесте на свадьбе; носили их также женщины среднего и старшего возраста, считавшие, что они предохраняют от сглаза, болезней и смерти.

Первый тип хивинских серег, несложный по композиции и оформлению, состоял из кольца с тремя подвесками из кораллов на металлической проволоке. Более сложные кольцевые серьги были похожи на бухарские; в них к кольцу крепились серебряные подвески из полых листиков с самоцветами[27].

---

[20] Горожанкина Е. Традиционное ювелирное... С. 5—6.

[21] Там же. Автор пишет, что «по мнению сотрудников Музея антикварната, эмали для хивинских украшений делались в Москве фирмой П. Овчинникова».

[22] Фахретдинова Д. А. Ювелирные украшения... С. 41.

[23] Здесь, очевидно, изображена женщина из низших слоев или сельская.

[24] Çagatay Ergun. Op. cit. Фото «Хивинские девушки».

[25] Подробнее см.: Сазонова М. В. Украшения... С. 116—117.

[26] Khiva... Fig. 98.

[27] Там же.

На другой вид кольцевых серег в нижней части припаивали зернь в форме треугольника, и они были похожи на «кашгар-болдик».

Самыми сложными по композиции считались хивинские серьги, у которых к кольцу крепили розетку овальной формы из красного стекла с бирюзой, а к ней прикрепляются продолговатые двухъярусные подвески из ромбовидных листьев[28].

Это множество форм и типов кольцевых серег отнюдь не случайно. Круг, кольцо считались символом власти, принадлежности к солнцу, т. е. к божеству, а потому, дескать, злые духи не смогут сделать ничего плохого владельцу украшений в форме кольца[29].

Второй тип хивинских серег — «стержневые». Они состояли из стержня, загнутого крючком, и носило их в основном сельское население[30].

К третьему типу хивинских серег относится носовая серьга — арабек. Серьги этой группы, небольшие по размерам, обычно были изготовлены из чистейшего золота, имели круглую форму или вид трилистника (последний обычно носили девочки в левой ноздре).

Украшения волос. В Центральной Азии украшению волос отводилась весьма важная роль. С этим связаны многие обряды, известные по этнографическим данным[31]. Считалось, что волосы обладали магической силой, их связывали с культом плодородия и т. д.[32] Полагали, что накосники защищают женщину от дурного глаза и благоприятствуют плодовитости. Волосы невесты украшали подвески. Замужние женщины носили искусственные косы и в первый год после свадьбы окрашивали их в красный цвет для обеспечения благополучия в браке. Широко применялись для украшения волос разного рода кисти, которые были распространены у всего населения Центральной Азии. Их изготовляли из шерстяных или шелковых шнуров. Неограниченная фантазия мастеров находила выход в оформлении этих декоративных шнуров. Их украшали стеклянными и каменными, серебряными и позолоченными бусинами, пронизками, туморами, амулетиками, бубенчиками, монетками, которые при движении мелодично позванивали и тем самым якобы отпугивали злых духов.

Украшения шейные и нагрудные составляют большую и сложную для исследования группу украшений. Грудь украшали во все времена. Доказательством тому служат археологические находки, изображения на средневековых миниатюрах, а также этнографические описания. О роли ожерелий, их семантике, верованиях, обычаях, вкусах и моде на них писали многие исследователи[33].

Хивинские нагрудные украшения можно разделить на три типа.

Первый тип — «пасма». Это сложный вид ожерелья, где имеется большое количество параллельных низок, соединенных в определенных местах. Данный тип украшения у южных узбеков Хорезма называется

---

[28] Фахретдинова Д. А. Ювелирные украшения... С. 168.

[29] См.: Юнг К. Г. Избранные труды по аналитической психологии. Т. II. Цюрих, 1939 (много писал о символике кольца).

[30] Здесь хотелось бы отметить серьги из Западного Казахстана с подвеской в виде спиральных завитков (Горожанкина Е. Традиционное ювелирное... С. 11).

[31] Андреев М. С. Таджики долины Хуф. Вып. 1. 1953; вып. 2. 1958. С. 91; Фрезер Д. Золотая ветвь. М., 1986. С. 225; Сухарева О. А. Орнамент декоративных вышивок Самарканда и его связь с народными представлениями и верованиями//СЭ. 1983. № 6.

[32] У. Е. Горожанкиной в рукописи диссертации сказано по этому поводу: «...В зороастризме после суда на мосту Цинват, где председательствует бог справедливости Митра, душа (умершего) идет в рай или ад, тело же остается еще на земле, где отдельные его части переходят: жизнь в огонь, кровь в воду, кости в землю, волосы в растения» (Чепелев В. Об античной стадии в истории искусства народов. М., 1941. С. 67; Бойс М. Зороастрийцы: Верования и обычаи. М., 1987. С. 104).

[33] Сазонова М. В. Украшения... С. 127.

«шагаджум»; в основе его лежит изображение раскрытых крыльев. «...Это серебряный золоченый кулон с тремя вставками бирюзы, в который вкладывалась кокрак-дова (букв. нагрудная молитва). Кулон посредством серебряных цепочек (шесть рядов) с кораллами и штампованными четырехугольниками и треугольниками прикреплялся к плечам и опускался на грудь. Четырехугольники и треугольники украшались эмалью и чернью. По сведениям местных знатоков, использование черни и эмали в отделке серебряных украшений было заимствовано хорезмийскими мастерами у ювелиров Кавказа сравнительно недавно...»[34]

Ко второму типу «пасмы» относится простая многорядная пасма, которая, в отличие от первой, соединялась лишь в центре. Н. К. Азизова, описывая хивинское украшение такого типа, отмечает характерную для Хивы пестроту и загруженность в оформлении. В данном украшении центральный медальон имеет форму трилистника и исполнен в технике филиграни на фольге[35].

К менее распространенному типу «пасмы» исследователи относят нагрудное украшение — «синсилля», «состоящее из центрального фигурного медальона в виде крыльев, к которому прикреплены подвески из кораллов и поясков из зерни. Центральный медальон соединен цепочками с прямоугольным медальоном, на синем эмалевом фоне которого расположен орнамент из четырех соединенных между собой трилистников. К крайним медальонам в виде треугольников с трилистниками и отходящими от них двумя листочками в центре прикреплялись нити для завязывания украшения на шее...»[36] Данное украшение было разновидностью первого типа «пасмы».

Последний тип нагрудных украшений однорядного и многорядного ожерелья имел большое распространение у населения Хивы. В оформлении такого типа мастера-низальщики проявляли большую фантазию. Состояли такие украшения чаще всего из нескольких низок, многократно накладываясь друг на друга, а к ним еще крепились подвески, туморы, призванные защищать женскую грудь от дурного глаза. Сама форма «кольца» будто бы умножала эту функцию охраны.

Украшения для рук. Всем известно, сколь важную роль в нашей жизни играют руки, которые поэтому следовало всячески оберегать. Охраняли их орнаментами на рукавах, а на тыльной стороне руки рисовали магические знаки с орнаментом. Надежными оберегами для рук считались кольца, перстни и браслеты. Изображение самой руки или «пятерни» также считалось охранным для того места, где это изображалось. В связи с этим существует много обычаев и обрядов[37].

Узбеки Южного Хорезма носили кольца и перстни, самые простые, на указательном пальце, а также на мизинце и безымянном пальце. Изготавливали их из меди, серебра, украшая камнями или цветными

---

[34] Азизова Н. К. Ювелирные... С. 11.

[35] Чвырь Л. А. Таджикские... С. 93; Гаген-Торн Н. И. Женская одежда народов Поволжья. Чебоксары, 1960. С. 154; Семенов А. Из области воззрений мусульман Средней и Южной Азии на качество и значение некоторых благородных камней и минералов//Мир ислама. № 1, 3. СПб., 1912. С. 101; и т. д.

[36] Азизова Н. К. Ювелирные... С. 11.

[37] Валиханов Ч. Ч. Следы шаманизма у киргизов//Собр. соч.: В 5 тт. Т. I. Алма-Ата, 1961. С. 48; Гринкова Н. П. Отражение производственной деятельности руки//СЭ. 1935. № 1. С. 84; Акишев А. К. Искусство и мифология саков. Алма-Ата, 1984. С. 35; Сухарева О. А. Свадебные обряды таджиков г. Самарканда и некоторых других районов Средней Азии//СЭ. 1940. № 3. С. 17; Чурсин Г. Ф. Амулеты и талисманы кавказских народов. Махачкала, 1929. С. 7—8; Садек-Хедаят. Нейрангистан//Переднеазиатский этнографический сборник. Вып. 1. Тр. ИЭ. Т. XXXIX. М., 1958. С. 266; Майтдинова Г. Указ. канд. дис.; Горожанкина Е. Указ. канд. дис.

стеклами. Перстни были чаще всего с шестиугольным щитком «с точечным узором и бирюзой в окружении тонкой витой проволоки или выпуклыми бляшками с мелкими вставками бирюзы и всегда с крупными шариками по четырем углам щитка...»[38] Кольца со спиральными завитками распространены в Хивинском районе и поныне, а древний тип такого кольца обнаружен при раскопках в Топраккале[39].

Браслеты бывают сомкнутые и несомкнутые. Для всех хивинских браслетов характерны архаичность, массивность и простота в оформлении. Они, как правило, нешироκие и очень схожи с казахстанскими. В хивинских браслетах использовались техника накладной золоченой филиграни и орнамент в виде завитков «айланма». В отличие от бухарских браслетов, хивинские были без застежки с завершениями в виде головок змей. Поверхность браслета обычно украшалась традиционным растительным, а чаще геометрическим орнаментом из точек в форме креста. «...Но гораздо чаще встречаются в Хиве браслеты с накладной штампованной пластиной, точечным орнаментом и изображением трезубца на концах...»[40]

Что касается литых браслетов Хивинского оазиса, то все они были несомкнутые, также очень толстые, массивные. Толщина их достигала 0,5 см. В экспозиции Хивинского музея представлены два типа таких браслетов. Те, что побогаче, оформлены литыми медальонами и гравировкой по всей площади браслета и инкрустированы бирюзой, а простые — негравированные, без бирюзы, с нечеткими, расплывчатыми медальонами.

В браслетах чаще всего встречаются бирюза, кораллы и красные стекла, но они не были главным в украшениях, они являлись элементом декоративной композиции.

Итак, все хивинские украшения конца XIX—начала XX в. имеют одну общую черту — а р х а и ч н о с т ь.

«...Ряд отмеченных особенностей: сравнительно крупные размеры, использование мастики, создающей объем и тем самым придающей большую весомость украшениям, их торжественный характер—присущи большинству ювелирных изделий кочевников, и они же свойственны изделиям мастеров старейшего земледельческого Хорезмского оазиса, для которого, как отмечают исследователи, характерно сохранение многих архаичных черт. Отсюда можно сделать предварительный вывод о том, что весомость, укрупненность форм ювелирных украшений— черта, свойственная не столько народам, ведущим кочевой образ жизни, сколько народам определенного стадиального уровня развития мировоззрения...»[41]

[38] С а з о н о в а М. В. Украшения... С. 129.
[39] Там же. С. 130.
[40] А з и з о в а Н. К. Ювелирные... С. 13.
[41] Г о р о ж а н к и н а Е. Указ. автореф. канд. дис. С. 20.

А. ДЖУМАЕВ

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ ХИВЫ XVIII—НАЧАЛА XX ВЕКА

Хива—один из древних и самобытных очагов музыкальной культуры Центральной Азии со своей устойчивой системой локальных художественных и эстетических признаков. На особое значение Хивы как центра музыкальной жизни, исключительную склонность ее жителей к музицированию и своеобразие местных традиций неоднократно обращали внимание путешественники, а затем современные ученые-музыковеды[1].

[1] См. об этом: С а д о к о в Р. Л. Музыкальная культура древнего Хорезма. М., 1970. С. 14—24 и след.

Музыкальные традиции города складывались веками в едином культурном пространстве Хорезмского региона, вбирая в себя влияния соседних «музыкальных миров»— закавказского, иранского, туркменского, бухарского и др.

Однако не все периоды истории музыкального искусства Хивы поддаются равноценному освещению. Фрагментарно и гипотетически прослеживается его развитие в эпоху древности и раннего средневековья. Находки с различных археологических объектов Хорезма позволяют предположить, что и в Хиве могли иметь место сходные явления и процессы[2]. Это касается типов музыкальных инструментов, из которых широкое распространение получили различные лютне- и арфообразные. Терракотовые статуэтки первых веков н. э. с изображением музыкантов с «двухструнными инструментами типа домбры» (определение Р. Л. Садокова) говорят о глубокой древности музицирования на них в Хорезме и, гипотетически, о том, что поздняя хивинская традиция дутарных макомов, как и вообще самобытная хорезмская дутарная школа, имеют под собой древние исторические основания[3].

В мусульманское время состояние музыкального искусства Хивы зависело от положения города в общехорезмийском государственном устройстве. До позднего средневековья (конец XVI—начало XVII в.) Хива была удельной принадлежностью Гурганджа[4] — столицы Хорезмшахов и политического центра Хорезма. Специальных письменных источников о музыке и музыкально-исторических сведений об этом периоде крайне мало. В соответствии с общей политической историей, он делится на два этапа: первый завершается в 1221 г. с разгромом монголами государства Хорезмшахов (этой участи не избежала и Хива)[5]; второй приходится на время Темуридов, когда Хива переходит во владение Темура и как часть улуса Чагатая обустраивается им[6]. С этого момента здесь, по-видимому, постепенно оживляется культурная и музыкальная жизнь.

Таким образом, вплоть до XVI—начала XVIII в. Хива в музыкальном отношении выполняла роль «провинциального» города. При таком статусе типично движение культурно-музыкальных сил из периферии в центр. В то же время количество знаменитых выходцев из периферийного города — это объективный показатель его культурной почвенности и значимости. Что и подтверждает история Хивы. Среди ее уроженцев — выдающийся суфийский шейх, философ и поэт Наджм ад-Дин Кубра (1145-46—1221). С его именем связано развитие в Хивинском оазисе и Хорезме в целом суфийской ритуальной практики — сама' и зикра. Эта традиция, судя по различным источникам, была известна здесь и ранее, в X—XI вв. Со временем она проникла и в другие сферы музицирования (в придворную традицию), выработала разнообразные новые формы и жанры духовной музыки (циклы сувора и др.).

Хорезм — во многом благодаря влиянию древних традиций местного шаманизма — принадлежит к зоне классического громкого зикра (джахр)[7]. Именно этот вид зикра с танцем и практиковали в своих

[2] Музыкальная культура древнего Хорезма обстоятельно освещена в работах Р. Л. Садокова. См., в частности, его упомянутую выше публикацию.

[3] О дутарных макомах см.: Атаджанова М. М. К вопросу о дутарных макомах Хорезма: Дипломная работа. Рукопись. Библиотека Ташкентской гос. консерватории. Ташкент, 1989.

[4] См. об этом, в частности, источник X в.: Худуд-ул-олам/Тахиягари матн Н. Қосимов. Душанбе, 1983. С. 77.

[5] О захвате и разорении Кята и Хивы (Хивака) см.: Шараф ад-Дин Али Йазди. Зафар-наме: Факсимиле рукописи/Издание подготовил А. Урунбаев. Ташкент, 1972. Л. 57а.

[6] Там же. Л. 146а, 146б.

[7] Снесарев Г. П. Хорезмские легенды как источник по истории религиозных культов Средней Азии. М., 1983. С. 144—145.

ритуалах Наджм ад-Дин Кубра, его ученики и приближенные (халифа, асхаб), основанное им братство Кубравиййа. Обычно они устраивали «собрания со слушанием» (маджлис-и сама'), в которых принимали участие и специальные суфийские певцы-каввали[8]. Распевались стихи, чаще четверостишия-рубаи на персидском языке, сочиненные шейхами ордена. Достигнув определенного психо-эмоционального состояния (хал), переходили к танцу, одним из элементов которого было «кружение» (чарх)[9].

Свой вклад в традицию духовных песнопений Хивы и в целом Хорезма внес другой уроженец города — суфийский поэт и духовный наставник народа, почитаемый как святой покровитель Хивы,— Пахлавон Махмуд (1247—1326). Рубаи поэта на персидском языке проникли в практику различных духовных песнопений. Они встречаются также среди поэтических текстов, предназначенных для исполнения макомов. Так, стихотворение Пахлавона Махмуда с идеей веротерпимости и всеобщего братства, близкой ряду выдающихся суфиев, обнаружено нами в рукописном сборнике текстов к Бухарскому Шашмакому. Оно пелось в одном из тарона макома Бузрук:

Эй дуст, агар жон талаби, жон бе ту бахшам.
Аз жон че азиз аст, бе гу, он бе ту бахшам.
Эй кофир бадкиш, агар суи ман айи,
Зуннор бе худ бандам, иймон бе ту бахшам[10].

(Эй друг, если душу потребуешь,— душу тебе подарю.
Что дороже души, скажи,— и это тебе подарю.
Эй неверный с дурной религией, коль ты придешь ко мне,
Я зуннар себе повяжу, и веру тебе подарю).

Принципиально новый исторический период в развитии музыкального искусства Хивы начинается с конца XVI—начала XVII в., когда город становится столицей ханства («доруссалтанаи Хивак»,— как это значится в исторических хрониках Огахи). С этого времени и на протяжении трех столетий столичный статус города существенно влияет на музыкальное искусство.

Особое место в этом насыщенном музыкальными событиями периоде занимает XIX в., а в нем — период правления Мухаммада Рахим-хана II (1865—1910), известного под поэтическим псевдонимом Феруз. Это время без всякого преувеличения можно назвать «золотым веком» хорезмской классической музыки, макомного и вообще музыкального искусства Хивы. Многое из того, что было тогда достигнуто, напрямую связывается с деятельностью Феруза и с дворцовой традицией музицирования. Будучи широкоохватной, она вбирала в себя большинство других городских традиций. В рассматриваемый период в ней произошли очень важные художественные «события», определившие сложение новой классической традиции Хорезма. Придворная традиция хорошо документирована в письменных источниках, но вместе с тем мало изучена в современном музыкознании. Все это побуждает нас подробнее остановиться на ее исследовании.

Хотя классические макомы не были достоянием только придвор-

---

[8] Джами Абдурахман. Нафахат ал-унс. Каипур. 1874. С. 276, 278

[9] Там же. С. 276.

[10] Бухарский Шаш-маком (текст). Записан от Ата-Джалала (арабским шрифтом). 1930 г. Рукопись в Библиотеке Института искусствознания (Ташкент). Б 94, инв. 434. N 135, л. 3. Ср.: Пахлавон Маҳмуд. Рубоийлар/Нашрга тайёрловчи Т. Жалолов. Тошкент, 1979. С. 44.

ного музицирования, в реальных условиях того времени именно дворцовая культура выполняла роль их «главного хранителя». В этой связи важно выяснить степень зависимости традиций макомного исполнительства от требований придворной эстетики, художественных вкусов правящей элиты, ее предводителя (хана), этикета и атрибутов придворной жизни. Не менее важно исследование музыкально-эстетических представлений просвещенной элиты Хивы (поэтов, историков, писателей и др.), соприкасавшейся с жизнью дворца.

Дворцовая культура Хивы постоянно обновляла свои творческие ресурсы, опираясь на многообразие проявлений музыкального искусства города. В Хиве, как и в других столицах ханств — Бухаре и Коканде,— музыкальное искусство было многослойным. Наличие в нем различных пластов и традиций было обусловлено сложной структурой общества, разнообразием профессиональных, культурных и духовных устремлений населения.

Ценностная иерархия видов искусства и традиций музицирования осознавалась условно и была вызвана присутствием в Хиве дворцовой культуры с ее тенденцией отбирать для себя все наиболее значимые и совершенные образцы музыки, талантливые творческие силы. Это ориентировало музыкальное искусство города на определенные эталонные требования и критерии. Не находясь между собой в прямой зависимости, различные пласты и традиции были объединены общей «идеей» и образовывали сложную взаимосвязанную ткань местной музыкальной жизни.

Почти все традиции музицирования были связаны с определенными «собраниями» (зиёфат, маджлис, базм, кеча и т. д.) — излюбленным видом организации культурного времяпровождения горожан и сельских жителей той поры. Условное выделение наиболее важных традиций музицирования по типам собраний и принципу их «движения» от художественных к прикладным позволяет представить многомерность музыкальной жизни города:

— придворная или дворцовая (макомное, преимущественно светское музицирование);

— суфийско-ритуальная (маджлисы-зиёфаты с проведением зикров и слушанием специальных песнопений типа сувора);

— литературно-суфийская (собрания с чтением и толкованием стихов суфийских поэтов, типа Бедилхони);

— литературно-поэтическая (собрания поэтов более широкого круга с декламацией поэзии, экспромтом, состязанием);

— учено-интеллектуальная (собрания в медресе с участием мударрисов и студентов с музицированием и разговорами о музыке и музыкальной науке);

— повествовательно-музыкальная (собрания, преимущественно в сельской местности со специальной целью слушания дастанов — эпических сказаний и героических историй в прозе и стихах, значительной временной протяженности);

— массовая народная (гуляния, празднества, зрелища, представления);

— развлекательно-любительская (базмы, собрания типа мужских союзов, женские собрания и т. д.);

— специфически женская (искусство халфа);

— семейно-обрядовая (обряды и ритуалы в семье по циклу жизни, от рождения и до смерти, с применением музыки);

— профессионально ориентированная (в процессе труда, в объединениях—цехах различных профессий, в основном ремесленных, производственных);

— ритуально-лечебная (в церемониях шаманов и других лекарей);
— другие традиции.

Все перечисленные традиции соответствовали исторически сложившимся формам духовной и культурной жизни народа. Они пересекались и взаимодействовали; у каждой были свои виды и жанры музыки, типы и стили исполнения, специализация исполнителей и т. п.

Наиболее универсальную систему представляла традиция придворного музицирования, которая имела очень давнюю историю. В ее сложении наблюдается преемственность с собственными местными обычаями культурной жизни правящей элиты. Организации придворного музицирования особое внимание уделяли некоторые хорезмшахи. Так, при известном своей склонностью к музыке и поэзии хорезмшахе Абу-л-Аббасе Ма'муне присутствие и выступление музыкантов на официальных собраниях, вознаграждение их труда и т. п. приобрели черты строгого ритуала[11]. Пышные базмы хорезмшаха Отсиза были воспеты персоязычным поэтом Адибом Сабиром Термези (конец XI—начало XII в.)[12]. До разгрома Хорезма монголами традиция придворного музицирования здесь принадлежала к вершинным достижениям дворцовой культуры мусульманского мира.

Обычным делом было содержание музыкантов при дворе и в позднем средневековье. Группы музыкантов различались по видам исполняемой музыки: для официальных государственных церемоний (наккарахана); с целью эстетического наслаждения и развлечения. Свидетельство о развлечении музыкой хивинских придворных сановников и самого хана оставлено посланником Петра I Флорио Беневени, который в 1725 г. посетил Хиву, где был принят хивинским ханом Ширгази (1715—1728 гг.): «О семь дней после аудиэнции, за день пред рамазаном, хан велел меня звать на банкет в сад в свой загородной, недалеко от города, где я был с тремя человеками (ибо так мне приказано). И хан имел там при себе только наипа, имянуемого Ходжа, и двух узбеков своих ближних, так же и фаворита Достум Бая, которые забавлялись музыкою. Тут же и я сидел»[13].

В XVI—XVII вв., с возрастанием торгово-дипломатических и иных контактов с Россией, отмечаются и случаи обмена музыкальными инструментами в составе даров. Из Хивы поступали ударные инструменты, так называемые тулунбасы[14]. Ударными, как и громкозвучащими духовыми (карнай, нафир и др.) инструментами, были оснащены воинские формирования хивинских ханов[15]. Они же входили в специальный дворцовый ансамбль наккарахана. Обычно он располагался непосредственно в арке.

Основу музыкальной системы в придворном музицировании хорезмшахов и хивинских ханов в позднем средневековье составляла система парде-макомов. Уже к XIII в. она насчитывала 12 ладов и выражала преимущественно светское эстетизированное направление в искусстве. Об этом свидетельствуют обращения к макомам в произведе-

[11] Байхаки. История Мас'уда (1030—1041)/Перевод с перс. А. К. Арендса. М., 1969. С. 808—809. Рассказ о хорезмшахе Ма'муне заимствован Байхаки из несохранившегося сочинения Беруни «Знаменитые люди Хорезма». См. об этом эпизоде: Джумаев А. Общественное положение музыканта на средневековом Востоке// Культура Среднего Востока — различия, связи и взаимодействия (с древнейших времен до наших дней). Ташкент, 1992. С. 23—24.

[12] Тирмизи. Диван: Избранные стихи/Научно-критический текст и предисловие А. Абдуллоева. Душанбе, 1983. С. 159.

[13] Посланник Петра I на Востоке: Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718—1725 годах. М., 1986. С. 106.

[14] См. об этом: Вызго Т. С. Развитие музыкального искусства Узбекистана и его связи с русской музыкой. М., 1970. С. 15.

[15] См.: Огаҳий. Асарлар. V жилд. Тошкент. 1978. С. 56, 57 и др.

ниях хорезмских поэтов XIV—XV вв.— в «Мухаббат-наме» Хоразми (XIV в.), «Гулшан ал-асрар» Хайдара Хоразми (2-я пол. XIV— первая пол. XV в.), в Диване стихов Хофиза Хоразми (2-я пол. XIV— первая пол. XV в.) и др. Таким образом, расцвет в XIX в. в Хиве придворного музицирования и его составной части — макомного искусства был подготовлен богатым историческим прошлым, имел глубокие основания в местной династийной традиции. Здесь, как и в Бухаре, искусство макомов прошло через сходные исторические формы развития — от системы 12 макомов — к циклу Шашмакома. Этот переход был осуществлен в XIX в. группой придворных музыкантов во главе с крупным лидером.

Вопрос о происхождении Шашмакома в Хиве остается еще неисследованным. В письменных источниках Хорезма можно встретить различные версии на этот счет. Основная из них относит данное событие к первой половине XIX в. Согласно иной, менее известной, версии, приведенной Бобожоном Таррохом, поэтом придворного круга и чиновником, автором тазкира о придворных поэтах, Шашмаком был составлен во 2-й половине XIX в. Полвоном (Пахлавоном) Мирзабоши (Комилем Хоразми): «В то время, когда Мухаммад Рахим-хан второй забрал Полвона Мирзабоши в Россию, последний, заинтересовавшись бастакорами музыки России, беседовал с ними, изучил их записи музыки и, вернувшись в Хорезм, составил шесть макомов из существующих двенадцати макомов музыки [мавжуд 12 мақом созининг олти мақомини ташкил қилган]; в этом принимали также участие Мухаммад Рахим-хан второй, Худайберган Мухркон, Мухаммад Расул Мирзабоши...»[16]

Однако в версии Бобожона Тарроха, видимо, ошибочно произошло совмещение двух разных событий в деятельности одной личности (что обнаруживается и в самом тексте его тазкира)[17]: создание Шашмакома и его запись в хорезмской танбурной нотации. Как это хорошо известно, именно изобретение хорезмской танбурной нотации («Хоразм чизиги» или «нута») связано с именем Пахлавона Мирзабоши[18]. Хотя сама идея ее могла быть подсказана знакомством с русской музыкой, а отдельные ее элементы указывают и на восточно-мусульманские истоки. В процессе записи в этой системе цикл шести макомов был дополнен «половинной макома». В этом также, по мнению автора антологии поэтов Лаффаси, была заслуга Комиля Хоразми[19].

По другой версии, впервые изложенной (без ссылки на источник) в книге «Очерки истории хорезмской музыки» Муллы Бекджана Рахман-углы и Мухаммада Йусуфа Диван-заде (Матюсуфа Харратова, 1881—1953), Шашмаком был «завезен» в Хиву в первой половине XIX в. из Бухары. Это сделал хивинский музыкант Нийазджан Худжа в период правления Мухаммад Рахим-хана I (1806—1825): «Во время Мухаммад Рахим-хана первого в пределы Бухары отправился известный знаток музыки, хивинец Нийазджан Худжа; оттуда стало известно, что он изучил напевы Шашмакома на танбуре и вернулся в Хиву»[20]. После возвращения Нийазджан Худжа распространил Шашмаком в Хиве через своих учеников и соратников — Уста Мухаммаджана Сандукчи и Махзумджана Кази, которые, в свою очередь, передали это искусство своим ученикам[21].

[16] Бобожон Тарроҳ Азизов — Ходим. Хоразм навозандалари. Тошкент, 1994. С. 45—46; см. также с. 66.

[17] Там же. С. 18.

[18] Мулла Бекжон Рахмон-угли, Мухаммад Йусуф Дивон-заде. Хоразм мусики тарихчаси. М., 1925. С. 13—18.

[19] Лаффасий. Тазкиран шуаро. Урганч, 1992. С. 21.

[20] Хоразм мусики тарихчаси. С. 10—11; см. также с. 36.

[21] Там же. С. 10—11, 36—37.

Этот факт получил в музыковедении Узбекистана две разные, противоположные интерпретации. Согласно первой, Шашмаком был действительно заимствован из Бухары и развит в Хиве на основе бухарской традиции. В 30-е годы этой точки зрения придерживалась известная исследовательница хорезмской музыки Е. Е. Романовская, следовавшая устным сведениям хорезмских музыкантов[22]. Позже ее более обстоятельно обосновал И. Р. Раджабов, опиравшийся на упомянутую книгу Матюсуфа Харратова и личные беседы с последним[23].

По другой точке зрения, основанной на сравнительном анализе двух циклов, утверждение «о зависимости хорезмских макомов от бухарских не имеет достаточного основания»; «вероятно, оба цикла сложились и развивались параллельно в течение ряда веков, и совпадение отдельных частей следует объяснять длительным взаимовлиянием, а не прямым заимствованием»[24].

На наш взгляд, «миссия» Ниязджана Худжи в Бухару как исторический факт (достоверность которого требует дополнительной проверки) не противоречит идее о параллельном самостоятельном развитии двух версий макомов с давних пор. Очевидно, хорезмский музыкант заимствовал в первую очередь сам принцип организации цикла шести макомов (Шашмакома) на основе системы двенадцати макомов, бытовавшей до этого и в Хорезме, и в Бухаре. Возможно, что в Бухаре создание нового цикла было совершено ранее, чем в Хиве, и Ниязджан Худжа приехал сюда для ознакомления с проделанным «опытом». Время его приезда может косвенно свидетельствовать о времени формирования Бухарского Шашмакома.

Таким образом, в XIX в. в Хиве произошли два события исторической важности для искусства макомов: 1) их трансформация в Шашмаком, осуществленная Ниязджаном Худжой и его последователями; 2) запись цикла в расширенном виде (с добавлением еще половины макома) в специально созданную для этого Пахлаваном Мирзабоши, его сыном и другими музыкантами систему нотации.

Подлинного расцвета макомное искусство в Хиве достигает во второй половине XIX в., когда культурные накопления предшествующего времени попадают в поле неутомимой деятельности Мухаммада Рахимхана II Феруза. Для этой эпохи, как свидетельствуют источники, было характерно общее стремление к совершенству (камолга етмоқ). Под ним понималось следующее: получение полных, совершенных знаний в различных видах искусств (поэзии, музыке), науках и ремеслах; владение языками (фарси, турки, араби); обладание высокими моральными и нравственными качествами. Характеризуя одного из поэтов того времени (Хисрави), автор «Тазкиран шуаро» Лаффаси замечает, что он «был устозом у людей совершенства» (фазилат аҳлининг устози бўлиб): писал стихи на фарси и турки, знал арабский, составил диван, устраивал собрания (зиёфат) среди уламо и мударрисов Хивы с чтением духовных книг (китобхонлик), много путешествовал по странам Востока и т. д. И, несмотря на все эти достоинства, он не почитал «знающих музыку» (мусиқшунослар) и не общался с ними; с осуждением относился к шахматам, считал их порицаемым повшеством (бидъат)[25]. Очевидно, что эти качества самим Лаффаси воспринима-

[22] Романовская Е. Е. Музыка Хорезма//Романовская Е. Е. Статьи и доклады: Записи музыкального фольклора. Ташкент, 1957. С. 42.

[23] Раджабов И. Мақомлар масаласига доир. Тошкент, 1963. С. 244--245.

[24] Акбаров И., Кон Ю. Хорезмские макомы//Хорезмские макомы/Собрал и записал М. Юсупов. Т. VI. Ташкент, 1958. С. XLV. Аналогичную точку зрения отстаивал позже и О. Матякубов. См. его: Хорезмские макомы: Автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. искусств. Ташкент; Л., 1977. С. 9.

[25] Лаффаси. Указ. соч. С. 12—13.

ются как своего рода странность и исключение и, фактически, еще больше подчеркивают значение музыки как важного компонента в понимании совершенства в ту эпоху.

Однако музыка не была все же главным обязательным компонентом в формировании совершенной личности. Им было, по представлениям интеллектуальной элиты той поры, владение поэтическим даром. Увлечение поэзией было очень широким в среде, соприкасавшейся с придворной жизнью. Знание поэзии и умение сочинять стихи открывали путь ко двору, давали возможность пользоваться благосклонностью самого Мухаммада Рахим-хана, страстного поклонника поэзии. Немало хивинцев, причем нередко уже в зрелом возрасте, в 30—40 лет, становились поэтами для того, чтобы приблизиться к падишаху («Хоразм подшоси Муҳаммад Раҳимхонга яқин бўлиш учун шоир бўлғон»)[26].

Незнание же поэзии рассматривалось Ферузом как крупный недостаток. И даже лично наказывалось им. С целью стимулировать развитие поэзии при дворе Феруз ввел указ о наказании ста ударами камчи тех придворных чиновников, которые не являются поэтами. Говоря о поэте Надиме, который стал заниматься поэзией с 25 лет, Таррох, сам участник поэтического придворного кружка (сарой мухити), пишет следующее: «Шуғулланишига сабаб шулким, Муҳаммад Раҳимхон иккинчи, агар шоир бўлмаса, юз қамчи урдираман, деб буйруқ берган. Камчидан қўркиб, Нодим қатори биз Юсуф Харрот Чокар, Бобожон Таррох Ходим, Комил Девонийлар шоир бўлдик»[27].

Обычно поэзии обучались у мастера-поэта. Были и специальные «школы» при дворе для обучения детей чтению газелей и поэтической критике с целью получения «профессии» поэта[28]. Приобретение поэтического мастерства без посредства учителя осознавалось в кругу современников (устозсиз шоир) и, по-видимому, несколько снижало статус поэта[29]. Первые поэтические опыты всегда представлялись Ферузу и, в случае одобрения, нередко он сам определял поэту его поэтический псевдоним (тахаллус)[30].

Отношения между поэтическим и музыкальным творчеством были неоднозначными. Расхожее мнение о том, что любой средневековый мусульманский поэт, если и не был одновременно музыкантом, то, во всяком случае, был хорошо знаком с музыкой,— далеко не соответствует действительности. Таррох, специально отмечавший в своем труде отношение придворных поэтов к музыке, во многих случаях говорит о их полном незнании музыки («соз илмидан мутлақо хабарсиз эди»)[31]. В отношении этого вида искусства не было и столь строгих принудительных мер со стороны Феруза.

Однако нужно иметь в виду, что границы старого и современного понятий «музыка» не совпадают. Наше чрезмерно расширительное понимание музыки позволяет включать в эту категорию значительно большее число звуковых явлений, в том числе и рецитирование поэзии. Большинство поэтов, как правило, сами декламировали свои стихи. Такое исполнение, принципиально отличаясь от современного чтения, основывалось на музыкальном начале, однако не считалось музыкой. В искусстве чтения поэзии были свои мастера; существовала специализация по различным поэтическим жанрам, в частности для исполнения

[26] Там же. С. 48, 56, 57, 60, 74.
[27] Бобожон Таррох. Указ. соч. С. 81; см. также с. 83, 88.
[28] Там же. С. 76.
[29] Там же. С. 41, 65.
[30] Там же.
[31] Из 31 придворного поэта (сарой шоирлари), описанного Таррохом, 19 «абсолютно не знали музыку». См.: Таррох. Указ. соч. С. 32, 34, 36, 38, 39, 48, 51, 54, 56, 57, 60, 64, 65, 67, 69, 79, 82, 84, 86.

газелей (ғазал айтмоқ). Чтение «радующих сердце» (дилнавоз) газелей практиковалось на зиёфатах самого Феруза. Особо выделялось умение читать стихи Навои[32]. Поэт Юсуф Ходжи Охун, один из «абсолютно не осведомленных в науке музыки», проводил вместе с учеными в медресе Арабхон собрания бедилхонлик[33], посвященные чтению и толкованию сложнейшей поэзии Бедиля.

Под музыкой же, обозначаемой в Хиве позднего времени термином «соз» или «соз илми», в представлении просвещенной элиты придворного круга, понималось следующее: умение играть на музыкальных инструментах (танбур, гиджак, дутар, дарё, доира и др.), полное либо частичное знание «шести с половиной макомов» (олти ярим мақом), умение исполнять их на инструменте (чертмоқ, соз чертмоқ, чалмоқ), либо петь (айтмоқ), знание танбурной нотации (нота илми, нота ишлари, нота мақомлари и др.). Далеко не многие совмещали все перечисленные качества, и чаще всего знание музыки ограничивалось каким-либо одним или двумя перечисленными компонентами.

Сам Феруз, как известно, был большим знатоком и ценителем музыки с утонченными эстетическими вкусами, взращенными на богатом предшествующем художественном опыте (что отражено, в частности, в его поэтическом творчестве). Он прекрасно разбирался во всех тонкостях исполнительского искусства, знал теоретические вопросы музыки, макомата. Он был инициатором записи «шести с половиной макомов» в хорезмской танбурной нотации в виде «большой нотной книги» («Шу сабабли Муҳаммад Раҳим хон фармони билан олти ярим мақом танбурга бир катта нота китоб таълиф этадур»)[34]. Увлекался Феруз и сочинительством. С его именем обычно связывают появление макомного раздела «Феруз», вошедшего в состав хорезмских макомов[35] и известного в народе[36], а также других сочинений макомного типа[37], число которых отдельные авторы доводят до тринадцати[38]. Имеются сведения, что маком под названием Феруз либо части с этим именем сочинил также фаворит хана Комил Хоразми[39].

В дворцовом присутствии Феруза постоянно находилось 7—8 музыкантов — певцов и исполнителей на различных инструментах[40]. Придворные музыканты (подшолик созандалари) полностью знали и исполняли шесть с половиной макомов[41]. В их исполнении существовал свод определенных художественно-эстетических и этикетных правил. Ему следовали очень строго; гарантом его соблюдения выступал сам Феруз. Он лично контролировал качество исполнения и сурово наказывал за нарушение порядка, неверную игру и т. п. Для тех, кто исказит музыку, им было введено наказание в 50 ударов камчи («Ким созни бузса, 50 қамчи урдилар эди»)[42]. Так однажды был наказан даже глава придворных музыкантов (созандалар бошлиғи) Мухаммад Якуб позачи, не завершивший исполнение одного из макомов[43].

---

[32] Там же. С. 60—63; 30; 17, 69.
[33] Там же. С. 57, 58.
[34] Лаффаси. Указ. соч. С. 21. См. также с. 25.
[35] Таррох. Указ. соч. С. 18, 46; Юсупов Матнияз. Хорезмские макомы //Хорезмские макомы: В 3 томах. Т. I/Собрал и записал М. Юсупов. Ташкент, 1980. С .19.
[36] Таррох. Указ. соч. С. 11.
[37] Фитрат. Узбек классик мусикаси ва унинг тарихи. Самарқанд—Тошкент, 1927. С. 71; То же. Тошкент, 1993. С. 50.
[38] Бухорий Садриддин Салим. Табаррук зиёратгоҳлар. Ташкент, 1993. С. 46.
[39] Лаффаси. Указ. соч. С. 20, 21.
[40] Там же. С. 25.
[41] Таррох. Указ. соч. С. 15.
[42] Там же. С. 43.
[43] Там же. С. 15.

Нам не известны специальные трактаты по музыкальной науке, созданные в Хиве, которые могли бы служить источником по эстетике дворцового музицирования (исключение — перевод с персидского на узбекский язык раздела о музыкантах из «Кабус-наме» Кай-Кавуса, выполненный Огахи, а также отдельные баязы). Однако их отсутствие компенсируется уникальным памятником музыкального искусства Хивы — хорезмской танбурной нотацией, сохранившейся в ряде рукописей (ее исследованием занимались В. М. Беляев, Абдурауф Фитрат, В. А. Успенский, И. Акбаров, Е. Е. Романовская, О. Матякубов и др.). Исключительное значение в качестве источника музыкально-исторических сведений имеет также поэтическое наследие хорезмских поэтов XVIII—XIX вв.— Муниса, Огахи, Феруза и особенно Комиля Хоразми. Обобщая все эти сведения, мы можем в известной степени реконструировать художественно-эстетические критерии дворцового музицирования, музыкально-эстетические представления просвещенной элиты, эмоционально-эстетическое содержание музыки и т. д.

Так, в ряде стихов содержатся сентенции, имеющие характер художественных предписаний. Одна из них касается соблюдения усуля (ритма) при исполнении макома и во время танца. Феруз призывает исполнителя танца не выходить из усуля:

Гоҳи олиб қўлунгга танбур, ўлуб навосоз,
Ушшоқи бенавоға бердинг наво, муборак!
Чиқмай усулдинки раққослиқ қилиб фош,
Юз бўса бир дирамга қилдинг баҳо, муборак![44]

О необходимости сохранения усуля предупреждает и Комил Хоразми:

Қўшуб танбуру ғижжак дафни овозини бир-бирга,
Усулдин чиқмайин бирдам аларға лойиқ овоз эт[45].

Важным было и установление эстетического соответствия между исполняемой музыкой и психо-эмоциональным состоянием венценосного слушателя в конкретное время:

Эй муғанний, олмайин ором туз вазнин сақил,
Токи сокин бўлғай орому қарорим бу кеча[46].

Среди инструментов, упоминаемых у разных хорезмских поэтов (рубоб, чанг, дутор, уд, конун, дахл, най, даф, руд и др.), исключительное место занимает танбур. Ему посвящены как отдельные проникновенные строки, так и целые законченные произведения (газели), написанные Комилем Хоразми, Окилом и другими хивинскими поэтами. По словам Комиля:

Жаҳонда сознинг анвои кўпдур,
Вале истар гадову шоҳ танбур[47].

---

[44] Феруз. Элга шоҳ ишшқа қул/Нашрга тайёрловчи Г. Исмоилова. Тошкент, 1994. С. 51.

[45] Комил. Девон/Нашрга тайёрловчилар А. Хайитметов, В. Муминова. Тошкент, 1975. С. 36.

[46] Феруз. Указ. соч. С. 93. Эта газель приведена и в Диване Комиля Хоразми (указ. соч. С. 153).

[47] Комил. Указ. соч. С. 66.

Важной художественной проблемой был порядок (последовательность) исполнения макомов. Судя по поэтическому материалу, он обычно не повторял в точности официально канонизированный порядок расположения макомов (Рост, Бузрук, Наво, Сегох, Дугох, Ирок, Панджгох), а варьировал в зависимости от ситуации. Так, Комил Хоразми приводит в разных своих стихах разные составы макомной музыки. Показательна в этом отношении следующая его газель, где начало исполнения дается с макома Ирок — фактически последнего в принятой теоретической модели:

Кел, эй гул юзли мутриб, бу кеча мажлис аро соз эт,
Бурун бошлаб «Ироқ»у сўнг мақоми «Рост» оғоз эт.
Гаҳи «Бузрук», гаҳи «Дугоҳ», гоҳ «Сегоҳ» соз айлаб,
Суруди руҳбахшинг бирла базм аҳлин сарафроз эт.
«Наво»у «Панжгоҳ» оҳанг эт, ондин сўнг «Тарона»лар,
Чолиб мавзун ғазаллар бирла ўзни нақшпардоз эт,
Баҳор айёми бўлмиш бошлабон сайри гули гулшан,
Гаҳи «Насри ажам», гоҳи «Ҳижоз»у гоҳ «Шаҳноз» эт.
«Сувори» бирла «Нақши наср» фарёд айла «Талқин»лар,
Ўқуб ҳар дам мақом оҳангида анжом оғоз эт.
Қилурда нақш ила таснифларнинг «Мушкилот»ин ҳал,
Балабону дафу ғижжакни танбурингға анбоз эт.
Қўшуб танбуру ғижжак дафни овозини бир-бирига,
Усулдин чиқмайин бирдам аларға лойиқ овоз эт.
Чу топти «Мушкилот»у нақшларнинг барчаси итмом,
«Уфори»ни чолур бўлғонда мизробинг сабукбор эт...[48]

В других своих газелях Комил дает следующие ряды макомов:

а) Тузуб дутор, сетор ила гоҳи «Росту», «Ушшоқ»,
Гоҳи «Сегоҳ», «Насрулло»у «Чапандоз»лардурлар (с. 57).
б) Мутрибо, бир кеча турлик соз ила шод эт мени,
Гаҳ «Ироқу», гаҳ «Ажам», гаҳ «Насру», гаҳ «Шаҳноз»лар (с. 58).
в) Туз ул тараб нағамин, эй муғаннийи маккий,
Писанди табъим эмас нағмаи «Ироқ»у «Ҳижоз» (с. 71).
г) Тузуб «Ҳижоз»у «Ироқ», гаҳе «Наво», «Ушшоқ» (с. 86).
д) Гоҳ «Баёт»у «Наср» ўқуб, гоҳи «Уфори»син чолур (с. 181).
е) Гоҳ «Ироқ»у гоҳ «Ажам», гоҳ «Ҳижоз» соз эрур (с. 182).

При всех этих различиях, незыблемым остается в понимании Комиля общее направление движения внутри одного макома — от инструментального раздела «Мушкилот» к танцевальному по своему характеру «Уфарў» (сопровождавшемуся, как правило, в придворной практике танцем): «Мушкилот» аввалдаву охир «Уфори»да ўюн»[49].

Знакомство со старыми поэтическими текстами, зафиксированными в танбурной нотации, хорезмских баязах и других источниках, позволяет заключить, что в макомной практике второй половины XIX—начала XX в. широко применялась как персидская, так и узбекская классическая и народная поэзия[50]. Представленные образцы поэзии позволяют выделить несколько основных образных сфер макомного искусства. Это:

а) суфийская тематика (она преобладает);

[48] Там же. С. 36.
[49] Там же. С. 58; см. также с. 36.
[50] См. список танбурной нотации в Библиотеке Института искусствознания: Хорезмские макомы..., записанные хорезмской нотописью, М(м), X—79, № 342.

б) любовно-лирическая, близкая по характеру к фольклорной (например: Эй, бар ман биё, бар ман биё//Танҳо биё, танҳо биё)[51];

в) «базменная» (пиршественная);

г) панегирическая (как правило, восхваление шаха, хана);

д) философская (мотивы быстротечности жизни, жалобы на несправедливость мира и т. п.);

е) назидательно-этическая;

ж) воспевающая природу (времена года, Навруз и т. п.).

Примечательно совпадение одного панегирического стихотворения, которое зафиксировано и в хивинской, и в бухарской макомной практике (в обоих случаях — в макоме Бузрук):

Шоҳи ман, мирзои ман, мирзои бипарвои ман,
То ту набошй, ёри ман, сомон наёрад кори ман[52].

В классической поэзии хивинских поэтов XIX—начала XX в., причастных к макомной традиции, музыка, как правило, рассматривалась двояко:

а) как одна из радостей земной жизни, земных наслаждений человека;

б) в контексте высоких духовных категорий, в тесной связи с ключевыми понятиями суфизма. Оба понимания одновременно присутствуют в творчестве любого хивинского поэта.

Суфийское понимание во множестве демонстрируется, например, в известном суфийском диване поэзии Мухаммада Ризо Огахи «Таъвизул ошикин» («Талисман влюбленных»). Как и многие выдающиеся предшественники-суфии (к примеру, Ходжа Ахмад Яссави), Огахи считает звуки музыки «пищей духа» (ғизойи рух)[53]. Некоторые его газели — это концептуально законченные шедевры проникновенного постижения духовной сакральной сущности музыки. Одна из них посвящена певцу-хофизу:

Олиб кўнглумни дилкаш ун била бир хуш наво ҳофиз,
Қаманди ишқига қилди асиру мубтало ҳофиз.
Жунуним айб эмас базм ичраким ўтлуғ наво тузмиш,
Паридек жилва бирла кўргузуб юз минг адо ҳофиз.
Жаҳон боғига ҳаргиз келмамишдур ҳуси аро андоқ
Юзи гул, сочи сунбул, сарв қад, насрин лиқо ҳофиз.
Етурди лаҳза-лаҳза тоза жон ўлган таним ичра,
Масиҳо, муъжизни изҳор этиб ҳар дам аро ҳофиз.
Бағишлаб жисмима қувват, етурди жонима роҳат,
Тузуб нозу адо бирла навоий дилкушо ҳофиз.
Тўқуз афлок жизми тоқату оромини олди,
Муассир нола бирла еткуруб ўтлуғ садо ҳофиз.
Не тонг жону кўнгулдин айрилиб борсам агар ўздин,
Бу ёнглиғ ким чекар дилкаш наво ул дилрабо ҳофиз.
Суруд айлаб мани маҳфуз қилди ғам балосидин,
Илоҳи борча офатдин анго бўлсун худо ҳофиз.
Ҳамиша Огаҳийға офату ғамдин ҳафиз ўлғил,
Қилиб ҳолиға бу ғамхона ичра раҳм, ё ҳофиз[54].

---

[51] Там же. С. 116а.

[52] Ср./ Хорезмские макомы... л. 116б, 117б, 119б—120а. Приложение в издании: Шашмаком. Т. I. Бузрук. Ташкент, 1966. С. 217 (из ркп. ИВ АН РУз, инв. № 1466).

[53] Огаҳий. Таъвизул ошиқин/Нашрга тайёрловчи Ш. Шарафиддинов. Тошкент, 1960. С. 113.

[54] Там же. С. 212.

Своеобразным откликом на эту газель можно считать не менее примечательную газель Хоразми, также посвященную хофизу[55].

Поэзия оказывала воздействие на внутренний строй музыки, ее понимание, формировала соответствующее к ней отношение.

Однако сами принципы музыкальной организации искусства в эту эпоху во многом основывались на народных традициях хорезмских узбеков. Для их мироощущения характерны особая радость духа, темпераментность и открытость в выражении своих чувств, жизненная простота. Эти и подобные им моменты нашли прямое отражение в музыке. Так, хивинской традиции (Хорезма в целом) свойственно наличие ярко выраженных танцевальных ритмов. Об известности хорезмских усулей пишет автор одного из трактатов по музыке позднего средневековья (видимо, XVII в., бухарского происхождения): «Существует множество усулей, и их упоминание [здесь] удлинит [наше изложение], так как к хорезмским относятся известные усули»[56].

В отличие от Бухары, музыкальное искусство Хивы не было столь разнообразным в этно-художественном отношении. Для него характерно большее стилевое единство. Здесь также не столь явственно выражались и контрасты между пластами, а сама классическая макомная традиция находилась в более тесных связях с народной музыкой. Это отражалось на стиле и других художественно-эстетических особенностях хивинской (и шире — хорезмской) музыкальной культуры. Музыканты Хивы внесли определяющий вклад в формирование дутарной школы Хорезма, школы бахши — исполнителей дастанов, в развитие собственного стиля пения и во многие другие традиции, которые продолжают плодотворно сохраняться и развиваться и в наши дни[57].

---

[55] См.: Комил. Указ. соч. С. 86.

[56] Аноним. Рисала дар байан-и илм-и мусики: Рукопись Санкт-Петербургского Отделения ИВ РАН, инв. № В 2257, л. 277а.

[57] Традиционная музыкальная культура Хорезма 90-х годов XX в. освещена в новейшей публикации известного американского этномузыковеда Т. Левина. См.: Theodore Levin. The Hundred Thousand Fools of God: Musical Travels in Central Asia (and Queens, New York). Bloomington and Indianapolis: Indiana Unversity Press. 1996. P. 157—193.

XIV асрнинг бошларидан Хоразмга Дашти Қипчоқнинг кўчманчи ўзбеклари кириб кела бошлайдилар. XVI асрда эса улар оммавий суратда кўчиб келиб, Хоразмда мустаҳкам ўрнашадилар. Хоразмда кўчманчи ўзбеклар алоҳида уруғ-уруғ бўлиб катта ҳудудларда жойлашганлар. Кейинчалик XIX асрга келиб катта ҳудудлар шу уруғ номлари билан атала бошлаган (Қипчоқ, Хитой, Қўнғирот, Нукус).

М. Жуманиёзова

МОНЕТЫ ХИВИНСКОГО ХАНА АНУША-МУХАММАДА (XVII ВЕК)

В XVII в. большая часть Центральной Азии и Балхская область входили в состав государства Аштарханидов (или Джанидов), чьей столицей была Бухара. Хорезмом и некоторыми прилегающими территориями владели хивинские ханы из династии Арабшахидов. Обе династии принадлежали к потомству Чингиз-хана, что, однако, не мешало ханам Хивы неоднократно совершать походы и набеги на Мавераннахр. Самым известным из Арабшахидов был знаменитый Абу-л-Гази, оставивший два написанных по-узбекски исторических сочинения — «Родословное древо тюрков» и «Родословное древо туркмен». Первое из них было завершено по распоряжению сына и преемника Абу-л-Гази — Ануша-хана (1663—1687), о чьих монетах и пойдет ниже речь.

Эти серебряные монеты (танга) оказались в составе клада, найденного в 1978 г. в ходе работ по понижению уровня территории вокруг архитектурного ансамбля Регистан в Самарканде, к югу от медресе Шер-Дор. В количестве 459 экз. клад поступил в Институт археологии АН РУз, где и был изучен автором этих строк. Большинство танга (289 экз.) биты от имени Аштарханидов, в том числе Имам-Кули-хана (1611—1642) — 2 экз., Абдалазиз-хана (1645 -1680) — 16, Субхан-Кули-хана (1680—1702) — 278 экз. Скорее всего, аштарханидскими являются и 78 монет, не поддающихся более точному определению. Наконец, 83 танга несут имя хивинского хана Ануша-Мухаммада.

Они образуют два типа. У монет первого типа (80 экз.) аверсный картуш — двойной фигурный, реверсный — в виде двухлинейного креста. На аверсе танга второго типа (3 экз.) — картуш в форме одинолинейного шестигранника (?), на реверсе — в виде тройного шестигранника (точечный контур между двумя линейными). Типы различаются лишь формой картушей, но не содержанием надписей. В аверсных картушах помещены имя и титулы государя («Ануша-Мухаммад бахадур хан саййид»), кругом — остальная часть титулатуры (уцелело «... ал-хакан ал-хакан...»). Реверсные картуши включают суннитский символ веры («Нет Бога, кроме Аллаха, Мухаммад — посланник Аллаха»), кругом проставлены имена первых четырех («праведных») халифов: Абу Бакра, Умара, Усмана и Али — с титулом «амир ал-муминин» у каждого.

В аверсном картуше одной из монет первого типа указана цифрами дата — 1096 (1684/5) г. х. Эта дата важна и сама по себе, но прежде всего потому, что позволяет понять причины появления данной эмиссии, связанной, очевидно, с временным захватом Самарканда Ануша-ханом. Данное событие, как и прочие походы Ануша-Мухаммада в Мавераннахр, подробно рассмотрены М. А. Салахетдиновой[1], опиравшейся в основном на два рукописных источника — «Мухит ат-таварих» Мухаммад-Амина Кирак-Паракчи и «Дастур ал-мулук» Самандара Термези[2].

Большее число подробностей сообщает последний. По его сведениям, в 1096 (1684/85) г. х. правитель Самарканда Ходжа-Кули-бий поднял мятеж, удалился в Касан (кашкадарьинский), а затем, несмотря на уговоры Субхан-Кули-хана, ушел к Ануша-хану и убедил его напасть на Мавераннахр. После трех неудачных для хорезмийцев сражений в долине Зарафшана Ануша вернулся в Хорезм, захватив с собой Ходжа-Кули.

В конце месяца саур 1097 (май 1686 г.) Ануша-хан вновь двинул огромное войско на Мавераннахр и подошел к Самарканду. Посланный Субхан-Кули-ханом для обороны Самарканда Шах-бек-хаджи перешел на сторону противника, и когда Ануша отправил к самаркандцам посла с предложением сдать город, те согласились и вручили завоевателям ключи от городских ворот. В результате весь Мианкаль оказался в руках хорезмийцев, а затем им подчинился и Шахрисабз. В ряде последовавших затем сражений[3] Ануша-хан не имел успеха и через три месяца двинулся на Гиждуван-

---

[1] Салахетдинова М. А. Походы Ануша-хана на земли Бухарского ханства//Ближний и Средний Восток (история, культура, источниковедение): Сборник статей в честь 70-летия проф. И. П. Петрушевского. М., 1968. С. 123—133.

[2] Термези Ходжа Самандар. Дастур ал-мулук (Назидание государям)/ Факсимиле, пер. с перс., предисл., примеч. и указ. М. А. Салахетдиновой. М., 1971. Текст. С. 123—187; пер. С. 88—113.

[3] К их числу относится имевшая место в области Несефа (Карши) битва близ сел. Фулади, где потерпел поражение четырехтысячный хорезмийский отряд. М. А. Салахетдиновой не удалось идентифицировать это название, не встречающееся в известных ей источниках (Термези Ходжа Самандар. Дастур ал-мулук. С. 197. Прим. 75). Очевидно, Фулади тождественно Пулаты — так именуется большое селение примерно в 16 км к северу от Карши и в 10 км восточнее Касана.

ван, оставив в Самарканде своего главного амира, Бек-Кули-бия. Под Гиждуваном Ануша-Мухаммад потерпел, однако, поражение и ушел в Хорезм. Затем туда же отправился из Самарканда Бек-Кули-бий.

Важные дополнения к рассказу Самандара Термези содержит антология «Музаккир ал-асхаб», составитель которой, Мухаммад-Бади Самарканди (Малиха), во-первых, был, подобно Самандару Термези, современником событий, а во-вторых, пользовался его трудом. По словам Малиха, хивинцы подвергли тогда страшному грабежу не только Самарканд, но и весь Мианкаль. С их уходом на долю самаркандцев выпали едва ли не худшие бедствия. В наказание за то, что они сдали город Ануша-хану без сопротивления, Субхан-Кули многих казнил[4] и обложил Самарканд тяжелейшей контрибуцией, равной семилетнему годовому налогу. В итоге, по выражению Малиха, «город стал похож на голую пустыню»[5].

В «Мухит-ат-таварих» содержится меньше подробностей о захвате Ануша-ханом Самарканда, зато приводятся точные даты: город был занят хорезмийцами в субботу 5 шабана 1096/7 июля 1685 г. и оставлен ими по вторник 2 зу-л-хиджжа 1096/6 ноября 1685 г.[6] Таким образом, хронологические указания Самандара Термези и Мухаммад-Амина Кирак-Йаракчи расходятся на год. М. А. Салахетдинова отдает предпочтение датировке первого автора (1097 г. х.), как непосредственного участника событий[7]. Аргумент недостаточно убедительный, ибо и Мухаммад-Амин определенно был современником, а может, и участником тех же событий. Кроме того, его датировка вполне выдерживает проверку данными еще одного источника — «Тарих-и Муким-хани» Мухаммад-Йусуфа Мунши[8]. Датировка же Самандара Термези входит в непримиримое противоречие с показаниями других источников и разрушает общепринятую, надежно установленную хронологию тогдашних исторических событий (причем не только в Мавераннахре, но также в Хорезме и Балхской области). Вероятно, именно по этой причине ранняя датировка (1096/1685 г.) принята такими специалистами, как А. А. Семенов[9], М. А. Абдураимов[10], Р. Д. Макчесни[11], О. Бэртон[12]. Окончательно ставит точку в данном вопросе дата на одной из упомянутых выше монет Ануша-Мухаммада — 1096 г. х.

Правда, наименование денежного двора на них отсутствует (не проставлено или не сохранилось), но это может быть лишь Самарканд. И дело не только в том, что единственная известная находка монет Ануша-Мухаммада (причем весьма внушительная — 83 экз.) приходится именно на Самарканд. Как известно, состояние Хорезма в XVII в. характеризуется очень низким экономическим и культурным уровнем. Так, когда потребовалось составить историю династии Арабшахидов, взяться за этот труд пришлось самому хану Абу-л-Гази, отцу Ануша-Мухаммада, ибо во всем ханстве не нашлось достаточно образованных людей[13].

В тот период «старая культурная страна стала разбойничьим государством»[14]. При таких обстоятельствах в самом Хорезме не было особой потребности в собственной монете, и в рукописных источниках, насколько известно, нет никаких сведений о хорезмском чекане XVII в. Зато Мухаммад-Амин Кирак-Йаракчи и Мухаммад-Йусуф Мунши единодушно свидетельствуют о том, что после захвата Ануша-ханом Самарканда там была оглашена хутба (пятничная проповедь) и отчеканены монеты с его именем[15]. Однако они ничего не сообщают об аналогичных акциях в Кеше (Шахрисабзе), хотя он тоже подчинился хорезмийцам. Таким образом, можно считать установленным, что описанные выше танга Ануша-Мухаммада (или основная их часть) были выпущены в Самарканде между 5 шабана и 9 зу-л-хиджжа 1096/7 июля — 6 ноября 1685 г.

---

[4] По некоторым данным, Субхан-Кули даже распорядился перебить все население Самарканда, но его приказ не был исполнен (История народов Узбекистана. Т. 2. Ташкент, 1947. С. 88).

[5] Ахмедов Б. А. Историко-географическая литература Средней Азии XVI—XVIII вв. (Письменные памятники). Ташкент, 1985. С. 177; Абдураимов М. А. Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVI — первой половине XIX в. Т. I. Ташкент, 1966. С. 20—21.

[6] Салахетдинова М. А. Походы... С. 127—128.

[7] Там же. С. 132.

[8] Мухаммад Юсуф Мунши. Муким-ханская история/Пер. с тадж., предисл., примеч. и указ. А. А. Семенова. Ташкент. 1956. С. 124 и след.

[9] История народов Узбекистана. Т. 2. С. 88.

[10] Абдураимов М. А. Очерки... С. 21.

[11] McChesney R .D. Central Asia. VI. In the 10th—12th/16th—18th centuries //Encyclopaedia Iranica/Ed. Ehsan Yarshater. Vol. V. Costa Mesa, California, 1992. P. 191.

[12] Устное сообщение (1996 г.).

[13] Бартольд В. В. История Туркестана//Соч. Т. II. Ч. 1. М., 1963. С. 164; его же. История культурной жизни Туркестана//Там же. С. 274.

[14] Бартольд В. В. Хорезм//Соч. Т. III. М., 1965. С. 549.

[15] Абдураимов М. А. Очерки... С. 127; Мухаммад Юсуф Мунши. Муким-ханская история. С. 124.

Неоднозначно оценивается и характер походов Ануша-хана. Если Н. И. Веселовский видел в них лишь грабительские набеги[16], то, по мнению М. А. Салахетдиновой, этот правитель ставил своей задачей захват земель и закрепление их за собой[17]. Как представляется, танга Ануша-Мухаммада склоняют ко второй точке зрения — во всяком случае, в отношении похода 1096/1685 г. Ведь до завоевания Самарканда Арабшахиды вообще, насколько известно, не чеканили монет, и выпуском своих танга Ануша заявил о себе как о суверенном государе, овладевшем таким важным центром Мавераннахра, как Самарканд. Выбитые по образцу аштарханидских танга, они должны были влиться в образовавшуюся к тому времени массу серебряных монет Аштарханидов и, разойдясь по стране, разнести весть об успехах хивинского хана. Его монеты следуют аштарханидским танга не только в содержании и размещении легенд, но также в форме монетного кружка[18], размерах[19], весе[20] и, похоже, пробе[21].

Это, конечно, не случайно. Напрашивается аналогия с XVI в. После гибели Шейбани-хана завоеванный им Хорасан перешел к Сефевидам, но Шейбаниды постоянно старались вернуть эти земли, неоднократно совершая на юг походы и набеги. Один из самых крупных походов был совершен в 932—34/1526—28 гг. В 932—33 гг. х. в Астрабаде, Исфераине и Мешхеде выпускались шейбанидские танга, причем весовой стандарт их — не шейбанидский, а сефевидский. Проанализировав все имеющиеся данные, Е. А. Давидович пришла к выводу, что этот чекан не предполагал перестройки сефевидской монетной системы и являлся чисто политическим[22]. Более близок хронологически случай с Балхом, когда захватившие в 1056/1646 г. Балхскую область Великие моголы (Бабуриды) стали выпускать там серебряные монеты с именем Великого могола Шах-Джахана, но не по бабуридскому, а по аштарханидскому образцу[23]. Аналогичным образом самаркандский чекан Ануша-хана, будучи чисто политическим, не предусматривал изменения аштарханидской денежной системы.

Некоторые другие успехи Ануша-Мухаммада тоже нашли отражение в монетном чекане, но не прямое, а косвенное. Речь идет, в частности, о содержащейся в упомянутом Регистанском кладе танга, выпущенной от имени Субхан-Кули-хана в Кеше. Поскольку ни прежде, ни после Аштарханиды не чеканили в Кеше монет следует предположить, что это была своего рода победная эмиссия, отметившая возвращение Шахрисабза, временно захваченного хорезмийцами, под власть Субхан-Кули-хана.

---

[16] Веселовский Н. И. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. СПб., 1877. С. 138—139. Принципиально не отличается оценка А. А. Семенова: «Нападения хивинцев не имели завоевательных целей и предпринимались хивинскими ханами исключительно с целью грабежа» («История народов Узбекистана. Т. II. С. 87). По существу так же («чисто грабительские набеги») трактуются эти походы и Б. Г. Гафуровым (Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972. С. 562).

[17] Салахетдинова М. А. Походы... С. 132.

[18] Подобно аштарханидским танга (Давидович Е. А. История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв. (Золотые и серебряные монеты Джанидов). Душанбе, 1964. С. 225—227), монеты Ануша-Мухаммада имеют не круглую, а округло-четырехугольную, округло-ромбическую, округло-прямоугольную, овальную и вовсе неправильную форму, почему разница между «шириной» и «длиной» монетного кружка подчас весьма значительна.

[19] Размеры монет Ануша-Мухаммада: 20—23; 21—24; 21—25 (2 экз.); 21—26 (2 экз.); 21—27; 21—28; 5; 21—29; 22—24; 22—25 (9 экз.); 22—25,5; 22—26 (3 экз.); 22—26; 5; 22—27; 22—28 (2 экз.); 22—29; 22,5—25; 22,5—26,5; 22,5—27; 23—23,5; 23—24,5 (4 экз.); 23—25 (5 экз.); 23—26 (4 экз.); 23—26,5 (2 экз.); 23—27 (6 экз.); 23—27, 5; 23—28 (2 экз.); 24—25 (2 экз.); 24—26 (4 экз.); 24—27 (7 экз.); 24—28 (2 экз.); 24—31; 24,5—25; 24,5—26; 24,5—29,5; 25—26,5; 25—27 (3 экз.), 25—28; 26—28; 26—28,5 мм. Таковы же размеры аштарханидских танга второй половины XVIII в. (Давидович Е. А. История... С. 276—281).

[20] Вес монет Ануша-Мухаммада первого типа: 3,4; 3,5; 3,7 (2 экз.); 3,8 (12 экз.); 3,9 (27 экз.); 4,0 (19 экз.); 4,1 (12 экз.); 4,2 (3 экз.); 4,3 (2 экз.); 4,4 г; второго типа: 3,9; 4,1; 4,3 г. Таков же вес танга Аштарханидов (Давидович Е. А. История... С. 276—281).

[21] Монеты Ануша-Мухаммада не подвергались анализу или пробированию, однако внешне они выглядят примерно так же, как и синхронные им танга Субхан-Кули-хана из того же Регистанского клада, а, по данным Е. А. Давидович, другие танга Субхан-Кули-хана содержат от 12,2 до 26% серебра (Давидович Е. А. История... С. 118. Табл. 46).

[22] Давидович Е. А. Корпус золотых и серебряных монет Шейбанидов. XVI век. М., 1992. С. 103—105.

[23] Kočnev B. Les Moghols et l'Asie centrale, à travers les monnaies de Shah Jahan figurant dans les tresors centre-asiatiques//Inde-Asie centrale. Routes du commerce et des idées (Cahiers d'Asie centrale 1—2). Tachkent—Aix-en-Provence, 1996. P. 257—262.

В том же кладе имеется танга Субхан-Кули, битая в Несефе, каковой денежный двор оказался, подобно кешскому, совершенно новым для Аштарханидов[24]. По достоверным данным, Несеф (Карши) не был захвачен хивинцами, хотя такая опасность существовала и значительный хорезмийский отряд опустошал каршинскую округу. Надо полагать, что выпуск несефских монет либо должен был документально засвидетельствовать, что Несеф остается во власти Субхан-Кули-хана, либо был осуществлен, когда хивинская угроза миновала.

В заключение хотелось бы подчеркнуть следующее. До недавнего времени не были известны не только монеты Ануша-Мухаммада, но и вообще Арабшахидов. Конечно, специалисты и прежде были знакомы с указаниями рукописных источников о выпуске монет Ануша-ханом, однако подобного рода свидетельства, по заключению Е. А. Давидович, не всегда обусловлены реальным чеканом и могут быть просто «дежурной», риторической фразой[25] . С выявлением монет Ануша-Мухаммада не остается места для сомнений, а их эмитент приобретает новый, более высокий статус, ибо, наряду с хутбой, сикка (монетный чекан) являлась важнейшей прерогативой суверенного мусульманского государя, зримым, материальным свидетельством его независимости, законности его власти. Само собой разумеется, иным становится и статус самой династии Арабшахидов, которая теперь определенно перестала быть «безмонетной».

Б. Д. Кочнев

[24] В фундаментальной монографии Е. А. Давидович о чекане Аштарханидов ни Кеш, ни Несеф не фигурируют в числе аштарханидских монетных дворов. (Давидович Е. А. История... С. 54. Табл. 8).

[25] Давидович Е. А. Корпус... С. 126—128.

КЛАД ХОРЕЗМИЙСКИХ МОНЕТ ЦАРЯ ШАУШАФАНА

В Государственном Музее истории Узбекистана АН РУз хранится более 90 тыс. монет, кладов, бумажных денежных знаков. Количество монет древнего Хорезма среди них невелико, и тем ценнее монеты, приобретенные Музеем в 90-х годах. В августе 1991 г. при проведении земляных работ в Шаватском районе Хорезмской области Хайтвоем Нгамовым был найден клад серебряных монет VIII в. Он был сдан в Музей 30 октября 1991 г. его братом Хайтвоем Жуманиязовым.

Состав клада однороден. Все 38 экз. серебряных монет принадлежат чекану хорезмийского царя Шаушафана. На л. ст. изображен портрет правителя в тиаре с наушниками и назатыльником вправо. Перед лицом — согдийская курсивная легенда, передающая имя правителя: «S'wšprn». Вокруг портрета ободок из перлов. Об. ст.— изображение традиционного хорезмийского всадника вправо в окружении знаков хорезмийской легенды, передающей титулы и имя правителя: «MR'Y MLK' Sy'wršpn».

Первый титул хорошо известен по «туранской» серии монет Западного Согда, а также по серии подражаний тетрадрахмам Евтидема (государь в тиаре, группа В). Значение первого титула — «государь», второго — «царь». Имя царя было прочтено В. А. Лившицем и истолковано как «Обладающий славой Сиявуша»[1].

Монеты клада однотипные, но имеется один вариант со знаками, отсутствующими на остальных 37 экз. За головой правителя на л. ст. вместо второго конца диадемы изображен равносторонний крестик по типу несторианского. На об. ст. за головой всадника такой же крестик, но мельче. Ниже крестика, за правой рукой всадника, изображен петлевидный знак.

По данным исследователей, этот царь упоминается в сочинении «Памятники минувших поколений» ал-Беруни[2]. Датируется он, по сопоставлению с китайскими источниками, серединой VIII в. Б. И. Вайнберг считает, что правление этого царя следует датировать периодом от начала второй четверти VIII в. до начала 60-х годов VIII в. Этот царь прислал в 751 г. посольство с дарами китайскому императору[3].

20 экз. монет клада имеют следы перечекана. Потертость монет низкая, почти все экземпляры имеют четкие изображения. Весовые данные клада таковы (г):

3,20	3,13	2,73	3,16	2,99	2,50	3,10	3,00
3,06	2,99	3,15	3,00	2,85	2,37	3,05	3,17
3,23	3,08	3,07	3,18	3,20	1,88	3,04	2,80
3,11	2,93	3,08	3,20	3,05	3,12	3,10	3,15
2,78	3,17	3,00	3,03	3,00	3,21		

Как можно заметить, среди 38 экз. имеются монеты с пониженными весами (менее 3 г): 1,88; 2,37; 2,5 г. График весов дает вершину с весом 3,2 г. Однако рядом имеется вторая вершина с весом 3,1 г (разница между вершинами на 1 экз.) что дает

[1] Вайнберг Б. И. Монеты древнего Хорезма. М., 1977. С. 61.

[2] Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948.

[3] Там же; Вайнберг Б. И. Указ. соч. С. 61.

основание выделить два весовых стандарта: 3,2—3,1 г. Возможно, это драхма весом 3,1 г.

Как известно, основу всех мусульманских весов составляют драхма и мискаль. Зная их соотношение и вес одного из них, можно вычислить и остальные весовые единицы. В. Хинцем для середины VIII в. (744 г.) был определен дирхам ал-кайл (весовой дирхем), равный 3,125 г. Это канонический дирхем, высчитанный исследователем по гире империи Омейядов из Сирии. В позднем средневековье дирхем весил 3,26; 3,2 г[4].

О. И. Смирнова провела метрологический анализ самаркандских драхм. Среди монет VIII в. ею выявлены серебряные драхмы, максимальный вес которых составил 3—3,1 г, а также серебряные драхмы согдийского царя Тургара весом 2,95—2,97 г.[5] Весовой стандарт, как явствует из данных О. И. Смирновой, для драхмы близок к 3 г.

Гиря, найденная на городище Пенджикент того же времени, дала размер мискаля 4,46 г. Величина такого мискаля позднее известна в Египте, Ираке, Северной Индии и других мусульманских странах. В Бухаре XVI—XIX вв. употреблялся мискаль, равный 4,8 г.[6]

Соотношение между золотом и серебром в VII в. выражалось, согласно Самаркандскому договору 712 г., пропорцией 14:1; это подтверждено и нумизматическими данными, приведенными О. И. Смирновой. Средний вес монет исследуемого клада, как уже отмечено, дал драхму хорезмийских монет — 3,1—3,2 г. Тогда при мискале 4,46 или 4,48 г сотношение между золотом и серебром для Хорезма выражается той же пропорцией 14:1.

Вес драхмы 3,2—3,1 г, как видим, соответствует весу канонического дирхема Омейядов (VIII в.) — 3,125 г. Это дает основание заключить, что вес дирхемов Хорезмийского царства, находившегося в середине VIII в. под суверенитетом халифа, был ориентирован на рынок, контролируемый халифатом.

Серебряные монеты Хорезма VII в., как отмечал С. П. Толстов, были близки по весу сасанидским драхмам[7]. Но в VIII в. ориентир направления экономических связей был уже иным, что подтверждают данные метрологического анализа клада. Это — свидетельство независимости государства. «После завоевания Хорезма арабами хорезмшахи не сразу потеряли свое политическое влияние в стране и за ее пределами»[8].

Упомянутые выше монеты Шаушафана с пониженными весами (менее 3 г) отражают начало периода политической нестабильности, экономического упадка. Веса этих монет близки к весовым данным следующего за Шаушафаном правителя Абдаллаха (80-е годы VIII в.). Клад был зарыт, вероятно, в последний год правления Шаушафана.

Как отмечено выше, вес хорезмийских драхм из клада середины VIII в. одинаков с весом дирхема государства Омейядов. Это подтверждает вывод О. И. Смирновой о том, что разницы между денежно-весовой драхмой и весовой не было. Этот вывод сделан был по данным арабского текста договора 712 г. Он гласит, что серебро принималось в соотношении мискаль за мискаль, а золото — мискаль за 20 драхм[9], т. е. в пропорции 14:1. Возможно, в некоторых случаях монеты принимались на вес. Данные этого источника подтверждены рассмотренным нами нумизматическим материалом — кладом хорезмийских монет царя Шаушафана.

А. А. Мусакаева

[4] Хинц В. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. М., 1970. С. 13.

[5] Смирнова О. И. Каталог монет с городища Пенджикент. М., 1963.

[6] Давидович Е. А. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. М., 1970. С. 94.

[7] Толстов С. П. Указ. соч. С. 192.

[8] Вайнберг Б. И. Указ. соч. С. 95.

[9] Смирнова О. И. Указ. соч. С. 50.

ПУТЕШЕСТВЕННИКИ И УЧЕНЫЕ О ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛЕ ХИВИНСКОГО ХАНСТВА XIX—НАЧАЛА XX ВЕКА

Путешественники и исследователи, характеризуя экономику Хивинского ханства, хотя не посвятили вопросам торговли специальных работ, тем не менее в большинстве своем не обошли этой темы. Так, Н. Муравьев отмечал: «Торговля ханства весьма незначительна, она состоит в продаже разного хлеба и мелочных изделий, по разным торжищам, устроенным в ханстве, и покупке невольников. В ханстве воспрещено производить ежедневные торги на одних и тех же местах. Хан назначил особенные дни для общей торговли, по разным местам своего владения, на которые деятельные обитатели Ургенча и других городов вывозят для продажи часть товаров своих»[1].

[1] Муравьев Н. Н. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 гг. гвардейского Генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров. Ч. II. М., 1822. С. 90.

Есть и иные аналогичные сообщения других очевидцев: Внутренняя торговля ханства незначительна; она почти исключительно находится в руках сартов и производится во всех городах в определенные базарные дни, ограничиваясь обменом сырых произведений и домашних изделий»[2].

Характеризуя внутреннюю торговлю ханства, В. Лобачевский утверждал, что «она состоит из обмена с помощью денежных знаков произведений сельского хозяйства на произведения фабрично-заводского производства. Этот обмен производится на множестве по оазису базаров, который имеет совершенно мелочный характер, как со стороны местных жителей, так и со стороны постоянно живущих в пункте базара купцов»[3].

По словам же М. Иванина, «торговля составляет для хивинцев не менее важный способ существования. Торгуют почти все достаточные люди, и особенного купеческого сословия там нет»[4].

Согласно имеющимся сведениям, города ханства по традиции были местом размещения базаров, которые играли важную роль в социально-экономической жизни населения.

Н. Муравьев, описывая состояние торговли в ханстве, отмечал: «Сии торговые сборища во всем уподобляются небольшим нашим сельским ярмаркам. В пяти главных городах сего ханства бывают также еженедельные торги. В самой Хиве они бывают по понедельникам и по пятницам. Право на сии торговые сходбища дается сверх того ханом, в тех местах, где больше населения; тут строятся наподобие шалашей лавки, за наем коих хозяин получает малую плату от купцов, с которой обязан он однако же платить известную подать хану»[5].

Характеризуя понятие «базар», очевидец приводит следующие сведения: «Даже в тех местах, где живут только кочевники и нет ни одного дома, из нескольких мазанок устраивается рынок «базарликжай»,— для ярмарки, которая носит характер празднества. Среднеазиатец не дорожит своим временем, часто приезжает на ярмарку за 20 и за 30 верст, чтобы купить там несколько иголок или других мелочей»[6].

Надо заметить, что именно на базарах определялись цены, согласно которым заключались торговые сделки. Об этом говорят сведения, сообщенные очевидцами. «В каждом местечке учреждены базары,— сообщает один из них.— Предметы торговли суть: рогатый скот, верблюды, лошади и бараны, разного рода хлеб, халаты, шелковые и бумажные ткани, одежда, порох,заступы и земледельческие орудия, двухколесные повозки, седла и конский прибор, суда, лес, уголь, соль и проч.»[7]

Из сказанного следует, что на базары в городах ханства поступали излишки продукции земледелия, а также разнообразные изделия ремесленников. Это подтверждают и сообщения Н. Муравьева: «На сии торжища вывозят обитатели ханства избыток своих домашних изделий, на них покупают туркмены пшеницу и всякого рода хлеб, в обмен же привозят невольников»[8].

Следует заметить, что в середине и особенно во второй половине XIX в. существенно возросло значение некоторых городов как центров торговли. Согласно сообщениям ученых и путешественников того времени, базары в Хиве, Новом Ургенче, Хазараспе, Ташауэе, Куня-Ургенче, Кунграде, Чимбае считались наиболее крупными в ханстве, где велась оживленная торговля.

Есть множество сведений, подтверждающих что Новый Ургенч как центр торговли особо выделялся среди городов южной части ханства, притягивая к себе сельхозпродукты не только из округи, но и с правобережья, а также продукцию кочевого населения.

«Новый Ургенч сделался средоточием их промышленности и представляет необыкновенную живость,— отмечал Н. Муравьев.— В бесчисленных лавках сего обширного и многолюдного города все роскошные, богатые и драгоценные изделия, собранные со всех стран Востока, представляются взорам и ослепляют блестящим разнообразием и яркостью цветов своих. Здесь слышен вечный шум деятельности от бесчисленного собрания покупщиков и продавцов всех племен Востока и рева верблюдов, изгибающихся под тяжкими ношами товаров»[9].

«В Новом Ургенче замечателен его караван-сарай,—писал Гиршфельд,—в котором помещается хивинская таможня и сосредоточивается на сотни тысяч всяких товаров»[10].

В трудах исследователей имеются сведения о том, что в городах северной части ханства также усиливались темпы роста торговых отношений. «Известен же Куня-Ургенч в настоящее время громадным базаром, где сосредоточена вся торговля туркмен

---

[2] Хивинское ханство: Наши соседи в Средней Азии. Хива и Туркмения. СПб., 1873. С. 122.

[3] Лобачевский В. Хивинский район: Военно-статистическое описание Туркестанского военного округа. Ташкент, 1912. С. 90.

[4] Иванин М. И. Хива и река Амударья. СПб., 1873. С. 44.

[5] Муравьев Н. Н. Путешествие ... Ч. II. С. 91.

[6] Хивинское ханство... С. 122.

[7] Желябужский Е. Очерки завоевания Хивы. М., 1875. С. 304.

[8] Муравьев Н. Н. Путешествие... Ч. II. С. 91.

[9] Там же. С. 93.

[10] Военно-статистическое описание Хивинского оазиса. Ч. II. Ташкент, 1903. С. 131.

Куня-Ургенчского оазиса. Туркмены везут продавать все свои изделия: ковры, кошмы, хуржумы, пшеницу и пр. Осенью при особенно сильном приливе туркмен бывают базарные дни, в которые торговый дневной оборот доходит в нем до 20000 рублей»[11].

Интересен рассказ о хивинских базарах А. Вамбери. «Для внутренней торговли в каждом городе и каждую неделю бывает по одной и по две ярмарки,— пишет он,— даже в местностях, предоставленных исключительно йомудам, и где домов вовсе не существует, есть места для базара (базарлиджай), состоящего из одной или нескольких глиняных хижин. Ярмарки здесь имеют вид праздников. На них съезжаются за десять или двенадцать миль, чтобы купить несколько иголок и тому подобные пустяки, но в сущности всех влечет стремление показать себя и посмотреть людей, потому что в подобных случаях все являются на отличных лошадях, в самых лучших нарядах и увешанные самым лучшим оружием»[12].

Характерные сведения приводит В. Лобачевский: «На некоторых базарах оазиса замечается особенно большое скопление каких-либо особенных предметов торговли, которых на других базарах нет. Например: на базарах Чимбая и гор. Кунграда продается много скота и продуктов скотоводства. Гор. Ильялы считается главным базаром по продаже туркменских лошадей.

В ханстве важнейшие по годовому обороту пункты внутренней торговли: в южной части ханства — гор. Хива, в средней части — г. Ильялы, Куня-Ургенч — на севере и Ходжейли и Кунград»[13].

Заслуживают внимания сообщения, касающиеся рыночных цен на базаре г. Хивы в 1848 г. «На базаре в Хиве,— пишет купец Абросимов,— продается все дешевле, чем у нас в России, так, например, баранины фунт стоит 5 коп., рыба белуга — 2 и 3 коп. Чурек —большая лепешка — 5 коп., и притом такой величины — одной достаточно одному человеку на один день. Пшеница за батман — 80 коп., рис за батман — 1, 1 р. 20 к.»[14]

Есть и другие данные относительно цен на базарах Хивы: «Цена верблюда — от 4 до 12 тиллей, 4—8 руб., батман пшеницы — от 60 коп. до 1 руб., джугары — от 40 до 80 коп., ячмень — от 40 до 60 коп., рис.— 2—3 руб., батман хлопка — 3—4 руб., батман железа — от 8 до 10 руб., сошники простые — от 1 руб. до 1,5 руб., серпы — от 50 до 75 пуль»[15].

Как сообщают дореволюционные исследователи, Хивинское ханство имело также оживленную торговую связь с соседями. Так, заслуживают внимания сведения Н. Муравьева: «Хивинские купцы ездят большею частью за товарами в Бухарию, из коей получают собственно ее и иностранные произведения; как-то различных родов выбойки, синюю бязь, пряденную хлопчатую бумагу, шелка, много родов шелковых и полушелковых материй, кашемировые шали, китайский фарфор, чай, шелковые кушаки, шерстяные изделия, бухарские черные мерлушки, табак и др. товары, из них некоторая часть остается в Хиве для собственного употребления жителей, остальное же количество вывозится в Россию через Оренбург и Астрахань»[16].

Приведенные сведения дополняли сообщения других исследователей. «С Бухарой торговля несколько оживленнее, — пишет очевидец — туда вывозятся халаты и полотно, а там покупается чай, пряные коренья, бумага»[17].

Торговые отношения ханства с Россией Н. Муравьев характеризовал так: «Хивинцы получали в обмен тонкие английские сукна, бархат, пряденое золото и серебро, иглы, бритвы, ножи, тонкий холст, зеркала, отчасти пищую бумагу, медь, свинец, медную, чугунную посуду и др. Торговлю с Россией они ведут обыкновенно, доставляя товары через Мангышлак в Астрахань или прямо через киргизские степи в Оренбург»[18].

Имеется и более конкретная информация относительно торговли Хивы с Россией. «Хивинские караваны числом от 1000 до 2000 верблюдов идут весною в Оренбург, а осенью в Астрахань, неся хлопок, шелк, кожи, халаты и плоды в Нижний Новгород, а берут оттуда котлы, чугунную посуду, ситец, преимущественно небельный, идущий на женские платья и рубашки, сахар, сукно, железо, плохие ружья и некоторые галантерейные товары»[19].

Важно обратить внимание на сведения, относящиеся к первой половине XIX в., приводимые наблюдателем, который, обобщая торговый оборот ханства с Россией, утверждал, что «наибольшая цифра торговых оборотов выпадает на Россию, общий вывоз в Хиву доходит до млн. рублей, а вывоз оттуда в Россию — около 1 млн. рублей,

---

[11] Там же. С. 132.

[12] Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. М., 1865. С. 170—171.

[13] Лобачевский В. Хивинский район... С. 90—91.

[14] Рассказ торговца Абросимова о поездке его в Хиву//Сын Отечества. 1871. № 21.

[15] Иванин М. И. Хива... С. 43.

[16] Муравьев Н. Н. Путешествие... Ч. II. С. 93.

[17] Хивинское ханство... С. 123.

[18] Муравьев Н. Н. Путешествие... Ч. II. С. 95.

[19] Хивинское ханство... С. 123.

преобладающим предметом вывоза из Хивы служит хлопчатая бумага, свыше 500 тысяч рублей, а ввоза туда — сукна и бумажных тканей, последних на сумму около 1 млн. рублей»[20].

В трудах ученых того времени отмечаются усиление темпов роста торговли, особенно в конце XIX — начале XX в., в результате чего происходят ломка натурального хозяйства, развитие товарно-денежных отношений, усиление торговых связей ханства с соседями, особенно с Россией, а также с Бухарой.

М. А. Терентьев, анализируя торговые сношения Хивы с Россией в 60-х годах XIX в., отмечает, что «в 1862 году из Хивы вывезено товаров в Россию на 75 000 руб., а завезено в Хиву товаров на 13 000 руб. В 1863 г. вывезено на 77 000 руб., а ввезено в ханство только на 3000 руб. товаров»[21].

Вот как выглядит картина хивинско-русского торгового оборота по сведениям М. А. Терентьева в последующие годы (руб.):

Вывезено из Хивы в Россию товаров на:

1864 г.	1865 г.	1866 г.	1867г.
479 105 руб.	394 337 руб.	755 909 руб.	1 421 200 руб.

Вывезено из России в Хиву на:

10 973 руб.	999 509 руб.	1 565 457 руб.	486 897 руб.

Из приведенных данных следует, что торговый оборот между Хивой и Россией явно имел тенденцию к увеличению. Важно отметить, что среди товаров, ввозимых в Хиву из России, преобладали предметы фабрично-заводской промышленности[22].

Ряд сведений российских исследователей дополняют наши представления о роли некоторых городов как торговых центров ханства. Заслуживают внимания в этом отношении сообщения А. Л. Куна: «Центральным рынком для внешней торговли ханства служит главным образом Новый Ургенч, а за ним Хива. Хивинские торговцы на среднеазиатских рынках называют себя Ургенджи»[23].

Сведения, приведенные В. Лобачевским, показывают, что среди товаров, ввозимых в ханство, преобладали промышленные изделия. «В 1909 году,— отмечал В. Лобачевский,— было вывезено в Хивинский район товаров 979 тысяч пудов на сумму 2556 тыс. рублей, в том числе 160 тыс. пудов мануфактуры, 150 тыс. пудов керосина, 105 тысяч пудов чугунных и железных изделий, 100 тыс. пудов деревянных изделий и леса, 60 тыс. пудов чая. Вывезено 1095 тыс. пудов на сумму 1398 тыс. руб., в том числе 500 тысяч пудов очищенного хлопка, 320 тыс. пудов семян люцерны, 125 тыс. пудов рыбы и 40 тыс. невыделанных шкур»[24].

Российские промышленные товары распространялись по всем уголкам Хивинского ханства.

В. Лобачевский отмечал также: «Вывозимые из Хивы хлопок и кожи идут в Москву и на Нижегородскую ярмарку, шерсть — в города Среднего Поволжья, семена люцерны и кишки — в Гамбург и далее в Северную Америку, ковры — в Турцию, коровье масло — в Баку, рыба — в Оренбург. Большинство предметов фабрично-заводской промышленности привозится из Московской промышленности и с Нижегородской ярмарки, сахар из Киева, зеленый чай из Бухары, Ашхабада, керосин из Баку, мука из Владивостока, юфтовая кожа из Оренбурга, строевой лес из Чарджуя»[25].

Небезынтересны данные О. А. Шкапского о ценах товаров на базарах ханства: «Цена пшеницы стоит от 75 до 90 коп., джугара — от 30 до 60, ячмень — от 60 до 80 коп., просо — от 32 до 80 коп., рис — от 80 коп. до 1 руб. 20 коп., маш — от 80 коп. до 1 руб. 20 коп., клевер — одна сотня снопов — от 1 руб. до 2 руб., кунджут — от 1 руб. 60 коп. до 3 руб. 20 коп. пуд.

Дешевы и орудия земледельческие: соха стоит 2 руб., а сошник на ней 1 руб., мала стоит 2 руб., лопата — 2 руб., серп — 40 коп., кетмень — 2 руб. 50 коп., арба или телега двухколесная — 54 руб.»[26]

Таким образом, многочисленные сведения о торговле, приведенные в трудах ученых и путешественников, содержат интересную информацию о развитии внутренней и внешней торговли Хивинского ханства в XIX — начале XX в. При этом немаловажно

---

[20] Там же.

[21] Терентьев М. А. Россия и Англия в борьбе за рынки. СПб., 1876. С. 54.

[22] Там же.

[23] Кун А. Л. Поездка по Хивинскому ханству в 1873 гг.//Известия ИРГО. Т. X. 1874. № 1. С. 53.

[24] Лобачевский В. Хивинский район... С. 92.

[25] Там же. С. 91.

[26] Шкапский О. А. Как хивинцы ведут полевое хозяйство на своих безводных землях. М., 1900. С. 44.

отметить, что растущий ввоз фабрично-заводских изделий вел к сокращению выпуска товаров местного ремесленно-кустарного производства, базировавшегося в основном на ручном труде.

С. Наврузов

К ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ КНИЖНОГО ДЕЛА В ХИВЕ

Переход от рукописного способа размножения книг к книгопечатанию в жизни любого народа становился событием исторического значения. Именно таким важнейшим событием в истории культуры узбекского и других народов Центральноазиатского региона стало появление и развитие литографического книгопечатания[1].

Произошло это впервые в столичном городе Хиве — крупном культурном центре региона. В самом начале 70-х годов XIX в. при дворе хивинского хана Саид Мухаммад Рахима II открылась первая в Центральной Азии литографская книгопечатня. Она была основана по инициативе самого хана, известного покровителя наук и искусств, любителя изящной словесности и талантливого поэта, выступавшего под псевдонимом «Феруз». По некоторым сведениям, литографский станок был выписан ханом из Женевы, по другим — из Ирана. Самое раннее издание хивинской литографии датируется, как это доказал туркменский книговед Алмаз Язбердиев, 1874 г[2]. Этой первой книгой на узбекском языке, изданной литографским способом, был «Девону Мунис» — «Диван Муниса» — сборник поэтических произведений хорезмского поэта и историка Шермухаммада Муниса (1778—1829), автора известной хроники «Фирдавсул икбал» («Сад благоденствия») по истории Хорезма, доведенной им до 1812 г. и продолженной впоследствии Агахи — племянником и учеником Муниса. Второй по времени издания книгой, вышедшей в свет в Хиве, был детский учебник персидского и арабского языков Абдуносира Фаррохи «Нисобус сибиён» — «Детская доля» (1876).

Первая литографская книга, выпущенная на узбекском языке, в начале 90-х годов XIX в. стала известна в Европе. Сведения о ней опубликовал в 1892 г. в «Венском журнале известий по Ближнему Востоку» крупный востоковед-тюрколог Арминий Вамбери. «Диван Муниса — продукт среднеазиатской литографии,— писал он,— очень примитивное издание, которое, как указывает титульный лист, было подготовлено в 1292 г. хиджры (1874 г.) в городе Хиве»[3]. Он же впервые опубликовал отрывки из этого издания, причем все они даны как на узбекском языке, так и в переводе на немецкий[4]. Именно эта публикация А. Вамбери сделала достоянием европейской и российской научной общественности факт существования в Хиве книгопечатания.

Проф. А. А. Семенов первым отметил, что «эпоха широкого распространения литографии» закончилась во всех странах Востока, и литографские книги «отныне становятся в один ряд с восточными рукописями», что означает наступление «поры их

---

[1] Подавляющую часть национальной старопечатной книжной продукции края составляет литографская книга. Параллельное развитие и сосуществование рукописной, наборно-печатной и литографской печатной книги стало характерной особенностью развития книжной культуры края во второй половине XIX — первой четверти XX в. Безнаборный литографский (плоский, по полиграфической терминологии) способ печати, при котором оттиск снимается с зеркального отображения текста, предварительно написанного от руки на бумажном листе и нанесенного на каменную форму, получил здесь широкое распространение. Одной из главных причин выбора национальными книгоиздателями именно этого способа печати и закрепления его в национальном книгопечатании был тот факт, что литографский способ печати, используя в качестве неотъемлемого компонента труд каллиграфа, не прерывал в основе тысячелетние традиции рукописания. Более того, он открывал новые возможности для применения знаний каллиграфа в области многовекового репертуара рукописных книг при отборе для переписки наиболее полных и доброкачественных в текстологическом отношении рукописей, для приложения его умения и мастерства, которые продолжали служить умножению книжных богатств. Благодаря этому литографский способ печати безболезненно вписался в общую консервативную традицию национального книгопроизводства. Другой причиной было то, что в отличие от наборного способа печати литографский не требовал проведения многих трудоемких процессов, связанных с работой наборщиков, редакторов, корректоров, избавляя от затрат на приобретение дорогостоящего и редкого арабского шрифта. В условиях частного предпринимательства литографский способ печати обходился значительно дешевле наборного, что также было весьма немаловажно.

[2] Язбердиев А. К вопросу о начальном периоде книгоиздательской деятельности хивинской литографии (1874—1880)//Известия АН Туркм. Серия общест. наук. 1971. № 4. С. 58.

[3] Wambery A. Zwei moderne centralasiatische Dichter, Munis und Emir// Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Bd. VI. 1892. S. 198.

[4] Там же. С. 273—291.

изучения»[5]. Он составил еще в 1912 г. рукописный каталог литографских книг, принадлежавших Туркестанской публичной библиотеке. А. А. Семенов отмечал чрезвычайную редкость книг, печатавшихся в Хивинской литографии. И это совершенно неудивительно, ибо заведение хивинского хана не было коммерческим, и тиражи книг, печатавшихся в нем, не превышали 200—300 экз. Поэтому они сразу же после выхода в свет становились библиографической редкостью.

Русский востоковед-тюрколог А. Н. Самойлович, совершивший в 1908 г. путешествие с научной целью в Ташкент, Бухару и Хивинское ханство, подчеркивал, что об этой литографии не знали «даже в Ташкенте, хотя бы в канцелярии генерал-губернаторства», и что о ней до него «никто не сообщал»[6]. Сам А. Н. Самойлович о деятельности Хивинской литографии писал: «О том, что в Хивинском ханстве существует или существовала литография, я знал с тех пор, как познакомился с перепечаткой А. Вамбери извлечения из дивана хивинца Муниса с хивинского издания 1292—1874 г. Только приехав в Хиву, я узнал, что единственная хивинская литография существует с семидесятых годов и принадлежит хану. Постоянного помещения литография не имеет, посторонних заказов не принимает, работает с перерывами в несколько лет. Издания в продажу не поступают, а раздаются ханом в подарок. Весной 1908 г. ханская литография работала в центральном павильоне (чар-дара) большого Тазабагского сада, занимая южную солнечную половину чар-дара. Сочинение, подлежащее печатанию поступает в помещение, где писец снимает с него копию литографическими чернилами. В другом помещении копия переводится лист за листом на камень и предается тиснению. Теперешний камень умещает на себе 4 листа, а на прежний укладывался только один такой лист. Печатный станок ручной; при нем стоят двое рабочих: один вертит колесо, другой переменяет лист. Третий рабочий накатывает на валик краску за отдельным столом. За работой наблюдает мастер (уста)»[7].

Хивинская придворная литография была основана в 1874 г. Эту дату назвал в 1924 г., в год предполагаемого пятидесятилетия литографии, первый мастер Хивинской литографии Атаджан Абдалов. Газетная заметка содержит биографические сведения о национальном первопечатнике. Родился А. Абдалов в 1856 г. Начальное образование, как и все дети в те годы, получил у домуллы по месту жительства. В 1873 г. учился в русско-туземной школе в Петро-Александровске (Турткуль). Искусству литографского книгопечатания обучал А. Абдалова приглашенный хивинским ханом из Ирана мастер Ибрагим Султан. Первые четыре года службы в придворной литографии (1874—1878) А. Абдалов был учеником, а потом стал работать самостоятельно. Заметка в газете сопровождается портретом первого узбекского печатника, исполненным хивинским художником Умаром Курбановым[8].

По имеющимся данным, последние книги были изданы в Хивинской литографии в 1910 г. Литографских изданий Хивы, датируемых более поздним временем, нет ни в фонде Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни, ни в собрании Института рукописей им. Х. С. Сулейманова АН РУз. Ни одного хивинского издания не названо в библиографическом описании литературы, изданной в Туркестанском крае и по всей Центральной Азии за время с 10 октября 1910 г. по 23 февраля 1911 г.[9] Хивинский хан Мухаммад Рахим II умер в 1910 г. Его сын и преемник Исфандияр-хан издательской деятельностью не занимался. Можно констатировать, таким образом, что деятельность придворной литографии в Хиве продолжалась с 1874 по 1910 г.

Важную роль в организации хивинского литографского книгопроизводства сыграл поэт, каллиграф, редактор и композитор Мухаммад Расул Мирзо бошы (псевдоним Комил). Как можно заключить из анализа самих книжных изданий, Мухаммад Рахим II только Комилю Хорезми доверял подготовку и выпуск в свет многих книг, а также осуществление общего контроля за издательской деятельностью и работой литографии. Именно он подбирал рукописи для издания, иногда сам переписывал их, редактировал и корректировал тексты, писал предисловия к изданиям, наблюдал за печатанием той или иной книги, за проведением брошюровочных и переплетных работ. Вот что пишут о нем его современники: «... Мухаммад Расул Мирзо бошы был известен и как музы-

---

[5] Семенов А. А. Описание восточных литографированных изданий Фундаментальной библиотеки САГУ. Ташкент, 1939 (рукопись, хранится в библиотеке ТашГУ им. М. Улугбека).

[6] Краткий отчет о поездке в Ташкент и Бухару и в Хивинское ханство командированного СПб. университетом и Русским комитетом приват-доцента А. Н. Самойловича в 1908 г.//Изв. Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в истор., археол., лингвистич. и этнографич. отношениях. СПб., 1909. № 9. С. 21.

[7] Самойлович А. Н. Хивинские придворные книгохранилища и книгопечатня. Рукопись. Л. 50//Известия АН Туркм. Серия общест. наук. 1981. № 1. С. 82 (Публикация, примечания и комментарии А. Язбердиева).

[8] Фотография полосы газеты с портретом А. Абдалова была опубликована проф. Г. Н. Чабровым в 1956 г.

[9] Зимин Л. Библиография//Средняя Азия: Ежемесячное литературно-историческое издание. Кн. III. Ташкент, 1911. С. 144.

ковед и сочинитель музыкальных произведений. Обладал прекрасным каллиграфическим почерком и очень красиво писал в почерковых стилях насх и таълик. Обучил каллиграфическому письму примерно пятьсот человек. По повелению Мухаммад Рахимхана и Исфандиярхана им переписано несколько книг»[10].

Комил Хоразми первым в истории узбекского национального книгоиздательского дела сумел осуществить два грандиозных предприятия. В течение 1880 г. он совместно с хивинскими каллиграфами и печатниками подготовил к изданию и выпустил в свет книгу «Хамса» Алишера Навои, которую сопроводил тремя страницами своего предисловия. А в 1881 г. под его редакцией и с его же подробным предисловием выходит сборник диванов А. Навои «Хазоинул маоний» (1613 стр.).

В процессе подготовки этих книг к изданию Комилем Хоразми была проделана большая текстологическая работа по подбору наиболее полных и близких к прижизненным спискам Навои рукописей произведений поэта из ханской библиотеки. Как показало изучение истории национального книгоиздательского дела, хивинское издание «Хазоинул маоний» явилось первым и единственным в своем роде. Никто из частных узбекских издателей не издавал впоследствии в одном томе сразу все четыре дивана А. Навои. Известны лишь издания отдельных его диванов. Выпуск в свет «Хамсы» и «Хазоинул маоний» стал знаменательным явлением в культурной жизни не только тогдашнего Хорезма, но и всего края, ибо подобное событие произошло впервые в истории узбекской книжной культуры.

В 1880 г. с предисловием Комиля был издан «Девони Холис» Екубжона бин Иброхимхужа Хоразми. В 1897 г. Комил пишет предисловие к сборнику стихотворений поэта Феруза — Мухаммада Рахим-хана II.

На сегодняшний день известны названия более 40 книг, выпущенных в свет Хивинской литографией. В большинстве своем это литературно-художественные издания, сборники произведений Навои, Муниса, Хорезми, Мухаммада Рожи, Огахи, Табиби, других поэтов хорезмской литературной среды конца XIX — начала XX в. Среди них — два издания дивана Мухаммада Ризо Огахи «Таъвизул ошикин» («Амулеты влюбленных»). Первое издание осуществлено в 1882 г. и содержит 540 стр., из которых 18 стр. составляет дебоча — авторское предисловие. Второе издание увидело свет в 1905 г. и содержит 434 стр., из них 13 стр. предисловие. Оба издания готовил к печати Комил.

Известны четыре издания диванов самого Комиля. Первый диван издан в 1880 и 1881 гг. сыном Комиля Мухаммад Расул Мирзо под названием «Девони Комил» (181 стр. и 3 стр. предисловия). Два других дивана изданы в 1895 и 1909 г.

В 1906 г. поэт Ахмад Табиби подготовил к изданию сборник стихотворений хорезмских поэтов «Маджмуатуш шуаро». Кроме хивинского хана — поэта Феруза, в сборнике приняли участие еще 33 поэта. Он состоит только из газелей, помещенных в алфавитном порядке. За газелями хана следуют газели всех 33 поэтов на ту же рифму или тот же редиф. Перед каждой газелью имеется коротенькое месневи. Этим же размером написано предисловие к сборнику Ахмада Табиби. В нем приведены имена и псевдонимы всех авторов сборника, среди которых — сыновья и внуки хана, придворные сановники. В сборник включены 3099 газелей, занимающих 1655 стр. В 1906—1907 гг. в Хиве было осуществлено четыре издания сборника диванов хорезмских поэтов под названием «Хафт шуаро». В 1909 и 1910 гг. изданы три дивана Ахмада Табиби на узбекском и персидском языках — «Хайратул ушшок», «Мунисул ушшок», и «Миротул ишк».

А. Н. Самойлович, изучавший в 1908 г. книжное дело и литературу в Хиве, оставил подробное описание двух книгохранилищ Мухаммада Рахима II. Одна из библиотек была расположена в хивинском Арке, другая — в летней резиденции Тазабаг. Вот как описывает А. Н. Самойлович библиотеку в Арке. «В юго-западном углу «горунуш-хана» или двора для аудиенции в Хивинской резиденции хана имеется дверь, а за ней узкая, крутая, каменная лестница, которая ведет в небольшую комнату второго этажа одного из зданий, окружающих с четырех сторон двор аудиенции; это и есть ханская библиотека. В южной стене комнатки — входная дверь, в восточной — два окна, смотрящих на айван перед тронным залом; у западной стены стоят два деревянных книжных шкафчика со стеклянными дверцами, а у северной — один глухой. В маленьком рукописном каталоге, хранящемся в одном из книжных шкафов, значится 500 номеров разных сочинений, как рукописных, так и печатных (типо- и литографированных). Северный шкаф занят почти полностью печатными книгами по медицине. В шкафах у задней стены сложены сочинения исторические, по суфизму и политические; печатных книг приблизительно столько же, как и рукописных, если не больше. Преобладают сочинения на персидском языке; арабских мало; из турецких — большая часть написана на среднеазиатском литературном языке (джагатайском), но есть также и на османском (румском) и на казанско-татарском (ногайском)... В Таза-багской библиотеке всего около 200 рукописей,— переходит к описанию другого книгохранилища А. Н. Самойлович,— и порядочное количество печатных книг индийского, персидского, османского, казанского и туркестанского издания. Преобладают сочинения на

[10] Мулла Бекжон Рахмон угли и Мухаммад Юсуф Баёни. Краткая история музыки Хорезма [Хоразм мусики тарихчаси]. Хива, 1925. С. 42.

персидском языке и поэтического содержания. Книги переплетены в картон или кожу; на переплетах наклеены белые бумажные ярлычки с указанием заглавия сочинения или сочинений данного тома и с пометками: «рукописное» или «печатное», «стихи» или «проза». Каталога нет»[11].

В Хиве, как и в любом туркестанском городе, имелось множество частных (личных) и вакфных книгохранилищ. Обязательным было наличие библиотеки в каждом медресе города; большое или малое собрание книг существовало в каждой мечети, при обителях дервишей и каландаров в ханаке (пансионах, устраиваемых богатыми меценатами), в мавзолеях, больницах. В Хиве функционировала специальная сеть библиотек мусульманских общин, обслуживавших население по месту жительства в жилых кварталах — махалля. Например, А. Н. Самойлович в заключение своей оставшейся в рукописи работы прямо указывает: «Кроме виденных мною двух ханских библиотек есть в Хиве книгохранилища и у наследника престола, и у принцев, и у вельмож, и у духовенства Можно. предполагать, что после 1873 года в этих книгохранилищах сохранилось более ценных рукописей, чем у хана»[12].

В дополнение к сведениям А. Н. Самойловича о количестве рукописных книг в библиотеках хивинского хана, которых, по его приблизительным подсчетам, оказалось около 450 (250+200), добавим, что за 35 лет до его посещения Хивы, т. е. в 1873 г., во время военного разгрома Хивинского ханства, при конфискации ханского дворца, востоковедом А. Л. Куном было собрано и отправлено в Россию, в Азиатский музей в Петербурге, 300 томов уникальных восточных рукописей. Спустя 37 лет после посещения А. Н. Самойловичем Хивинского ханства, в 1945 г., из Хивы в Ташкент, во вновь организованный Институт по изучению восточных рукописей (ныне ИВ АН РУз) было вывезено около 1000 рукописей, в основном на тюркском языке, хранившихся до того в Хорезмском областном краеведческом музее. По сообщению С. А. Азимджановой и Д. Г. Вороновского, в Хиву была послана экспедиция, «вывезшая оттуда около 800 рукописей и ценнейших первопечатных хивинских литографированных изданий».

В заключение отметим что и сегодня во многих хивинских семьях хранятся средневековые манускрипты как священные атрибуты неразрывной духовной связи поколений, ибо традиции рукописной книжности имеют на хорезмской земле древнейшие корни. Не будем забывать, что сегодня в Хиве живут потомки тех, кто первыми в Туран замине создали свое «национальное» письмо на арамейской графической основе, названное учеными хорезмским письмом, и пользовались им в книжном деле и повседневном обиходе на протяжении четырнадцати веков — с IV—III вв. до н. э. по XI в. включительно, до перехода на узбекское национальное письмо на арабской графической основе.

Э. А. Ахунджанов

---

[11] Самойлович А. Н. Хивинские придворные книгохранилища... С. 74, 79.

[12] Там же. С. 82.

[13] Рукописная библиотека хана Мухаммада Рахима//Правда Востока. 1945. 16 окт.

[14] Азимджанова С. А. и Вороновский Д. Г. Собрание восточных рукописей Академии наук...//Востоковедные фонды крупнейших библиотек... Статьи и сообщения. М., 1963. С. 122.

12 МАҚОМ СЕМАНТИКАСИ ХУСУСИДА

Мақомот тизимини ташкил этган Шашмақом, Хоразм мақомлари ва Фарғона-Тошкент мақом йўллари маънолар силсиласини идрок этишда уларнинг «пойдевори» ҳисобланмиш «Ўн икки мақом тизими» муҳим аҳамият касб этади. Хусусан, бу ўрнида ушбу тизимнинг таркибий қисмларидан бўлган[1] 12 мақом семантикаси[2] алоҳида нуфузга эга бўлиб, мақоламизда ана шу масаланинг айрим жиҳатларига эътиборни қаратмоқчимиз.

Аввалombор шуни айтиш керакки, Урта аср (XIII—XVII)ларда машҳур бўлган 12 мақомнинг ҳар бири алоҳида хусусий ва умумий номларига эга бўлган. Чунончи, хусусий номлари — Ушшоқ, Наво, Бусалик, Рост, Ҳусайний, Ҳижоз, Роҳавий, Зангула, Ироқ, Исфаҳон, Зирофканд (Кучак), Бузург (Бузрук) каби аталган. Умумий номлари эса «доира», «давр», «ҳалқа», «жамъ» янглиғ юритилиб, улар кўпроқ назарий-фалсафий кесимда аҳамиятли эди.

---

[1] Эслатиб ўтиш жоизки, «Ўн икки мақом тизими» ўз ичига 12 мақом, 6 овоза, 24 шўъба каби таркибий қисмларни қамраб олган.

[2] Юнонча «семантика» сўзи асосан тилшуносликда кенг қўлланилиб, сўз, сўз бирикмалари ва ибораларининг мазмун жиҳатини англатади. Мусиқашуносликда эса мусиқий шакл, тузилма ва ифода воситаларининг мазмун-маъноларини ўрганувчи фан назарда тутилади.

тўғри келади. Баёний тарихнавис олим сифатида Хоразм тарихига онд қимматли «Шажарайи Хоразмшоҳий» ва «Хоразм тарихи» номли тарихий асарлар ижод этади.

Баёнийнинг «Шажарайи Хоразмийшоҳий» номли асарида, Абулғозийхон, Мунис ва Огаҳийларнинг «Шажарайи турк» «Шажарайи тарокима», «Фирдавс ул-иқбол», «Риёз уд-давла», «Зубдат ут-таворих», «Жомиъ ул-воқеати султоний», «Гулшани давлат» ва «Шоҳид ул-иқбол» номли тарихий асарларида келтирилган давр, яъни Хоразмда қадим замонлардан 1873 йилгача бўлиб ўтган тарихий воқеаларни келтириш билан бирга, ундан сўнгги давр, яъни 1873 йилдан 1914 йилгача Хива хонлигида содир бўлган тарихий воқеалар баён этилади. Ўз мазмуни билан Баёнийнинг бу асари, юқорида номлари зикр этилган тарихий асарларнинг хулосаси ва давоми ҳисобланади.

Мунис ва Огаҳийнинг тарихий асарлари хашамдор қийин тил билан ёзилган бўлиб, уларда арабча ва форсча сўзлар ва оғир иборалар кўп учрайди. Шу сабабли ўқувчиларга бу асарни тушуниш қийин бўлган. Ана шу қийинчиликларни бартараф қилиш ва ўқувчилар учун тушунарли қилиш мақсадида, Баёний Мунис ва Огаҳий асарларини *бир жилдга тўплаб, маълум даражада қисқартириб*, содда тил билан қайта ёзиб чиқади. Бу ҳақда Баёний бундай деб ёзади: «Бу йил 1329/1911 йилдир. 1873 йилдан 1911 йилгача бўлган воқеалар ёзилмай қолган. Бу даврда Хоразмда бўлган тарихий воқеаларни ёзиш фақирнинг зиммасига тушади. Ўз асаримни «Шажарайи Хоразмшоҳий» деб атадим ва 16 бобга бўлдим»[1].

Баёнийнинг кўрсатишича, бу асарни ёзиш вақтида Огаҳийнинг «Жомиъ ул-воқеоти султоний» ва «Шоҳид ул-иқбол» номли асарларини топишнинг имкони бўлмаганлиги туфайли, 1846 йилдан 1872 йилгача Хоразмда бўлган тарихий воқеалар, Огаҳийдан ташқари, бу асарда иккинчи марта Баёний томонидан ҳам ёзилган. Шундай қилиб, бу асарда 1846 йилдан 1914 йилгача Хива хонлигида бўлган тарихий воқеалар Баёний томонидан ёзилган.

Баёнийнинг мазкур тарихий асари Хоразм тарихини ўрганишда аниқ маълумот берувчи асосий манба бўлиб хизмат қилади. Аввало бу асарда сиёсий ҳаёт жуда муфассал баён этилган.

Баёнийнинг мазкур асарининг XV бобида Муҳаммад Раҳимхон II — Фируз (1865—1910) ҳукмронлиги даврида Хива хонлигида бўлган воқеалар ҳақида гапирилади.

Хива хонлигининг сиёсий ҳаётида рўй берган катта воқеалардан бири, Хива хонлигини Чор Россияси томонидан босиб олиниши эди. Бу воқеа Хоразмда Муҳаммад Раҳимхон II ҳукмронлиги даврида содир бўлган эди. Муҳаммад Юсуф Баёний ўзининг «Шажарайи Хоразмшохий» асарида бу масалага жуда муфассал тўхтаб ўтган ва бу борада қимматли маълумотларни келтирган.

Айниқса босқин вақтида шаҳарларни мудофаа қилишда олиб борилган ишлар, кўрсатилган қаршиликларга қарамай Хива хонлигига қарашли шаҳарларнинг Чор Россияси томонидан бирин-кетин босиб олиниши, Чор Россияси генералларининг бу ерда олиб борган аёвсиз ва шафқатсиз сиёсати аниқ кўрсатиб ёзилган. Баёний шу даврда ана шу воқеалар ичида яшади ва уларнинг шоҳиди бўлган. Бу масалани аниқ маълумотлар асосида ўрганишда ва ёритишда хоразмлик тарихнавис олим Баёний томонидан ёзилган бу тарихий асар катта аҳамият касб этади.

Хоразм тарихига онд бу қимматли манбада, Хоразм ижтимоий-иқтисодий ва маданий ҳаётини ўрганишда ҳам жуда қимматли маълумотлар келтирилган. Улар ҳақида батафсил гапириб ўтишнинг имкони йўқ.

Қисқача қилиб айтганда, хоразмлик буюк ва забардаст тарихнавис олимлар Абулғозийхон, Шермуҳаммад Мунис, Муҳаммад Ризо Огаҳий ва Муҳаммад Юсуф Баёнийлар Хоразмда қадим замонлардан бошлаб 1914 йилгача бўлиб ўтган тарихий воқеаларни баён этувчи, юқорида номлари келтириб ўтилган қатор қимматбаҳо тарихий асарларни ижод этдилар.

Келажакда Хоразм тарихини атрофлича ўрганишда мазкур тарихнавислар томонидан яратилган *тарихий асарлар асосий манба бўлиб хизмат қиладилар.*

К. Мунировв

[1] Баёний. Шажарайи Хоразмшоҳий, мазкур қўлёзма асарлар фонди, инв. № 9596, варақ: $2^б$—$4^а$.

СВЕДЕНИЯ АРАБСКИХ ИСТОЧНИКОВ О СРЕДНЕВЕКОВОЙ ХИВЕ

Один из древнейших городов Центральной Азии, да и всего мира, Хива известна в истории главным образом как столица Хорезмского ханства, просуществовавшего около 500 лет (с XV в. до начала XX в.). Ранее это был небольшой город, каких до монгольского завоевания в Хорезме насчитывалось несколько десятков.

В средневековых арабоязычных историко-географических источниках содержатся некоторые сведения о Хиве того времени, характеризующие как историческую топографию города, так и его культурную и общественно-политическую жизнь.

Одно из самых ранних упоминаний г. Хивы в арабоязычных источниках содержится в сочинении Ибн ал-Асира в связи с событиями 283/896—97 г., когда в крепости Хивы был убит Рафи' ибн ал-Лайс, поднявший мятеж против Багдада[1].

По данным арабских географов X в., Хива была просторным городом, расположенным у края пустыни, на берегу большого канала, выведенного из р. Джайхун, т. е. Амударьи. По этому каналу плавали суда, которые доходили до самой Хивы[2]. Город был окружен мощной крепостной стеной; в нем имелась красивая соборная мечеть[3]. Примечательно, что все жители средневековой Хивы относились к шафиитскому толку мусульманского фикха, тогда как жители остальных городов были ханифитами[4]. Пустыня, у края которой находилась Хива, простиралась до самого Мерва[5]. По данным Хаджи Халифы, напротив крепости Хивак была расположена еще одна крепость — Вазир Шахри, где имелась могила Наджм ад-дина Кубра[6]. Известно, что гробница этого суфийского шайха, родом из Хивы, находилась в Ургенче и была одной из немногих построек, уцелевших после монгольского нашествия[7].

Представляет интерес сообщение Якута относительно этимологии названия г. Хивы. По его данным, город был назван «Хива» или «Хивак» по имени одного человека[8]. Чтение «Хивак» приводится и в некоторых других средневековых источниках[9].

В источниках имеются также различные указания о местоположении средневековой Хивы. По этим данным, она находилась на расстоянии одного дня пути от столицы Хорезма, т. е. Ургенча[10], одного дня пути от Рахушмиана или двух почтовых станций от Кардаран-хаса[11], пяти фарсахов от Кандаран-хаса и пяти фарсахов от Сафардаза[12], или 15 фарсахов от Ката[13]. Однако все эти сведения особой ценности не представляют, поскольку Хива—один из немногих городов Центральной Азии, сохранивших со дня основания свое первоначальное местоположение. Зарождение и развитие городской жизни в древности и средневековье происходили здесь в пределах крепости Ичан-кала, занимающей около 26 га на территории современной Хивы. Античный город охватывал почти всю территорию внутри крепостных стен Ичан-калы[14].

По данным ас-Са'алиби, в X в. из Хорезма среди прочих товаров вывозили большое количество тюркских рабов[15]. По ас-Сам'ани, торговцы рабами ходили по городам и селениям, покупали людей и обращали их в рабство, а затем продавали их на невольничьем рынке. Одним из таких работорговцев был некий Абу Са'ид Ахмад ибн Али ибн Ахмад ал-Джаллаби (род. в 471/1078—79 г.), выходец из хорезмского селения Савакан, расположенного вблизи Хазараспа. В XII в. ас-Сам'ани встречался с ним в Хиве. По его словам, он был ученым, факихом и благочестивым шайхом, и ас-Сам'ани записал с его слов три хадиса[16].

По данным Махмуда ибн Вали, после того как около 1614—1615 гг. Амударья изменила свое русло и потекла к Аральскому морю, столица Хорезма была перенесена

---

[1] Ибн ал-Асир. Китаб ал-камил фи-т-тарих. Каир, 1883—1885. Т. 7. С. 183. На араб. яз.

[2] Abu Abdallah Mohammad ibn Ahmad al-Moqaddasi. Descriptio imperii moslemici/Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1967. BGA. Pars 3. P. 287, 344.

[3] Ibn al-Fakih al-Hamadani. Kitab al-Buldan/Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1967. BGA. Pars 5. P. 479.

[4] Якут ал-Хамави. Му'джам ал-булдан. Каир, 1906. Т. 3. С. 503. На араб. яз.

[5] Извлечения из «Матла' ас-са'дайн» Абд ар-Раззака ас-Самарканди//Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. М.; Л., 1939. С. 536.

[6] Хаджи Халифа Катиб Челеби. Джахан-нама. Изд.-факсимиле. Истанбул, 1989. С. 346. На турец. яз.

[7] Буниятов З. М. Государство хорезмшахов-ануштегинидов (1097—1231). М., 1986. С. 103.

[8] Якут ал-Хамави. Указ. соч. Т. 3. С. 503.

[9] Извлечения из «Матла' ас-са'дайн». С. 534; Хаджи Халифа. Указ. соч. С. 346; Абд ар-Рашид ал-Бакуви. Китаб талхис ас-асар ва аджа'иб ал-малик ал-каххар/Изд. текста, пер. и предисл. З. М. Буниятова. М., 1971. С. 92.

[10] Хаджи Халифа. Указ. соч. С. 346.

[11] Абу Абдаллах ал-Мукаддаси. Указ. соч. С. 344.

[12] Abu Ishak al-Farisi al-Istakhri. Viae regnorum/Ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1967. BGA. Pars I. P. 299, 341.

[13] Якут ал-Хамави. Указ. соч. Т. 3. С. 503.

[14] Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973. С. 176.

[15] Абдуллаев И. Сведения об областях и городах Средней Азии и Хорасана по «Лата' иф ал-ма' ариф» ас-Са'алиби//Материалы по истории и истории науки и культуры народов Средней Азии. Ташкент, 1991. С. 84—85.

[16] Абу Са'д Абд ал-Карим ибн Мухаммад ас-Сам'ани. Китаб ал-ансаб/Изд. Абд ар-Рахмана ал-Му'аллими Байрут, 1981. Т. 3. С. 399.

из Ургенча (средневековая Джурджанийа) в Хиву — просторный город со здоровым климатом[17].

Из известных деятелей науки и культуры, происходивших из Хивы, в первую очередь следует назвать Абу-л-Джаннаба Ахмада ибн Умара ибн Мухаммада ал-Хиваки, известного как Наджм ад-дин Кубра (540—618/1145—1221 гг.)— суфийского шайха, основателя секты ал-Кубравийа, или аз-Захабийа[18]. Известны его сочинения «Рисалат ал-ха'им ал-ха'иф мин лаумат ал-ла'им»[19], а также «Тафсир Наджм ад-дин» в 12 томах, «Рисалат ат-турук»[20] и др. Шайх Наджм ад-дин Кубра был убит монголами в Урганче, а его гробница была одной из немногих построек, уцелевших в городе после монгольского нашествия[21]. В 1333 г. его гробница была отстроена заново[22].

Еще одним из выдающихся деятелей государства Хорезмшахов был так называемый «Столп веры и твердыня державы» Шихаб ад-дин Абу Са'д ибн Имран ал-Хиваки, который достиг при хорезмшахе Ала ад-дине Мухаммаде такой степени, «когда уже не приходится желать большего, ибо нельзя возвыситься выше неба. Хорезмшах советовался с ним в серьезных делах и прислушивался к его мнению»[23]. Шихаб ад-дин ал-Хиваки был известным законоведом и знаменитым муфтием шафиитского толка. Кроме того, он был знатоком лексикологии, медицины, диалектики, наук о красноречии, языке и хорошем ведении дел. Он преподавал в пяти медресе Хорезма и лишь в остальное время занимался государственными делами[24].

Шихаб ад-дин ал-Хиваки был главой всех шафиитов Хорезма и построил на свои средства в столице Хорезма при шафиитской мечети большую библиотеку, «подобной которой не было ни раньше, ни впоследствии»[25].

Шихаб ад-дин ал-Хиваки был истинным патриотом своего народа. Когда в рамадане 600/мае 1204 г. владетель Гура Шихаб ад-дин Мухаммад ал-Гури (правил в 1203—1206 гг.) осадил столицу хорезмшахов Гургандж, имам ал-Хиваки призвал всех жителей сплотиться и встать на защиту города. Последовав примеру имама, который пожертвовал на оборону Гурганджа все свое имущество, жители отдавали для нужд защиты города оружие, деньги и все ценное[26].

В 617/1220—21 г., после убийства монгольских купцов в Самарканде, хорезмшах Мухаммад созвал военный совет, на котором имам ал-Хиваки предложил ему собрать на берегу Сырдарьи все свои войска, насчитывавшие около 400 тыс., и напасть на монголов, уставших от длительного перехода. Однако хорезмшах, до того всегда прислушивавшийся к мнению имама, отклонил этот полезный совет и решил разослать свои войска по городам, тем самым рассеяв все свои силы[27].

После этого имам ал-Хиваки решил покинуть Хорезм, потеряв надежду на возвращение туда. Ему очень не хотелось оставлять свои книги и он взял с собой самые дорогие из них. Когда он был убит монголами в Насе, его книги попали в руки простонародья. Вместе с ним в Насе был убит и его сын Тадж ад-дин ал-Хиваки. Его гробница в Насе была известна под названием мазар Мил Джафта[28].

Таким образом, в арабских источниках содержатся ценные сведения о средневековой Хиве и происходивших из нее видных деятелях науки и культуры эпохи, предшествовавшей монгольскому завоеванию.

Ш. С. Камалиддинов

---

[17] Махмуд ибн Вали. Море тайн относительно доблестей благородных/Введ., пер., прим. Б. А. Ахмедова. Ташкент, 1977. С. 19, 43.

[18] О нем см.: Комилов Н. Нажмиддин Кубро. Тошкент, 1991.

[19] Абд ар-Рашид ал-Бакуви. Указ. соч. С. 92.

[20] Хаджи Халифа Катиб Челеби. Кашф аз-зунун. Каир, 1898. Т. I. С. 316, 557, 570.

[21] Буниятов З. М. Указ. соч. С. 103.

[22] Хоразм тарихи. Урганч, 1996. Т. I. С. 173.

[23] Шихаб ад-дин Мухаммад ан-Насави. Жизнеописание султана Джалал ал-дина Манкбурны/Пер. с араб., предисл. и коммент. З. М. Буниятова. Баку, 1973. С. 93.

[24] Буниятов З. М. Указ. соч. С. 67.

[25] Шихаб ад-дин Мухаммад ан-Насави. Указ. соч. С. 94.

[26] Буниятов З. М. Указ. соч. С. 67.

[27] Ибн ал-Асир. Указ. соч. Т. 12. С. 167.

[28] Шихаб ад-дин Мухаммад ан-Насави. Указ. соч. С. 96.

ИСТОРИОГРАФИЯ

К ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ХИВЫ

В отличие от Бухары, зарубежная, главным образом европейская, историография о Хиве не столь значительна. В ней можно выделить три главных раздела: отчеты и писания европейских путешественников XIX — начала XX в.; научные исследования по истории и культуре Хивы — количественно они невелики; небольшое число научно-популярных публикаций — путеводители и фотоальбомы по архитектурным памятникам Хивы. Отдельный раздел составляют издания письменных источников XVII — начала XX в. о Хиве.

Первое описание Хивы в западноевропейской литературе, составленное Дж. Хэнвеем, относится к первой половине XVIII в.[1] В XIX в. в Европе, а также в Санкт-Петербурге появилось достаточно большое количество работ европейских путешественников посетивших Хиву. Среди них — книги Г. Генса[2], Р. Шекспира[3], Т. Ф. Базинера[4]. (составившего план Хивы в 1842 г.; через 100 лет после плана города, снятого русским офицером Назимовым[5]), А. Вамбери[6], Мишеля[7], Дж. А. Мак-Гахана[8], Ф. Барнаби[9], Дж. Аббота[10], Х. Ландсделла[11], Х. Мозера[12]. В них содержатся весьма важные сведения по истории и культуре Хивы, о современном ее положении, составе населения, архитектурных памятниках, экономике, торговле, обычаях и обрядах населения, походе русской армии и падении Хивы.

В 1873 г. в Калькутте была издана обобщающая работа Х. Коллета о Хиве, содержащая исторические, географические и этнографические данные[13].

Во второй половине XIX в. появляются и первые научные исследования о Хиве, опубликованные на европейских языках. Это, в частности, ставшее классическим исследование П. Лерха[14], Э. Захау[15]. Отметим также изданную в Париже книгу Абд-ал-Керима Бухари по истории Центральной Азии, в том числе Хивы, XVIII — начала XIX в.[16] и Реза Кули-хана[17]. Затронута Хива и в книге Ф. Шварца[18].

---

[1] Hunway J. An historical account of the British trade over the Caspian Sea: With the authors journal of travels from England through Russia into Persia; and Back through Russia, Germany and Holland... 2 d ed., revised and corrected. Vol. I—II. London, 1754.

[2] Helmersen. Nachrichten über Chiva, Buchara, Chokand und den nordwesten Theil des chinesischen Staates, gesammelt von dem Präsidenten der asiatischen Grenz-Comission in Orenburg, General-Major Gens, bearbeitet und mit Anmerkungen versehen von Gr. Helmersen. Neudruck der 1839. Osnabruck, 1968 (Beitrage zur Kenntnis des Russischen Reiches und der angränzenden Länder Asiens, 2).

[3] Schakespear R. A personal narrative of a Journey from Herat to Ourenbourg, in the Caspian, in 1840. Blackwood's Magazine, N 320. Vol. LI (1842).

[4] Basiner T. F. J. Naturwissenschaftliche Reise durch die Kirgisiensteppe nach Chiva. St.-Ptb., 1848.

[5] Бартольд В. В. Хорезм//Соч. Т. III. М., 1965.

[6] Vambery A. Travels in Central Asia being account of a journey from Teheran across the Turkoman desert on the eastern of the Caspian to Khiva, Bokhara and Samarkand performed in the Year 1863. London, 1864 (Repr. New York, 1970).

[7] Michell. A narrative of the Russian military expedition to Khiva; conducted by prince Alexander Bekovitch Cherkasski in 1717. London, India Office. 1873.

[8] Mac Gahan J. A. Campaigning on the Oxus and the fall of Khiva. New York, 1874 (Repr. New York, 1970).

[9] Barnaby F. A ride to Khiva: Travels and adventures in Central Asia. 4 th ed. London—Paris—New York, 1976.

[10] Abbott J. Narrative of a Journey from Herat to Khiva, Moscow and St. Petersburg during the Late Russian invasion of Khiva: With some account of the court of Khiva and the Kingdom of Khaurism. 3rt ed. Vol. I—II. London, 1884.

[11] Landsdell H. Russian Central Asia including Kulja, Bokhara, Khiva and Merv. Vol. I—II. London, 1885 (Repr. New York, 1970).

[12] Moser H. A travels l'Asie centrale. Impressions de voyage. Paris, 1885.

[13] Collet H. A Contribution towards the better Knowledge of the topography, ethnography, resources and history of the Khanat of Khiva, compiled (for political and military reference) by H. Collet, Calcutta: Foreign Department Press, 1873. H. (Central Asia. Ed. by C. M. Mac Gregor. Vol. 6. Section 1).

[14] Lerh P. Khiva oder Kharezm//Seine historischen und geographischen Verhältnisse. St.-Ptb., 1873.

[15] Sachau E. Zur Geschichte und Chronologie von Khwarizm. Theil I—II. Wien, 1873.

[16] Histoire d'Asie Centrale (Afghanistan, Boukhara, Khiva, Khokand). Depuis les derniéres annees du regne de Nadir Chah (1153), jus qu'en 1233 de l'Hegire (1740—1818) par Mir Abdoul Kerim Boukhari. Paris, 1876.

[17] Riza Qouly Khan. Relation de l'ambassade au Kharesm//Trad. et ann. par Charles Schefer. Paris, 1879.

Современные исследования о Хиве также незначительны, причем иногда перечисляются старые работы без учета новейших научных данных. Примером может послужить перепечатанная в новом издании «Энциклопедии ислама» статья В. В. Бартольда о Хиве[19], где о домусульманском периоде ее истории ничего не сказано. Между тем узбекистанскими археологами установлено, что уже в первых веках до н. э.— первых веках н. э. Хива была значительным городом, а ее основание относится к середине I тыс. до н. э.

Несомненно, наиболее весомый вклад в изучение позднесредневековой Хивы внесен ныне американским ученым Ю. Брегелем, издавшим о ней множество статей и книг на русском и европейских языках[20].

Проявляют интерес к истории и культуре Хивы и некоторые европейские ученые[21].

Среди путеводителей по Хиве отметим работы Г. А. Пугаченковой[22], Р. Гинка и К. Комбоса[23], Ю. Голденштейна[24], фотоальбом В. Наумкина[25], а также книгу К. Пандера об искусстве и культуре Центральной Азии[26].

Приведенные здесь работы — лишь часть научной зарубежной литературы о Хиве, особенно периода Хивинского ханства и русского протектората. Большая часть их приведена в фундаментальной библиографии «Мусульманская Центральная Азия», изданной недавно Ю. Брегелем[27]. Однако вопросы зарубежной (и западной, и восточной) историографии о Хиве требуют еще глубокого, всестороннего изучения.

Э. В. Ртвеладзе

---

[18] Schwarz F. Turkestan, die Wiege der indo-germanischen Völker. Nach fünfzehnjahrigen Aufenthalt in Turkistan dargestellt. Freiburg im Breisgau, 1900.

[19] Bartold V. V. Khiva//Encyclopaedia of Islam.

[20] Bregel Yuri. The Tawarikh-i Khorazm shahiya by Thana'i: The historiography of Khiva and the Uzbek literary language. Aspects of Altaic Civilisation II. Proceedings of the XVIII PIAC. Bloomington. June 29 — July 5, 1975/Ed. by L. V. Clark and P. A. Draghi. Bloomington, 1978, 17—23 (Indiana University Uralic and Altaic Series, 134); Bregel Yuri. Tribal tradition and dynastic history: the early rulers of the Qongrads according to Munis//Asian and African Studies, 16 (1982), 357—398 (Studies in the History and Culture of Central Evrasia/Editor Marsel Erdal); Bregel Yu. Arabsahi//Encyclopaedia Iranica. Vol. 2. 1987. P. 243—245.

[21] Kelliner-Heinkele B. Climpses at the cultural life of 19th century Khiva// Rocznik Orientalistyczny.T. XLIX. Z. 2. 1994; Becher S. Russia's protectorates in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865—1924, Cambridge, 1968; Christie E. K. Through Khiva to Golden Samarkand. London, 1925.

[22] Pugatschenkova G. A. Termes, Schahr-i-Sabz, Chiva. Berlin, 1981.

[23] Ging R. and Combos K. The pearls of Ouzbekistan: Bukhara, Samarkand and Khiva. Budapest, 1974.

[24] Goldenstein Y. Samarkande—Boukhara—Chakhrisiabz—Khiva. Paris, 1995.

[25] Khiva/Ed. by Vitaly Naumkin. Reading. 1993 (Caught in Time: Great Photographic Archives).

[26] Pander K. Sowjetischer Orient. Kunst und Kultur, Geschichte und Gegenwart der Völker Mittelasiens, Köln. 1982.

[27] Bregel Yu. Bibliography of Islamic Central Asia. Complied and edited by Yuri Bregel. Part I—III. Bloomington, Indiana, 1995.